

Даниил Румянцев

ДЕТИ

Даниил Румянцев

ДЕТИ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р86

Р86 **Румянцев Д.**
Дети. – М.: Эдитус, 2017. – 224 с.

ISBN 978-5-00058-578-8

Эта история написана простым студентом и повествует о, возможно, последнем поколении людей, чьё детство не было отравлено компьютерной эпохой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Малое путешествие, или История о трёх сорванцах

Глава первая

МОЖАЙСКОЕ ШОССЕ

Должен признать, что весна в Центральной России – явление своеобразное и крайне капризное. Крепкий мороз и повсеместная слякоть сменяют друг друга в течение всего марта. Мягкий южный ветер, приносящий тепло, настолько робкий, что едва потянет холодом с севера, как он тут же теряется, и всё вокруг вновь покрывается коркой льда. Мартовское солнце тоже не слишком ответственно подходит к делу и, едва растопив зимний лёд, бросает всё на полпути и скрывается за берёзовой чащей, оставляя все нажитые за день лужи, ручьи и слякоть у порога длинной тёмной ночи. Та в свою очередь сковывает всё это богатство крепким морозцем. И так продолжается до тех пор, пока апрельские дни не принесут тёплый южный воздух, от которого зима, робея на глазах, уходит талым серым снегом в прятные земли. Отсюда и отношение к весне в наших краях у всех разное и неоднозначное. Но весна девяносто восьмого года оказалась особенной и запомнилась мне надолго.

Было мне тогда тринадцать лет. Жил я с отцом и матерью в небольшой деревушке с названием Сосновка близ города Можайска. Уже настали апрельские дни, и я с нетерпением ждал, когда высохнут местные просёлочные дороги и я вновь смогу кататься по полю на своём стареньком велосипеде. Так, в одну солнечную пятницу моё желание сбылось – дере-

венские дороги подсохли, и я мог вскочить на моего гнедого коня – так я любил называть свой велосипед за характерную ржавчину во многих местах.

Должен заметить, что у нас с родителями были разные представления о сухости местных дорог. Я считал дорогу сухой, даже если на ней оставалось немного снега, а количество и размеры луж были такими, что их можно было как-нибудь объехать хотя бы в пятидесяти процентах случаев (в том возрасте я был равнодушен к математике и любил считать всё в процентах). Родители же считали такую дорогу слишком сырой и грязной, невзирая на мои математические выкладки. Поэтому гнедого коня мне доставали из сарая не сразу, а после многочисленных обещаний тепло одеться, быть предельно аккуратным и кататься только недалеко от дома по сухим тропинкам. Разумеется, каждый год все мои обещания растворялись в грязи, которая была в изобилии на одежде и ботинках после первой же весенней поездки. Виноватая улыбка была моим типичным оправданием в этих случаях.

Именно так всё было и той весной. Очистив запачканную одежду после первой моей поездки и поленившись очистить велосипед, я подумал завтра покататься ещё раз, может, даже махнуть в соседнюю деревню к своему другу Мишке. Деревня эта находилась в трёх километрах от нашего посёлка. Едва эта мысль проскользнула в моей голове, как я счёл её потрясающей, тем более что завтра была суббота.

«Отличное начало выходных», – подумал я.

В предвкушении завтрашнего дня я провёл вечер, но к ужину вдруг стал ощущать какую-то непонятную мне тоску. Следует отметить, что это недомогание в виде лёгкой скуки преследовало меня ещё днём и к вечеру обострилось. До самой ночи я так и не смог понять, отчего был повержен в такое состояние, и, так и не разгадав причину этого коварного вируса, лёг спать. Уснуть я так и не смог: всё сильнее одолевала меня таинственная тоска.

Это был первый день велосезона – лучший день в году, возможно, даже лучше дня рождения. Я думал о том, как скоро наступят майские праздники и я смогу кататься на велосипеде целыми днями, наблюдая цветение весенних дере-

вьев. А там и длинное лето не за горами – будем ездить с мальчишками на пруд, брать с собой из дома пироги на весь день и играть в футбол на берегу.

Так мы проводили каждое лето, и каждый год я ждал этого с нетерпением. И в этот самый момент я осознал причину моей затянувшейся вечерней тоски. Ведь всё, что меня ждёт – майские праздники за рулём велосипеда напролёт, пикники и летние поездки на пруд с друзьями, – всё это повторяется из года в год. Мы всё так же будем подшучивать над чудной причёской Валерки, нашего двоюродника, всё так же спорить на камень-ножницы-бумага, кому достанется последний пирожок из корзины, на пруду всё так же будем соревноваться в прыжках со старого дуба. А потом наступит август. Вечерняя свежесть сменится сначала мягкой прохладой, а потом и вовсе прогорклым туманом. Ясное звёздное небо всё раньше и раньше будет накрывать наши улицы, а утренняя прохлада будет держаться почти до полудня. Время пролетит быстро, и мы не заметим, как наступит сентябрь. Подует холодный ветер, начнутся дожди, станут длиннее ночи и короче дни, а самое главное, закончатся каникулы, и надо будет снова идти в школу. Но меня печалило не скорое окончание летних каникул, которые ещё даже не начались, и не неизбежный приход осени. Мне не давала покоя мысль о том, что я уже знаю, как проведу это лето, что всё повторится вновь по старому сценарию нашего детства. Я вдруг осознал, что вовсе не хочу этого, а хочу чего-то нового.

Но всё же я очень любил кататься на велосипеде с самого детства и этим летом так же планировал накататься вдоволь. Но весь мой водительский стаж ограничивался ездой только по трём дорогам: центральной улице в нашем посёлке, заросшей травой дорогой в лес, по которой мы обычно ходили за ягодами и грибами, и разбитой асфальтовой дорогой до соседней деревни. Каждую из этих дорог я знал вдоль и поперёк. Знал места, где в дождливое время образуются лужи, знал, где самые глубокие ямы и самые суровые кочки, знал, где ждать крутой спуск, на котором мы любили разгоняться, и знал, как утомительно будет подниматься на обратном пути. Я понял, что мне наскучило это однообразие придорож-

ных пейзажей, что было бы недурно отправиться в путешествие на моём гнедом коне и увидеть новые места. Тотчас мне пришла идея выехать завтрашним утром на Можайское шоссе. Я хорошо знал эту дорогу, поскольку мы с родителями часто ездили по ней в Москву. Я подумал, что это было бы отличным приключением – отправиться тёплым апрельским днём на велосипеде по шоссе далеко-далеко, куда только может завести дорога. Выбор направления и конечного пункта я решил отложить до завтра и, воображая, как буду рассекать на велосипеде по широкой дороге, а по обочинам будут мелькать леса и поля, уснул.

На следующее утро я проснулся от звона капель дождя, настойчиво стучавших по крыше. Я понял, что барабанивший дождь уже размыл деревенский просёлок вместе с моими грандиозными планами на сегодняшний день. Я, безусловно, расстроился. Вообще, я всегда сильно расстраивался, когда дождь нарушал мои великие планы. Кроме того, моё расстройство сильно подогревалось моим детским воображением, в котором дождь продолжал непрерывно стучать по крышам домов до глубокой осени. Однако, как правило, этого не происходило, и едва на небе развеивались облака, как мои тревоги испарялись ещё быстрее луж, залитых робким белым светом только что выглянувшего солнца.

Тем не менее дождь продолжал упорно настукивать до самого обеда. Было ясно, что сегодня никакого путешествия не будет, но я всё же понадеялся, что завтра погода улучшится, а весь сегодняшний день решил посвятить подготовке к путешествию. Я почистил велосипед и подкачал колёса, собрал необходимые инструменты в рюкзак, заготовил термос для чая и отложил пару пирогов с капустой в дорогу.

За делами и хлопотами незаметно подкрался вечер, и погода заметно улучшилась. Набухшие чёрные тучи расплылись по розовому небу в разные стороны. Далеко на западе берёзовая роща заполыхала рыжим пламенем весенней зари, а мягкий апрельский ветер ласкал верхушки утомлённых былым ненастьем сосен. Просёлочная дорога была залита оранжевым светом луж, отражавших тающее вечернее солнце. Сквозь алую завесу уходящего дня начали просачиваться

первые звёзды. Я больше не сомневался: завтра будет прекрасный день для новых открытий.

На следующий день я проснулся рано утром от звона будильника. Я решил начать поездку пораньше, чтобы вернуться к обеду. На тускло-голубом небе ещё не появилось солнце, но было понятно, что вчерашнее ненастье окончательно миновало. Я вышел на улицу и убедился, что за ночь дорога подсохла. Хотя на ней и оставались немногочисленные лужи, они были уже не в силах помешать моей поездке. Вернувшись в дом, я взял приготовленный рюкзак и пошёл с ним на задний двор за велосипедом, который я вынес из дома ещё вечером, чтобы ненароком не разбудить родителей. Велосипед стоял в целостности и сохранности, готовый к грандиозному путешествию. Я лихо вскочил на него и повернул со двора на главную улицу. Убедившись, что он работает исправно, я прибавил ходу и направился в сторону шоссе. Я не стал говорить родителям, что планирую ездить по автомобильной дороге, а сказал лишь, что встану пораньше, чтобы покататься по лесу. Я боялся, что отец не разрешит мне ездить по дороге, и счёл, что ему и матери лучше просто не знать о моих намерениях.

Попав на центральную улицу, я увидел, как навстречу мне хромает дед Егор, сухощавый сутулый старик. В руках он нёс какую-то деталь от трактора, видимо, в мастерскую. Увидев меня, он остановился.

– Что, Ефим, решил покататься с утра пораньше? – спросил он меня, широко улыбаясь.

– Да, Егор Васильевич! Решил вот проехаться по лесу.

– Ну, езжай. Смотри там, поаккуратнее давай. Заходи вечером, с трактором сможешь. Верка пирогов напечёт, угостишься.

– Обязательно зайду, Егор Васильевич. Веронике Сергеевне привет передавайте.

– Ну, давай, ехай, да сильно не разгоняйся! До вечера!

Сказав это, дед Егор захромал дальше в сторону гаража. Верка, или Вероника Сергеевна, приходилась ему женой уже сорок пять лет. Её пироги с малиной всегда были сладкой наградой за помощь деду Егору с ремонтом трактора. Да и не

только ради сладких пирогов помогал я ему – уж больно нравилось мне беседовать со стариком, слушать его интересные истории о жизни, пока мы копались в промасленных деталях старого трактора.

Я искренне был рад встретить деда Егора. Я ещё бодрее закрутил педали и помчал к шоссе. Вдруг я вспомнил, как сказал ему, что собирался покататься по лесу. Однако лес был в противоположной стороне, и я подумал, что дед Егор догадался о том, что я поехал на шоссе, и непременно расскажет это моим родителям, ведь он дружил с моим отцом и имел привычку навещать его почти каждый день. В этом случае меня ждала бы часовая лекция об опасности езды по проезжей части и запрет кататься за пределами посёлка. Испуг охватил меня, и я почувствовал, как мой пульс участился. Настроение явно было испорчено охватившей меня тревогой. Тем не менее возвращаться я не хотел, а на горизонте уже засверкала гремящими грузовиками дорога.

Подъехав к шоссе, я решил повернуть направо и двигаться против Москвы. Я хотел доехать до Можайска и, отдохнув за пирожками с чаем, двинуть назад. До Можайска было не больше пятнадцати километров. Я предположил, что смогу одолеть эту дистанцию меньше чем за два часа.

Первые несколько минут я мчался по пустой дороге и дивился тому, как сильно разгоняется велосипед по ровному асфальту. Вдруг со страшным громом и скрежетом меня обогнал огромный самосвал. Меня тут же обдало потоком холодного утреннего воздуха. Грузовик промчался так близко, что я едва не слетел на обочину.

– Елки зелёные! Как же так ездить? Так и насмерть сбить могут.

Тут я осознал, что сказал это вслух. Разумеется, меня никто не слышал. Я взял вправо и поехал по самому краю дороги.

К тому моменту, как мне встретился первый километровый столб, меня уже обогнали несколько легковых автомобилей и гремящих грузовиков. Теперь они не так сильно будоражили меня. Я перестал тесниться на каменистой обочине и взял левее на ровный асфальт. Лишь изредка я вновь сме-

щался вправо, когда слышал, как сзади приближался автомобиль.

С первых же минут моего путешествия я невероятно воодушевился видом уходящей далеко за горизонт дороги. Настроение моё стало светлее, как светлее становилась дорога от стремительно поднимавшегося солнца. Километровые столбы замелькали один за другим, а я не чувствовал ни малейшей усталости. Машин на дороге было немного, как, впрочем, и должно быть ранним воскресным утром. Я двигался со скоростью и лёгкостью, неведомыми мне при езде по деревенским ямам и кочкам. Солнце было уже так высоко, как нельзя ещё было видеть его в это же время дня в марте или феврале, и утренняя прохлада исчезла в его лучах подобно тому, как исчезали на глазах длинные тени придорожных сосен. Колкий предрассветный мороз не щипал больше моих пальцев, а согревавшая меня раньше плотная куртка стала лишним грузом. Я остановился и обвязал куртку вокруг пояса, оставшись в промокшей потом потёртой футболке. Первоначально мне было прохладно, но едва футболка подсохла, как я почувствовал себя комфортно под мягким, ещё не палящим апрельским солнцем и закрутил педали с ещё большим энтузиазмом.

Я миновал около семи километров, когда на горизонте показался старый «москвич» с включённой аварийной сигнализацией. На середине дороги стоял рослый мужик и махал мне руками. Я понял, что что-то случилось, и начал сбавлять скорость.

– Помоги. Толкнуть надо, – низким голосом прокричал мне незнакомец, как только счёл, что расстояние между нами позволяет мне его услышать.

– Хорошо.

Я подъехал ближе и положил велосипед на обочину.

– Не могу завести. Подтолкни немного. Попробуем на ходу завести, – пояснил незнакомец.

– Нет проблем, – ответил я и пошёл ближе к машине.

Мужик сел в «москвич», сделал ещё одну безуспешную попытку завести мотор и дал мне знак рукой, чтобы я начал толкать машину. Я тотчас навалился на неё всем своим ве-

сом, но моей силы было явно недостаточно, чтобы сдвинуть автомобиль с места. Тогда дядька вылез из машины и встал, положив одну руку на открытую дверь, а другую протянул к рулю. Мы принялись толкать автомобиль вместе, и он медленно покатился по дороге. Как только мы разогнали его до скорости торопливо идущего человека, мужик ловко впрыгнул в машину, провернул ключ, и мотор завёлся с характерным дребезжанием. Я отпустил машину и остановился. С рёвом и визгом из выхлопной трубы вырвался дым, мужик захлопнул дверь и махнул мне рукой через плечо, не оборачиваясь. Так он выразил свою благодарность. Мне было этого достаточно. Вмиг «москвич» умчался вдаль, и я пошёл назад к велосипеду. Такое событие я счёл своим первым дорожным приключением и был необычайно рад, что мне выпала возможность помочь кому-то в пути. Вскочив на велосипед, я помчал дальше. До Можайска теперь оставалось около восьми километров.

Проехав несколько минут, я начал чувствовать лёгкую усталость. Наконец я решил остановиться и отдохнуть. К счастью, справа мне подвернулась песчаная дорожка, сворачивающая в лес. Я проехал по ней около сотни метров от шоссе, чтобы меньше слышать шум проезжающих машин. Я остановил велосипед возле старой упавшей сосны и присел на потрескавшийся ствол дерева, чтобы перекусить. Весенний лес казался мне необычайно живым и красивым. Несколько минут я просидел, наслаждаясь убаюкивающим чирканьем птиц и шуршанием сосновых веток. Позади худых деревьев в безоблачном небе мерцало апрельское солнце. Кое-где ещё лежал серый снег, а многочисленные небольшие ямы были заполнены талой водой. В этот самый момент, любуясь дивным пейзажем, я почувствовал, как близки и дороги мне здешние места. Всё вокруг казалось мне знакомым, словно я знал каждое дерево в этом лесу.

Я достал термос, поспешно открыл его и наскоро плеснул чай в крышку, так как сильно хотел пить. За время моей поездки чай изрядно остыл, но тем легче было его пить. Опустошив термос наполовину, я жадно набросился на пирог с капустой, а как только одолел его, принялся за второй. Запив

пирог, я оставил немного чая на случай, если жажда вернётся, убрал термос в рюкзак и решил продолжить путь. Но едва я собрался запрыгнуть на велосипед, как почувствовал лёгкую сонливость. Я решил вздремнуть немного, прежде чем ехать дальше. Прислонившись к берёзе, я глубоко вздохнул и закрыл глаза. Я не заметил, как уснул под пение воробьёв и доносившееся издали эхо кукушки.

Я проснулся оттого, что почувствовал, как руки мои покрылись мурашками. Казалось, дул сильный ветер, отчего верхушки сосен раскачивались всё сильнее и сильнее. Солнце поднялось ещё выше, вероятно, уже миновал полдень. Но ветер, дующий с северо-востока, приносил с собой поток холодного воздуха, отчего я начал замерзать. Я решил продолжить свой путь.

Сделав несколько приседаний, чтобы согреться, я поехал к шоссе. Выехав из леса на открытую местность, я ощутил, насколько сильным был ветер. Тем не менее он дул мне в спину и только помогал мне ехать ещё быстрее. Я посмотрел направо и увидел, как на горизонте начинали скапливаться белые облака. Ещё два верстовых столба промелькнули по правую руку к тому моменту, как белые облака превратились в чёрные тучи, стремительно застилавшие небо. Вскоре солнце скрылось за тучами, и небо сделалось совсем тёмным. Я понял, что вот-вот начнётся дождь, и остановился, чтобы надеть куртку. Вмиг асфальт начал покрываться чёрными каплями, после чего снег повалил стеной. Я уже не раз попадал под град и ливень, когда катался по деревне, но сейчас я был в десяти километрах от дома и не знал, что мне делать. Я вспомнил, что ещё пару минут назад проезжал мимо автобусной остановки, и тотчас решил вернуться туда, чтобы укрыться от непогоды под крышей павильона. Я развернулся и помчал в обратную сторону.

Стоял сильный туман, колкий снег летел мне в глаза, я практически не видел перед собой дороги. Наконец сквозь белые хлопья снега я разглядел расплывчатые очертания остановки и ринулся к ней. Внутри павильона стоял человек в капюшоне, видимо так же переживавший внезапно нагрянувшее ненастье. Я встал под крышу рядом с ним. Велосипед

не поместился под крышей маленького павильончика, и передняя часть его оставалась под снегопадом.

Рядом стоящий человек оказался высоким худощавым парнем. Он засунул руки в карманы и всё время смотрел вниз, на сырую дорогу, казалось о чём-то думая. Мы стояли молча, потупив взгляд, а снег продолжал падать. В то время как проезжая часть истекала ручьями талого снега, обочины постепенно превращались в сугробы.

– Да, парень. Ну и время ты выбрал кататься, – сказал мне незнакомец, не отрывая взгляда от земли.

– Да кто же знал, что так будет, – я посмотрел на него исподлобья.

– Прогноз погоды смотрел? Предупреждали же о возможности града.

Сказав это, он обратил на меня свой взор.

– Нет, не смотрел. Да тебя самого, я гляжу, погода врасплох застала?

– Да. Вот к товарищу шёл. Думал, успею. Тут километр где-то идти. Если в скором времени снег не закончится, так и пойду.

Мы продолжали стоять и смотреть на падающий снег.

– А мне до дому десять вёрст. Придётся переждать. Родителям не говорил, что так далеко поеду. Видать, получу порцию знатных подзатыльников по прибытии, – сказал я ему с каким-то необъяснимым чувством стыда.

– А они строгие у тебя?

– Родители? Нет. Но так далеко не разрешили бы ехать. Думают, что недалеко от дома катаюсь по лесу.

– Так скажи, что в лесу снегопад переждать решил, – предложил незнакомец.

– Да глупо как-то выходит. Вдруг не поверят. От дома до леса десять минут ходьбы.

– Ну придумаешь что-нибудь. Тоже мне, проблема.

Я ничего ему не ответил.

Снег валил ещё минут двадцать. Всё это время мы стояли молча, думая о чём-то своём. Вдруг на северо-востоке, откуда пришли тучи, небо стало светлеть. Сильный снег сменился морозящим дождём, а через мгновение тучи вовсе ушли на

юг, а на небе показалось солнце. Невероятно чистый белый снег начал исчезать прямо на глазах, и стало видно, как зелёным цветом оживала молодая весенняя трава. Мокрый, весь в разводах асфальт блестел, словно изрисованный радугой. Казалось, никто бы не поверил, что ещё пять минут назад бушевала метель. Да и самому мне уже верилось с трудом, словно весна поспешно стёрла свои слёзы, пока никто не успел их заметить.

Простившись с незнакомцем, я вскочил на велосипед и помчал по ещё сырой, блестящей в разводах дороге. Я поехал домой, оставив попытки добраться до Можайска, поскольку был сильно утомлён событиями сегодняшнего дня. Может, я бы и осилил оставшиеся пять километров пути, но тогда назад мне бы пришлось ехать не десять, а все пятнадцать. Я решил не рисковать и счёл день и без того богатым событиями и приключениями.

По дороге домой меня одолевали разные чувства. Радость от того, что закончилось ненастье, притухла страхом быть наказанным. Любопытство и стремление добраться до Можайска всё сильнее глушились желанием поскорее оказаться дома. И всё это мерцало в моей голове на фоне общего восторга оттого, что я впервые смог проехать по большой дороге. Несмотря на усталость, я крутил педали довольно быстро. Я был уверен, что оставшихся сил будет вполне достаточно, чтобы добраться домой.

Чем ближе я подъезжал к дому, тем сильнее меня охватывали волнение и страх предстать перед родителями. Когда я въехал во двор, их не было видно. Вероятно, они были в доме. Я прислонил велосипед к задней стороне дома и неуверенными шагами пошёл к крыльцу. Отец услышал, как я вошёл в дом, и вышел меня встретить.

– Где ты был? – спросил он. – Такой снег был на улице.

Он посмотрел на меня круглыми глазами, полными удивления.

– Да с утра по лесу катался. А град у Витьки переждал, – ответил я заранее подготовленной репликой.

Витька был моим приятелем и жил на противоположном конце посёлка.

– Вон оно как. Молодец, что у Виктора догадался остаться! Проходи обедать.

Лицо отца переменилось, удивление и недоумение сменились улыбкой.

Войдя на кухню, я обнаружил, что обед уже остыл. Немного подогрев его, я с жадностью бросился сначала на суп, а затем и на второе, так как был невероятно голоден после моего путешествия. Родители же больше не задавали никаких вопросов касательно моей поездки. Видимо, отец поверил мне на слово, что я был у Витьки, и не стал звонить его родителям, чтобы убедиться в правдивости моих слов. Да он никогда бы и не сделал так – они с матерью доверяли мне. Лишь в моём воображении он принимался устраивать допросы, чтобы добиться признания в том, что я пошёл кататься по шоссе без разрешения. Дед Егор, должно быть, тоже ничего не говорил моему папе о том, что видел, как я ехал в сторону шоссе. Скорее всего, он просто не придавал этому никакого значения.

Отдохнув чуть больше часа, я пошёл к деду Егору помогать с трактором, как и пообещал утром. А вечером я заснул невероятно довольным от того, какое приключение мне довелось испытать сегодня. Я помог завести машину человеку, попавшему в неприятности, я спал, сидя на земле в лесу, я попал под бурю и разговорился со случайным человеком, которого, может быть, больше никогда не увижу. Это было настоящее дорожное приключение.

Глава вторая

КРАЖА

С тех пор как я осуществил свою первую поездку по Можайскому шоссе, непогода окончательно отступила. Вот уже несколько дней не было ни дождей, ни тем более метелей. Дозревал поздний апрель. Выжженные ярким солнцем поля чернели меж отдалённых деревень. В прозрачном лесу мрачнели густой паутиной чёрные ветви деревьев, а в чистом

тускло-голубом небе большими стаями пролетали птицы. Полетному тёплые дни сменялись холодными непродолжительными ночами. Настал тот самый удивительно короткий ускользящий период весны, уродливо чернеющий и в то же время невероятно красивый. С последним поседевшим снегом таяла и тончайшая грань между зарождавшимся летом и так недавно позабытой зимой.

Одним таким солнечным утром я шёл в школу в дурном настроении. Я не выполнил ни одного домашнего задания, потому что весь прошлый вечер катался на велосипеде по деревне.

– Здорово, Ефимка! – кто-то окликнул меня, когда я подходил к воротам школьного двора.

Я обернулся. Это был мой одноклассник Ванька.

– Здорово, Ванёк! – ответил я.

– Ты на урок идёшь?

– Да не знаю. У меня домашки нет, отругают меня.

– Я взял вчера у Катьки тетрадь. Пойдём, сядем на скамейку под деревом и перепишем, – предложил он мне.

Ванька частенько вручал меня с домашними работами. Катя была нашей одноклассницей, отличницей, а кроме того, жила от Ваньки в доме через дорогу. Такое необычайно выгодное соседство с самой прилежной девочкой в нашем классе открывало Ваньке практически неограниченный доступ ко всем выполненным домашним заданиям, которыми он, в свою очередь, делился со мной в рамках наших дружеских отношений.

Мы ловко переписали ответы по биологии в тетради и успели зайти в кабинет до звонка.

Весь урок казался мне невероятно длинным и скучным. Анастасия Игоревна, наша учительница, которая была уже немолодая, диктовала нам новую тему под запись. А я безучастно смотрел, как за окном в редких белых облаках проплывал очередной погожий весенний денёк. Меня очень раздражало, что я был обязан проводить почти весь день в школе, после чего, придя домой, должен был браться за наискуднейшую домашнюю работу и лишь к вечеру, когда солнце было уже непозволительно низко, имел возможность пока-

таться на велосипеде чуть более получаса до наступления темноты.

Вдруг терпение моё лопнуло. Я схватил тетрадь, небрежно оторвал кусок чистого листка и принялся писать мелким разборчивым почерком послание. Поспешно скомкав листок, я швырнул его в Ваньку и попал ему в ухо. Злобными глазами посмотрел он в мою сторону, и я тотчас кивнул ему, подтверждая, что эта записка от меня. Ванька аккуратно развернул листок и прочёл следующее: «Давай завтра прогуляем. Сил моих нет тут сидеть и тухнуть». Ванька перевернул листок, написал ответ, и, убедившись, что учитель не смотрит в его сторону, бросил мне скомканный лист. «А родителям мы что скажем?» – ожидаемым вопросом была заполнена обратная сторона листа.

Я и сам не успел подумать о том, что сказать родителям. В голову лезли какие-то нелепые предложения, часть из которых я всё же решил записать, но едва я схватился за ручку, как прозвенел звонок. Все тотчас засуетились, в классе поднялся шум – урок был окончен. На перемене я подошёл к Ваньке и вновь напомнил ему о своём желании пропустить уроки завтрашним днём.

– Я не знаю. Я бы и сам не прочь пойти гулять вместо этих бесполезных уроков. Но что мы скажем в своё оправдание в школе в понедельник? И что родителям скажем? – Ванька засомневался.

– А вот что. Завтра пятница. С утра сделаем вид, что идём в школу, и скажем им, что после школы отправимся в поход на выходные с Егором и его отцом, – предложил я.

Замечу, что Егор был нашим приятелем из пятого класса. Он и его отец часто устраивали пешие походы, к которым присоединялись многие друзья и знакомые Егора, в том числе мы с Ваней.

– Ты хочешь пойти в поход с Егором и его батей? – лицо Ваньки выражало явное недоумение.

– Да нет же! Мы лишь скажем так своим родителям, а сами пойдём в поход без взрослых на три дня. Они не станут проверять и звонить отцу Егора, они знают, что мы ходим с ними в поход каждый год, и поверят нам на слово.

– Ну не знаю. На три дня? А как мы объясним прогул в школе? А что, если родителям из школы позвонят? – Ваньку явно не убедил мой план.

– Не позвонят. В школе до понедельника нас точно не хватятся. А в понедельник скажем, что плохо чувствовали себя или что родителям помогали готовить землю к посеву. Они поверят и не станут проверять. Ну же, соглашайся!

– Ладно, чёрт с тобой! Один раз живём! Но если нам влетит, я больше в твоих авантюрах не стану участвовать!

– Да не влетит! Вот увидишь.

– А ты хочешь в пеший поход пойти в лес? Почему бы просто в субботу не пойти на два дня? Можно, кстати, реально Егора с батей позвать. И врать никому не придётся.

– Боже! Опять ты за своё! Сил у меня нет завтра шесть уроков сидеть, пока солнечные дни вот так проходят один за другим.

– А где палатку возьмём? У меня нет, есть только у Егора. Может, всё же его позовём?

– Нет, его звать не станем. Он-то уж точно струхнёт прогуливать. И палатку спрашивать у него не будем. Узнает про наш замысел – всё отцу расскажет. Тогда точно нас расколют.

– Что же тогда, – замылся Ванька, – а у тебя есть палатка?

– У нас дома тоже палатки нет. Вот что. Сегодня последним уроком физкультура. В каморке физрука есть палатка учебная. Вот её мы и одолжим до понедельника.

– Предлагаешь у физрука спросить?

– Мы ни у кого ничего не станем спрашивать.

– То есть как? – огромные покруглевшие глаза Ваньки выражали явное удивление и тревогу.

– А то ты не понимаешь?

– Украдём, что ли?

– Одолжим до понедельника.

– То, что ты называешь словом «одолжить», – самая настоящая кража. Ты хоть представляешь, как нам влететь за это может? Да и как ты собрался вынести палатку из спортзала? Там же куча народу будет.

Едва Ваня успел выразить свои опасения, как раздался

звонок. Нужно было идти на урок.

– Придумаем что-нибудь, – сказал я, хлопнув его по плечу, и улыбнулся.

Мы пошли в класс. К счастью, наш разговор не был никем услышан благодаря тому, что мы стояли в углу коридора напротив пустого кабинета. Мы просидели ещё два бесконечных урока, прежде чем пошли обедать в столовую. Там я предложил Ваньке сесть чуть в стороне от всех, чтобы мы имели возможность продолжить наш строго секретный разговор.

Я начал:

– Вот что, Ваня. Сегодня у нас физкультура шестым уроком. В школе никого не останется кроме нас и десятого «А». Физрук после урока оставляет каморку открытой, чтобы мы могли убрать инвентарь, и уходит курить. Его не будет минут десять. Когда мы всё уберём и ребята пойдут переодеваться, мы вытащим палатку. Нет! Даже так. Нам не стоит нести её по коридору к выходу, тогда нас кто-нибудь может заметить. Сделаем так. Я выйду из зала в коридор и быстро проскочу в двадцать седьмой кабинет – он всегда открыт, там замок сломан. Сегодня там ни у кого нет уроков – кабинет будет пустой. Окна как раз выходят на задний двор. Ты пойдёшь туда, и я сброшу тебе палатку. С заднего двора мы сможем незаметно её унести, и я спрячу её у себя, пока родителей нет дома.

Я выдал Ваньке свой план, и с минуту мы молча продолжали поглощать долгожданный обед.

Покончив с котлетой, он посмотрел на меня и сказал:

– Можем рискнуть. Давай посвятим Валерку в наш план. Пусть он постоит на шухере в коридоре и прикроет тебя, когда ты будешь выносить палатку из спортзала.

Валерка был знатным бездельником и двоечником. Прогулы уроков были для него одним из любимых занятий. Крепкого телосложения, с грозным овальным лицом, любивший покурить на заднем дворе, он слыл неисправимым хулиганом. Статус хулигана он также подтверждал многочисленными шутками во время уроков, за что не раз отправлялся к директору.

Все, кто знал Валерку, а это весь наш класс, немало ребят из младших классов, а также несколько старшеклассников, с которыми он общался, относились к нему с уважением и даже с неким почтением. Учителя также относились к нему весьма снисходительно. Но не курением в тринадцать с половиной лет и не своим непоседливым поведением Валерка заслужил симпатию окружающих. Дело в том, что Валерка в своём возрасте обладал взглядами и принципами, присущими старшим людям. Он никогда не обижал слабых, напротив, он защищал тех, кто подвергался издевательским шуткам хулиганов, а тех, кто любил поколотить ребят послабее, открыто презирал. Валерка всегда мог постоять за себя, но никогда не вступал в конфликт без веских причин и не искал повода для драки. Он любил пошуметь и погалдеть на уроках, а на перемене мог пойти пострелять по окнам сосновыми шишками из рогатки, однако вёл себя наиприличнейшим образом на экскурсиях в музеях, новогодних вечерах, церемониях награждения преуспевающих учеников и на прочих культурных мероприятиях.

Валерка был крайне обходителен с противоположным полом и никогда не позволял девочкам таскать тяжёлые вещи или самостоятельно передвигать парты в кабинете. А крайне низкая успеваемость и практически абсолютная безучастность почти на всех уроках бесследно пропадала во время русского или литературы. Он был вовсе не равнодушен ко многим произведениям отечественных авторов и проявлял большую активность во время обсуждения героев и сюжета. По литературе он имел твёрдую пятёрку с третьего класса – с того самого момента, как увлёкся ею.

Что касается русского языка, то, как и по многим другим предметам, Валерка почти никогда не выполнял домашнего задания, за что успел получить уже не одну двойку. Но на уроках он внимательно слушал правила орфографии, что позволяло ему писать все диктанты и изложения ничуть не хуже наших отличников. Сам он так объяснял свою позицию: «Каждый обязан знать и любить родной язык. Ты можешь мечтать стать лётчиком или художником, водителем или писателем, врачом или бандитом, но ты не имеешь права быть

неграмотным – это неуважение к себе, к своим корням, к своей Родине». И надо признать, он следовал своим принципам и старался быть грамотным, впитывая в себя всё, что объясняли на уроках русского языка.

Мы, как и все, уважали Валерку и состояли с ним в тесных дружеских отношениях. Идея приобщить его к нашей операции показалась мне весьма разумной.

– Хорошо, – сказал я, – переговорим с ним на следующей перемене.

Закончив обед, мы отправились на четвёртый урок. До физкультуры нам оставалось посидеть ещё два. На следующей перемене мы нашли Валерку рисовавшим какие-то линии мелом на стене в коридоре. Мы подошли к нему.

– Валера, как насчёт небольшого похода? – сказал я ему.

– Привет, ребята. Что за поход?

– Хотим завтра с утра пойти. На три дня. Хочешь с нами?

– Завтра пятница – учебный день вроде как. Прогулять хотите?

– Да, – в разговор вмешался Ваня.

– Хотим. И палатку взять из школы хотим, – добавил я.

Валера улыбнулся. Было видно, что идея его завлекла. Затем он задумчиво посмотрел в окно и сказал:

– Палатку навряд ли разрешат взять.

– Можно самим взять, – пояснил я.

Валера улыбнулся ещё сильнее прежнего. Казалось, он ждал такого ответа, словно по лицам нашим догадался, что мы хотели украсть палатку, и, лишь чтобы подтвердить свою догадку, сказал, что нам не разрешат её взять.

На какой-то миг он устремил свою угловатую улыбку в окно, затем принял более строгий вид и повернулся к нам.

Не выказывая любопытства, он спросил:

– А как палатку брать собираетесь? План есть?

Я пояснил ему наш план, и тотчас прозвенел звонок на следующий урок. Это был последний урок перед физкультурой. Близился момент осуществления нашей, как мне казалось, блестящей затеи.

Отсидев географию, мы отправились в спортзал. Урок был посвящён баскетболу, и наш физрук, Александр Евгеньевич,

открыл нам тот самый чулан, где хранились мячи и палатка. Я очень надеялся, что после урока у нас будет возможность взять ту самую палатку, и время от времени невольно поглядывал на открытую каморку. За игрой в баскетбол время пролетело быстро, и прозвенел звонок.

– Урок окончен. Заносите мячи назад, ребята! В понедельник будем готовиться к сдаче нормативов, – сказал нам Александр Евгеньевич, предварительно просвистев в свой свисток. Захватив из каморки пачку сигарет, он направился к выходу. У нас было около семи минут до его возвращения или, во всяком случае, не более десяти. Ванька поспешил в раздевалку, чтобы как можно быстрее переодеться и выйти на задний двор под окна двадцать седьмого кабинета. Мы же с Валеркой, напротив, старались идти не спеша, пропуская других вперёд, чтобы, дождавшись, когда все уйдут, незаметно вернуться в зал за палаткой. Все ребята в считанные минуты переоделись и ринулись из школы. Сначала мы подумали, что никого не осталось, но, как только мы вышли из раздевалки, услышали голоса девчонок, которые, по видимому, остались в соседней комнате и о чём-то общались.

– Нет времени ждать, пока они уйдут. Давай быстро вынесем палатку, пока они там, – прошептал я Валерке.

С этими словами я пошёл назад в зал за палаткой, а он остался около раздевалки, чтобы контролировать коридор. Войдя в каморку, я обнаружил палатку на верхней полке стеллажа, что было нам на руку – скорее всего, до понедельника никто не заметит её отсутствия. Я взял стул, влез на него и достал палатку, свёрнутую в чехол, потом отодвинул стул на место и ринулся к выходу из зала. В тот самый момент дверь из женской раздевалки чуть приоткрылась. Кажется, кто-то хотел выйти оттуда. Вмиг Валерка подскочил к двери и захлопнул её, после чего намертво вцепился в ручку, чтобы никто не смог открыть дверь изнутри.

– Кто там? Выпустите нас! – послышался голос нашей одноклассницы Нины.

Я помчался с палаткой мимо раздевалки в коридор на этаже. К счастью, там никого не оказалось, и я проскочил в двадцать седьмой кабинет незамеченным. Я подбежал к окну

и распахнул его. Внизу стоял Ванька, задумчиво озираясь по сторонам. Я свистнул ему и сбросил вниз палатку со второго этажа. Он проворно поймал её и аккуратно положил возле фундамента. Тотчас я рванул к Валерке и дал ему знак, чтобы он перестал держать дверь. Он отпустил дверную ручку, и мы оба бросились бежать, не зная, что сказать запертым девчонкам в своё оправдание.

Пока мы мчались по коридору, я обернулся и увидел, как за нами выскочили Нинка и ещё две наших одноклассницы: Лера и Вика.

– Идиоты! – раздался голос Нины, выразивший крайнюю степень раздражения.

Мы продолжали бежать, ничего не отвечая. Лицо моё было красное от смущения и тревоги, но вопреки всему я едва мог сдерживать смех. Как только мы прибежали на задний двор, я повалился на землю и захохотал. Всё произошедшее с нами за последние пятнадцать минут казалось мне необычайно весёлым. Валера и Ваня тоже смеялись, но продолжали стоять на ногах.

Отдышавшись, мы оглянулись по сторонам, чтобы убедиться, что на заднем дворе кроме нас никого нет. Двор действительно был пуст.

Я обратился к ребятам:

– Сегодня мы все должны сказать родителям, что завтра после школы идём в пеший поход до конца выходных с отцом Егора.

– Да, но с утра мы должны притвориться, что собираемся в школу, – добавил Ваня.

– Предлагаю каждому из нас выйти с утра с портфелем, как будто мы направляемся в школу. Вместо учебников положим в рюкзаки как можно больше еды, чтобы хватило на три дня, – выдвинул идею Валера.

Какой-то миг сопровождался молчанием, затем я добавил:

– Хорошо. Предлагаю встретиться завтра в восемь утра у старой церкви.

– А куда мы пойдём в поход? – спросил Ванька.

Тут я призадумался. Меня посетила мысль, что можно было бы отправиться не в обыкновенный поход, как мы это де-

лали с Егором и его отцом несколько раз в год, а вместо этого совершить настоящее трёхдневное путешествие на велосипедах.

Я чуть приблизился к своим товарищам и, слегка наклонившись и положив руки им на плечи, заговорил тише обычного:

– Вот что, ребята. А что, если нам поехать куда-нибудь на велосипедах? Мы устанем три дня ходить по лесу, да и далеко ли мы уйдём? Много ли хороших маршрутов мы знаем кроме тех, которыми ходили с батей Егора? А на велосипедах сможем одолеть расстояние в три... Нет! В пять раз больше!

– Ну не знаю, – засомневался Ванька, – тут по лесу шибко-то и не разъездишься на велосипедах. Мне кажется, они будут нам лишним грузом.

– Вот-вот! – подхватил Валерка. – Что-то ты вычудил, Ефимка.

– А кто вам сказал, что нам придётся ездить всё время по лесным тропам? Большую часть пути мы вообще можем одолеть по шоссе, – пояснил я свою идею.

– По шоссе? С ума сошёл? Ты хоть раз ездил по шоссе? – вскричал Ванька.

– Ездил! – с нескрываемой гордостью ответил я.

– Да ну! – в глазах Ваньки можно было увидеть неисчерпаемое удивление.

– Не верим мы тебе! – с каким-то ощутимо горьким чувством презрения произнёс Валерка.

– Говорю же вам, дурни непутёвые! Буквально в прошлые выходные по Можайке ездил. Всего несколько часов проехал, а с два десятка километров одолел! – воскликнул я с чувством отчаяния от проявленного ко мне недоверия.

Ребята на какое-то время замолчали, потупив взгляд. Затем Валерка приподнял голову и пристально посмотрел на меня.

– И впрямь ездил? – спросил он тихим голосом.

– Да!

Он ещё слегка потупил взгляд, но потом вдруг окинул меня злобными глазами и язвительно спросил:

– А в какой, говоришь, день ездил?

– В субботу. Сказал же!

– Ага! Врёшь! Врёшь ты нам, Ефимка. Нагло врёшь. А зачем, понять не могу. Метель была в субботу и град. Не мог ты в такую погоду ездить!

– Да ездил я! Вот под метель и попал! Промок и назад повернул! А так бы до самого Можайска доехал! – меня переполняло чувство гнева, лицо моё покраснело.

Ребята вновь замолчали. Видимо, они не знали, что сказать, равно как и не могли понять, можно ли мне верить.

Тут я не выдержал:

– Да не вру я! Ну зачем мне вам врать? Ну и чёрт с вами! Хотите пешком идти? Пошли! Но вы первыми к обеду же устанете и вечером захотите вернуться. И зачем тогда всё это? Зачем палатку выкрали? Зачем я вообще тут стою и вас уговариваю?

Видя моё отчаяние, Валера слегка улыбнулся, сделал мягче взгляд и сказал мне:

– Ладно. Не кипятись ты так. Чего доброго, ещё кто услышит про палатку.

– Не услышит, – тихо ответил я, обратив угрюмый взгляд в сторону.

– Что, действительно с двадцать вёрст проехал? – спросил Валерка уже скорее с чувством любопытства, нежели подозрения.

– Было дело, – сухо ответил я.

Распознав в моём голосе обиду, Валерка хлопнул меня по плечу и добавил:

– Не сердчай. Ты дело говоришь. Я и сам пару раз ездил по шоссе. Но не двадцать вёрст, а до придорожной кафешки в сторону Москвы. До неё и километра не будет.

Мы молчали.

– Ну что, Иван! Поедем с нашим другом по Можайскому шоссе куда глаза глядят? – добавил Валера, повернувшись к Ваньке.

– Ох и чудачки вы, ребята! За то я вас и люблю! – воскликнул Ванька. – Едем!

– Едем! – радостно ответил я.

– Завтра в восемь утра у старой церкви на великах. Ефим, с тебя палатка. Мы с Ванькой позаботимся о еде. Если что, с утра говорите родителям, что просто в школу хотите поехать на велосипеде. Я своему батюшке тоже так скажу, – заключил Валерка.

– На том и порешили. До завтра, пацаны! – воскликнул я и схватил палатку.

Мы разошлись по домам. Когда я пришёл, родителей ещё не было дома. Я спрятал палатку под кровать и пошёл во двор проверить состояние велосипеда. За ужином я сказал родителям, что после школы мы с ребятами поедем в поход вместе с папой Егора. Далее последовала стандартная процедура: я пообещал тепло одеться, не сидеть на сырой земле, быть аккуратным у костра, не пить пиво, если отец Егора будет предлагать. Родители дали одобрение.

Вечером я не мог долго заснуть. Весь день казался мне забавным и увлекательным, и только теперь я вдруг ощутил какое-то нарастающее чувство стыда за то, что мы взяли без спроса палатку, за то, что обманул родителей, за то, что завтра прогуляю школу, за то, в конце концов, что заперли девчонок в раздевалке и, вероятно, тем самым сильно их напугали. Я открыл окно, и тотчас меня обдало прохладой апрельской ночи. Я уснул.

Глава третья

НАСТЕНЬКИНЫ СЛЁЗЫ

На следующий день я проснулся в семь часов утра. За окном светило солнце; стоял ясный безветренный день, такой же, как был вчера, позавчера и несколькими днями ранее. На какой-то миг мне показалось, что такая погода будет держаться всегда, что уже не будет ни бурь, ни дождей, ни морозов. Так нелегко мне было поверить в эти явления, наблюдая столь безмятежное утро вот уже который день.

Опомнившись от этих нелепых мыслей, я засобирался к завтраку. Когда я спустился на кухню, отец и мать уже сиде-

ли за столом и ели кашу. Я присоединился к ним. Через несколько минут отец встал из-за стола и, пожелав нам с мамой хорошего дня, отправился в гараж, откуда уже выехал на машине и поехал на работу в город Руза.

– Мам, сегодня я в школу на велосипеде поеду, – сказал я.

– Ты ещё вернёшься домой перед походом? – спросила она.

– Нет, мы сразу направимся к дому Егора.

– И где же ты оставишь велосипед?

О таком вопросе я не подумал. Пульс мой участился, на миг мне показалось, что моё враньё сейчас вскроется и мама узнает о моих настоящих намерениях.

Я начал сочинять на ходу:

– Да знаешь, однокласснику обещал дать велосипед покататься. Он мне на выходных всё равно не нужен будет. С одноклассником мы договорились, что он мне в понедельник его в школу прикатит назад.

Про себя я подумал: «Уф, надеюсь, выкрутился». Мама ничего не отвечала – хороший знак. Значит, она мне поверила и у неё нет дополнительных вопросов.

После завтрака я возвратился в свою комнату за палаткой и выскочил с ней на улицу. Я быстро подбежал к велосипеду, привязал к багажнику палатку заранее подготовленным шнурком и помчал к церкви. К счастью, церковь и школа находились в одной стороне, поэтому я не мог вызвать никаких подозрений, если бы вдруг мать выглянула в окно и посмотрела, куда я поехал. Чем сильнее я удалялся от дома, тем спокойнее становилось мне, и тем больше я был уверен в том, что родители ничего не заподозрили.

Когда я подъехал к церкви, мои друзья уже ждали меня там.

– Куда двинем? – спросил Ваня.

– Предлагаю на запад, в сторону Можайска, – ответил я.

Мне страшно хотелось одолеть ту часть пути, которую я не смог одолеть в прошлые выходные. Кроме того, миновав Можайск, я планировал добраться до Бородинского поля, о котором я не раз слышал и которое мечтал увидеть собственными глазами.

– Ну что же, в таком случае езжай первым, – сказал мне Валерка.

Мы направились в сторону дороги. Шёл девятый час утра, но было уже довольно тепло. Казалось, я всё ещё ощущал некое чувство стыда и тревоги оттого, что мы взяли палатку без разрешения и сейчас ехали в неизвестном направлении вместо того, чтобы быть на уроке. Но чем мельче становилась наша деревня, когда я оглядывался назад, тем меньше думал я обо всём этом.

– Что ты всё время оглядываешься? – окликнул меня Валерка.

– Вас боюсь потерять!

– Не дрейфь. Не потеряешь!

Мы въехали на шоссе. Так же, как и неделю назад, оно предстало предо мной пленительной серой полоской, убегающей вдаль. Так же замелькали придорожные сосны, загрохотали редкие грузовики. Манящей далью засверкала чаша вдали на горизонте. Словно очарованный долгожданным раздольем, я закрутил педали ещё сильнее и помчал вперёд навстречу столь ласковому прохладному ветру, какой бывает лишь тёплым апрельским днём. Скоро ноги стали тяжелеть, сердце забилося быстрее, и я понял, что слишком сильно рванул вперёд – в таком темпе я рисковал выбиться из сил через каких-нибудь два-три километра. Я перестал крутить педали, чтобы отдышаться и снизить скорость. Обернувшись назад, я увидел своих друзей, изо всех сил пытающихся догнать меня. Казалось, они отстали метров на двести.

– Куда ты так умчал? – Ванька был явно недоволен.

– Да сам не знаю, что на меня нашло, – ответил я, – давай я лучше замыкающим поеду.

Я пропустил ребят вперёд и поехал за ними. Первым ехал Ванька. Теперь он задавал нам темп. Должен признать, что ему удалось найти золотую середину – мы продолжали ехать довольно быстро, но неспешно и совсем не уставали. Машин было достаточно много, и нам не часто удавалось ехать в один ряд, чтобы перекинуться парой фраз. Бóльшую часть пути мы молча следовали друг за другом. Сначала мы старались кричать друг другу, если хотели что-то сообщить, но

тотчас выбивались из сил. Мы условились, что доедем до того самого поворота, которым я воспользовался в прошлый раз, чтобы отъехать перекусить.

Когда мы достигли поворота в лес, не прошло и часа с момента нашего отправления от церкви. Едва завидев нужную тропинку, я окликнул ребят, и мы повернули с дороги. Мы присели на тот же самый ствол упавшего дерева, которым мне приходилось пользоваться в прошлый раз. Ванька достал пироги с мясом, ловко завернутые в полотенце. Они были ещё тёплые. Мы съели каждый по пирогу, запив чаем, который я успел прихватить из дома. Мы были по-прежнему полны сил и, едва закончив трапезу, ринулись дальше. Скоро мы благополучно проехали ту самую автобусную остановку, на которой закончилось моё прошлое путешествие, и перед нами открылся новый, прежде не виданный мною участок дороги; моё внимание было захвачено ещё сильнее.

Мы достигли Можайска ещё задолго до полудня, а к моменту, когда солнце достигло своей наивысшей точки, успели плотно пообедать в одной из городских столовых, успешно сохранившейся ещё с советских времён и пережившей девяностые годы. В то славное время мы позволили себе плотно поесть на семьдесят современных рублей. Пообедав, мы отправились в городской сквер, чтобы перевести дух, а затем на всех парах рвануть к Бородинскому полю.

Так удивительно беззаботно и плавно прошла для нас первая половина дня. Но события, произошедшие с нами в старом сквере, на долгие годы запечатлелись в моей памяти и повлияли на всю дальнейшую жизнь.

Мы расположились в старенькой беседке посередине сквера за игрой в карточного дурака. Надо отдать должное Валерке за то, что он догадался взять с собой колоду карт – тридцать шесть промасленных картонок здорово скрасили нам послеобеденный досуг.

– Король бубей! Что ты на это скажешь? – Валерка ходил под меня.

– Экий ты чертяга! Зла на тебя нет! – мне пришлось расстаться с последним козырем.

Отбившись, я вытащил карту из колоды. Ей оказался ко-

зырной туз – это чрезвычайно воодушевило меня.

– Ну, Ванька, быть тебе дурачком сегодня! – я бросил на стол три девятки и был уверен, что Ванька не сможет отбиться.

На мгновение наступила тишина. Казалось, Ванька тщетно пытался выбрать три карты, чтобы отбиться. Вдруг он замер.

– Тссс. Слышите? – шёпотом произнёс он.

– Я слышу шаги. Это физрук узнал, что ты стырил палатку, и идёт тебя выпороть, Ваня, – так Валерка пытался пошутить и одновременно напугать Ваньку.

– Да нет же! Кажется, там кто-то плачет, – ответил Ванька и указал на широкий дуб метрах в пятидесяти от нас.

У дуба никого не было видно. Сквер был пуст, и не было слышно ни единого звука. Кроме нас поблизости был лишь дедушка, уснувший на скамейке под ласковыми лучами весеннего солнца в противоположном конце сквера.

– Ты, Ванька, дурака не валяй! Коли нечем тебе крыться, так забирай девятки себе, а шуточки свои брось, – я заподозрил Ваньку в попытке отвлечь наше внимание от игры.

– Да ну вас! Глухомань! Что один, что другой! – с этими словами Ванька бросил карты на стол, даже не потрудившись перевернуть их лицевой стороной вниз, и ринулся к могучему дубу.

Мы с Валеркой переглянулись и побежали за ним. Около дуба мы догнали его, а когда забежали за дерево, все трое остановились как вкопанные в одну линию, точно оказались на краю пропасти. За дубом сидела девочка наших лет или чуть младше, закрыв глаза руками; по её красным горячим щекам катились слёзы.

– Девочка, что с тобой? – спросил Валерка, присев и наклонившись к незнакомке.

Девочка робко открыла глаза и тотчас вздрогнула. Казалось, грозное лицо и могучий вид Валерки напугали её ещё сильнее, чем то, что могло стать причиной её слёз. Она снова закрыла глаза руками и сжалась, словно над ней навис огромный предмет, который вот-вот свалится ей на голову, или огромный автомобиль мчался на неё и вот-вот мог вре-

заться в её хрупкое тело.

– Не бойся! Никто из нас тебя не обидит! Можем ли помочь тебе? – я попытался сказать это настолько нежным голосом, насколько позволяло моё желание пожалеть эту бедную девочку и помочь ей.

Юная страдалница вместо ответа залилась ещё бóльшим плачем. Мы все были в растерянности. Казалось, каждый из нас хотел обнять это маленькое создание и успокоить её, а после найти обидчика и разорвать его в клочья. Но ни один из нас не решился прикоснуться к отчаянной девочке – мы все боялись, что напугаем её ещё сильнее. Я сел на землю и стал смотреть вверх, на затерявшееся в многочисленных дубовых ветках тёплое солнце. Ванька последовал моему примеру и сел на покрывало, сотканное природой из сухих прошлогодних листьев. Он потупил глаза. Все мы сидели возле девочки посреди пустого сквера и слышали лишь горький плач обиженного ребёнка, так жестоко рвавшего тишину прекрасного весеннего дня.

Когда вся рубашка юной мученицы была изедена пятнами солёных слёз, девочка сделала глубокий вдох и вытерла глаза тыльной стороной ладони. Лицо её было таким красным, словно было обожжено самыми едкими слезами, которые могут хлынуть только у самого несчастного ребёнка. Она долго осматривала нас пристальным взглядом, часто вытирая болевшие глаза промокшей в слезах рубашкой. Я протянул ей платок, который прихватил в дорогу, чтобы вытирать им руки перед едой. Но горькие слёзы прекрасной девочки стали первым, что впитал в себя этот кусок ткани. Девочка окинула нас взглядом ещё раз и сжала платок в руках. Казалось, она разглядела в наших потяжелевших глазах искреннее сострадание и желание всеми возможными способами не остаться безучастными к её горю. Не знаю, как в тот момент чувствовали себя мои друзья, но мои глаза мгновенно сделались влажными и тяжёлыми, а удушливый ком встал посреди горла, словно я вдохнул ядовитого газа. Но воздух не был отравлен, он был настолько чист, насколько может быть чистым весенний воздух посередине сквера в маленьком городке. Нет, ядовитым горем были наполнены движения худенькой

девочки, ядовитая скорбь сочилась сквозь её сжатые зубы, она отражалась в её потерянном взгляде, она захлестнула её так, словно в один миг для неё исчезло всё самое дорогое в жизни.

– Простите меня, ребята, – едва слышным голосом прошептала она и резко зажмурила глаза.

Казалось, горькие страдания вновь прилипли к её голове; она была готова зарыдать снова, но в её юном организме уже не оставалось воды хотя бы для самой маленькой слезинки.

– Простите... простите, – она шептала тяжело, прерывисто, постоянно заикаясь.

Валерка достал из рюкзака бутылку воды и протянул её девочке. Она отпила немного и вернула её.

– Боже мой! Ребята, как мне стыдно! Простите. Я, наверно, так вас напугала своим рёвом, – проговорила она, вытирая рукой зудящие глазницы.

– Как тебя зовут? Что с тобой случилось? Тебя кто-то обидел? – с нежным участливым взглядом задавал вопросы Валерка, словно пытаясь всеми силами извиниться за свой грозный облик типичного забияки.

Девочка поняла это и невольно улыбнулась, будто сама хотела пожалеть Валерку, который казался в тот момент таким неуклюжим.

– Настя, – тихо прозвучал застенчивый ответ лишь на один из вопросов.

– Кто же заставил тебя плакать? – перефразировал я вопрос Валеры.

– Да! Мы любого в порошок сотрём! Никто не смеет обижать такую милую девчонку! – рьяно подхватил Ванька.

Настя вновь улыбнулась. Казалось, ей льстило и даже согревало её сочувствие трёх незнакомых мальчишек, которые были едва ли старше.

– Нет! Вы не сможете мне помочь! – жалобно закричала девочка.

– Нет, так не пойдёт. Ты уж скажи, что произошло, а мы сами разберёмся! – воскликнул Валерка с явным оттенком обиды.

Тут он понял, что слишком резко закричал на и без того

испуганную девочку, и тотчас добавил максимально ласковым голосом:

– Мы очень хотим тебе помочь, Настенька! Мы тебе обязательно поможем! Только дай знать, что мы можем для тебя сделать. Пожалуйста!

Это прозвучало так умоляюще, что создавалось впечатление, будто Валерка сам просил о помощи. Настя невольно вздрогнула, поражённая столь противоречивым тембром Валеркиных возгласов, затем посмотрела вверх, на те самые ветви деревьев, тщетно пытавшиеся скрыть апрельское солнце. Казалось, она попыталась успокоиться, прежде чем начать нам что-то рассказывать.

Глубоко вздохнув, она остановила взгляд на той самой бутылке, которую продолжал держать в руках Валера, и начала свой рассказ:

– В общем, это настоящий подлец! Самый настоящий мерзавец и негодяй! Я его ненавижу и в то же время боюсь. Его зовут Игорь. Он постоянно издевается, и не только надо мной. Он и его дружки три дня назад побили Петьку, семиклассника, за то, что он случайно врезался в одного из них, когда подъезжал к школе на велосипеде. А вчера я шла по школьному коридору в столовую и рылась в кармане, пытаюсь нащупать пятирублёвую монету на пирожное. Я так неаккуратно копалась там, что из этого самого кармана у меня выпал листок, как раз когда я проходила мимо этих самых негодяев. Я хотела поднять его, но Игорь первый успел схватить его с пола. Он спросил, что там написано. Там был набросок стихотворения, я люблю писать стихи. Я попросила его отдать мне листок, сказав, что там личное. Возможно, это была моя ошибка, потому что у него тут же загорелись глаза, как у самой злой змеюки. Он раскрыл листок и стал читать мой стих своим друзьям. Стих был о маленькой красивой птице, потерявшейся в пустыне. Они все стали смеяться надо мной. Боже мой! Мне хотелось провалиться сквозь землю. Я заплакала и побежала рассказать об этом учительнице. Всем им поставили по двойке за поведение и всё. А я потом весь вечер рыдала – до того обидно было, что они так издевались над моими стихами. Но всё бы ничего! Сегодня я уже

почти успокоилась и позабыла об этом. Но когда я пришла сюда, в сквер, покататься на качелях, я заметила, как тут гулял кот Тимка из третьего дома, Людмилы Степановны кот. Он грелся на солнце, когда я подошла к нему, чтобы погладить. Он тотчас признал меня и завилял хвостом. Я стала гладить Тимку, но тут вдруг сзади подошёл он!

– Игорь? – перебил Ванька.

Настя продолжала говорить, словно не услышав вопрос:

– Он сказал мне, что это из-за меня ему двойку влепили. Я ответила ему, что он сам виноват. Тут он взял камень и бросил в Тимку.

– А может, он виноват?

– Нет! При чём здесь кот? Ты с ума сошёл? – я остолбенела.

– Любишь его, значит! – он взял ещё один камень и попал им Тимке в лапу.

Кот испугался, замыкал, тут он взял целую горсть камней и стал бросать их один за другим в кота. Тимка стал убежать, но уже хромал на одну лапу, а это чудовище продолжало бросать в него камни. Он попал Тимке в ухо и в голову. Тут я не выдержала и бросилась колотить его по рукам, лишь бы он выронил все свои камни. Он рассмеялся и успел швырнуть ещё один камень в кота, но промахнулся. А затем он сказал мне: «Сдохнет твой Тимка» и убежал. Бедный Тимка еле удрал в какие-то кусты. Господи, а вдруг он умрёт? А если этот гад пробил ему голову?

Тут Настя не выдержала и снова зарыдала, закрыв руками лицо. В этот момент моё сердце тоже не выдержало, и я ринулся скорее обнять бедную девочку, так сильно переживавшую за любимого кота, который, по-видимому, был ей настоящим другом.

– Не плачь, Настя! Ты же сама говоришь, что Тимка сумел убежать. Будь он сильно ранен, тотчас бы повалился на землю. Он, наверно, сильно напугался и спрятался где-нибудь, – я отчаянно пытался её успокоить.

– А вдруг он мёртвый? – едва Настя успела так подумать, едва она начала произносить эту мысль, как страшным градом хлынули слёзы из её и без того проплаканных глаз.

– Нет же! Он жив! – воскликнул Ванька. – Хочешь, мы прямо сейчас найдём его?

– Хочу! – робким голосом пробилося желание сквозь слёзы девочки.

– Куда он убежал? – спросил Ванька.

– Туда, – не открывая заплаканных глаз, Настя указала пальцем в сторону беседки, – серый с чёрным пятном.

Не проронив ни слова, Валерка и Ванька отправились искать подстреленного Тимку. Я же, слегка смутившись, что остался с Настей наедине, разжал свои объятия и сел напротив неё. Я решил остаться с нею и дожждаться ребят. Мне не хотелось оставлять её одну. Я боялся, что если бы мы убежали искать кота втроём и задержались, то она могла допустить мысль, что мы просто сбежали, и тогда бы точно утонула в собственных слезах.

Я попытался подбодрить её:

– Они найдут его, Настя! Обещаю! Слово настоящего велосипедиста!

На красном от слёз лице промелькнула улыбка. Вероятно, Настя впервые слышала столь чудное словосочетание: «слово настоящего велосипедиста». Я достал из рюкзака пирожок, единственный, который мне удалось прихватить из дома, и протянул его милой девочке.

– Ой, что ты!

– Бери, не стесняйся!

Настя вцепилась в пирожок с малиной. Нагрывший аппетит и сладкая малина отвлекли её от душевных переживаний.

Тем временем Валера и Ваня изо всех сил старались найти кота. Они бегали по скверу и соседним дворам около получа-са и наконец нашли серого кота с большим чёрным пятном, покрывавшим половину его морды. Кот лежал на солнце в одном из соседних дворов и старательно зализывал царапину на лапе. Очевидно, это был Тимка. Завидев ребят издалека, он насторожился; чтобы не спугнуть его, ребята аккуратно приблизились к нему и, открыв банку тушёнки, которая предназначалась нам на ужин, кинули коту кусок мяса. За следующим куском он уже сам подбежал к ним, дав себя по-

гладить. Он лишь немного прихрамывал, а в целом был абсолютно здоров. Видимо, не так уж сильно ранили его камни, выпущенные малолетним разбойником. Погладив кота, ребята приманивали его с помощью куска тушёнки, чтобы довести до того самого дуба, под которым его ждала столь неравнодушная к нему девочка.

– Тимка! – сколько радости впитало это слово, когда Настя произнесла его, увидев кота.

Она обнимала его и крепко прижимала к себе, а Тимка, казалось, хоть и был рад встрече, не испытывал такого бурного потока эмоций. Он не спускал глаз с банки тушёнки, которая была у Ваньки в руке и которую добрый кот, по видимому, планировал опустошить до конца.

– А что с этим хулиганом Игорем? – обратился Валерка к нам всем. – Надо его как-то проучить.

И, посмотрев на Настю, добавил:

– А ты родителям не рассказывала? Можно даже заявление в милицию написать.

– Бесплезно, – тяжело вздохнув, ответила Настя, – у этого Игоря отец генерал. Сам до генерала дослужился, а во что сын превратился, словно не видит или не хочет видеть! Игорь когда Петьку побил, так его родители написали заявление. Но отец этого поганца обштопал всё так, словно это не избивание было, а драка по причине бытовой ссоры, будто Петька вообще сам эту ссору спровоцировал и сам во всём виноват. Никакое дело так и не завели.

– Надо же как-то проучить негодяя! – настаивал Валерка.

– Боюсь, что вы ничего не сможете сделать. Спасибо вам, ребята, что Тимку нашли. Я буду надеяться, что этот разбойник больше не тронет кота, – отвечала Настя.

– Скажи, где нам его найти. А уж там, будь уверена, что он не тронет ни тебя, ни твоего Тимку, – продолжал Валера.

– Ребята, не ввязывайтесь в это. Их четыре человека, все они из девятого класса. Они значительно больше вас, хотя, может быть, не крупнее тебя (тут она окинула взглядом Валерку). Но вам всё равно не стоит влезать в драку, против четырёх хулиганов у вас нет шансов. А если вы ввяжетесь в ссору, они не только вас изрядно поколотят, но и виноватыми

сделают. Игорь пойдёт к отцу и скажет, что вы на них сами напали, потом у вас самих же проблемы с милицией начнутся, а их всех признают невиновными и вообще пострадавшими в этой ситуации. Нет! Это бесполезно, – с нескрываемым унынием отговаривала нас Настя.

– Вот что. Мы здесь проездом. Мы найдём способ проучить этого Игоря. А если обо всём узнает милиция, мы успеем уехать ещё до того, как нас начнут искать, – ответил Валера.

– А откуда вы, ребята? – любопытствовала Настя.

– Да деревенские мы, километрах в пятнадцати отсюда живём, – пояснил Ваня.

– Где нам искать этого Игоря? – вновь заинтересовался Валера.

– Вообще, сейчас занятия в школе закончились. Он и его дружки могут пойти либо на футбольное поле, либо на железную дорогу. Я не раз слышала, что они с друзьями собираются там частенько и пьют пиво где-то возле станции. Порой они остаются там до поздней ночи. Думаю, сначала вам стоит проверить именно железную дорогу, – рассказала Настя.

Но потом она засомневалась и добавила:

– Только это очень опасно, ребята. Ну что вы сможете сделать? Их же четверо, они старше. Ох, лучше бы вам не соваться туда.

– Как выглядит этот Игорь? – Валера словно не слышал или не хотел слышать Настиных предостережений.

Настя посмотрела Валерке в глаза и вздохнула. Казалось, она понимала, что его уже не отговорить, что он уже твёрдо решил наказать обидчика. Тем не менее она могла бы просто не рассказывать нам, где искать этих хулиганов. Она могла просто сказать, что понятия не имеет, где они могут находиться. Но она всё же в точности описала нам места, где они могут быть. Видимо, она действительно хотела, чтобы сорванцы получили по заслугам и отстали от неё, а в нас увидела не то спасителей, не то защитников. Она отговаривала нас словно из вежливости, словно не столько пыталась отговорить, сколько предупреждала обо всех возможных

опасностях, а в душе надеялась, что мы не поддадимся её уговорам и не испугаемся встречи с хулиганами.

Она стала описывать того самого противного сердцу Игоря:

– Он довольно высокий. Чуть выше тебя (она продолжала смотреть на Валеру), но не такой плотный. Он довольно худой, с рыжими волосами. У него ещё есть шрам на левой щеке. Говорят, его задела ножом по лицу в какой-то уличной разборке. Не знаю, насколько это правда. Кроме того, как я уже говорила, с ним почти всегда бывают трое его дружков. Их я навряд ли смогу описать, я их плохо помню, но точно знаю, что один из них лысый, противный такой.

– Настя, я обещаю, что больше они тебя не обидят! – Валерка произнёс это с таким огнём в глазах, что ему трудно было не поверить в тот момент.

– Беги домой, Настя, – сказал Ванька, – дальше мы справимся сами.

– Можно? – Настя указала на банку тушёнки, которую Ванька до сих пор продолжал держать в своих руках.

Ваня отдал ей банку, и Настя побежала кормить Тимку, который не разделял нашего желания сидеть под дубом и расположился от нас в нескольких метрах на солнышке. Понаблюдав немного, как маленькая девочка заботливо кормила любимого кота, мы направились назад к беседке, где нас ждали брошенные нами велосипеды и раскиданные озорным ветром по всему столу и скамейкам игральные карты. Только что мы дали слово прекрасной девочке отомстить её обидчику, но до сих пор слабо представляли, как это можно было сделать. Нам явно было что обсудить.

Глава четвёртая

ВСТРЕЧА С ХУЛИГАНАМИ

Мы сидели в беседке и напряжённо смотрели на стол вот уже почти целый час. Мы вовсе не спешили идти на железную дорогу искать встречи с обидчиками юной Анастасии –

действовать в лоб было бы безрассудно, учитывая численное и физическое превосходство наших противников. Нам нужен был какой-нибудь хитроумный план, который избавил бы нас от прямого столкновения с хулиганами и позволил бы нам проучить их, не влезая в драку, в которой мы, вероятнее всего, потерпели бы сокрушительное поражение. Но в голову не приходили никакие мысли.

– Скоро вечер, – этими словами Ванька прервал затянувшееся молчание.

– Через три часа начнёт темнеть, – предположил я.

– К чему это вы, ребята? – Валерка выразил недоумение.

– Что будем делать, Валера? – спросил я его вместо объяснений.

– Даже не знаю. У вас есть идеи?

– Боюсь, до Бородинского поля нам сегодня не успеть. Придётся заночевать в лесу, а утром выедем пораньше, – высказал Ванька.

Валера пришёл в смятение.

– О чём ты вообще? Я спрашиваю о том, как нам быть с Игорем и его шайкой.

– А что мы можем сделать с этим Игорем и его шайкой? Ну скажи, Валера? Вот их четверо девятиклассников, они старше нас на два года. Ну отыщем мы их возле станции. Что ты сделаешь? Что ты им скажешь? – посыпались вопросы от Ваньки.

Валерка презрительно посмотрел на него, после чего спросил:

– То есть ты вовсе не собираешься искать этих подлецов?

– Я думаю, мы бессильны. Настя же сама просила нас не вмешиваться, – Ванька настойчиво продолжал отказываться от нашей затеи.

Валера сжал зубы так, что они скрипнули. Физиономия его вся искривилась, он был охвачен чувством обиды и беспомощности. С одной стороны, он хотел как следует врезать Ваньке за то, что тот становился таким безучастным, но в то же время он понимал, что, точно так же как и Ваня, ничего не может поделать в сложившейся ситуации.

Сжавшись от давящего чувства безысходности, он словно

проглотил всю охватившую его горечь, глубоко вздохнул и обратился ко мне:

– Ну а ты что думаешь обо всём этом?

– Знаешь, думаю, прав наш Ванька. Увы, мы не в силах чем-то помочь, – ответил я, невольно пряча глаза в сторону, – Насколько же неприятно мне было самому это осознавать.

– Но мы дали обещание, – назидательно напомнил Валера.

– Ты дал, – коротко подметил Ваня.

– Замолчи! – закричал Валера и ударил кулаком по столу; казалось, он пребывал в ярости.

– Я разве что-то не так сказал? – искренне удивился Ваня.

– Не так? Да как ты можешь так говорить?! Если ты обещания не давал, если ты изначально слиться удумал, почему промолчал, когда я с девчонкой разговаривал? Почему сразу не заявил, что ты против? Что кишка у тебя тонка, почему не сказал? – накинулся Валерка на Ваню, так рьяно засыпая его укоризненными вопросами, что едва успевал заглатывать воздух.

– А ты меня спрашивал, когда обещание давал? А его ты спрашивал? – воскликнул Ванька, указывая на меня. – Ты сам это обещание дал, а на наше мнение тебе в тот момент наплевать было. Разжалобила тебя девчонка, а сама небось уже забыла и о тебе, и об Игоре этом.

Мы все замолчали. Казалось, обстановка изрядно накалилась и одно неаккуратное высказывание могло нас окончательно перессорить.

Чуть погодя Ванька продолжил отстаивать свою позицию:

– Тебя, Валерка, подкупили девичьи слёзы, вот ты и наобещал с три короба, лишь бы девчонка успокоилась. Да она уже забыла про нас. Ну подерёшься ты с этими ребятами. Ну ударишь их пару раз. А сам в ответ куда больше получишь. А если у них нож есть? Они же отморозки полные. А главное, ради чего всё это? Кому ты что докажешь? Вот пырнут они тебя, и что? К девчонке лезть перестанут? За книжки умные возьмутся? Ты, Валерка, одно пойми: уедем мы отсюда с победой или на скорой нас увезут – всё одно будет. Девчонку круглые сутки охранять мы не сможем. Мы этим ублюдкам дорогу перейдём, а они потом на ней отыграются.

Это ты девке обещал? Этого мы хотим?

Едва Ваня закончил пламенную речь, как настала мёртвая тишина. Найти в одночасье достойный ответ против таких доводов мы не могли.

Мне всё же было что́ сказать, и, слегка переупорядочив мысли в голове, я заговорил спокойным тоном, чтобы не подогреть и так накалившуюся атмосферу:

– Ты, Ваня, не прав, что Валерку винишь. Коли против ты был, надо было тогда под дубом возражать. Валерка правильно поступил, что девчонку успокоил и помощь предложил. Что мы, по-твоему, должны были сказать ей? Ты, девочка, тут посиди, поплачь да продолжай дальше обиды терпеть, а мы поедем, у нас своих забот хватает. Так, что ли? Нет уж, Ваня. Мы теперь вместе за всё отвечаем. А знаешь, когда ты на это подписался? Не час назад и не два, когда девчонку жалели, а ещё вчера, когда школу прогулять согласился и ехать с нами сюда.

После короткой паузы я продолжил:

– Но и правда на твоей стороне тоже есть. Не можем мы Настьке помочь сейчас. Лишнего на себя взяли – сами виноваты. Наобещали с три короба, а теперь только опомнились, думать начали. Дурни бестолковые. Будет нам уроком теперь. Видит Бог, мы здесь бессильны. Поехали отсюда. Раньше уедем – быстрее всё это забудем.

Сказав это, я попеременно окинул взглядом сначала Валерку, а затем Ваньку. Валера смотрел куда-то в сторону с задумчивым угрюмым лицом, а Ваня уставился на раскиданные по столу игральные карты и тоже о чём-то думал.

Я встал из-за стола, сгрёб все карты в кучу, сложил их в стопку, после чего убрал в рюкзак и сказал:

– Едем.

Я подошёл к велосипеду, поднял его и вскочил на седло; то же самое сделал и Ванька. Мы обернулись и посмотрели на Валеру – он по-прежнему безучастно смотрел куда-то вдаль.

– Валера, – обратился я к нему.

Он посмотрел на меня, потом на Ваню, затем оглянулся по сторонам; потом он глубоко вздохнул и едва слышно отве-

тил:

– Поехали.

Мы направились в сторону центральной улицы. По ней мы проехали не более трёх кварталов и выехали из города. До Бородинского поля оставалось около пятнадцати километров.

По мере того как мы удалялись от Можайска, настроение моё не становилось лучше. Я не мог выбросить из головы бесчисленные навязчивые переживания обо всём, что произошло с нами сегодня. Мне было так горько оттого, что ещё недавно мы уверяли маленькую девочку, что вскоре расправимся с её обидчиками, а теперь мы мчали прочь, старательно утешая себя, что ничем не можем ей помочь. В этот самый момент мне казалось, что я ненавижу себя. Мне невероятно сильно хотелось наказать себя за то, что я оказался таким безвольным, за то, что я так легко отступил и сдался. Мне хотелось бить себя по лицу, хотелось рухнуть на асфальт и биться об него головой, пока не потеряю сознание, – лишь бы скорее забыть всё это. Но это нисколько бы мне не помогло, потому что первым, что вернулось бы ко мне вместе с сознанием, стали бы воспоминания о моём непростительно трусливом поступке.

Когда от Можайска нас отделяло уже около двух километров, я всё ещё продолжал находиться в таком же подавленном состоянии. У меня начинало исчезать желание куда-либо ехать, и я остановил велосипед. Так как я следовал замыкающим, ребята не заметили, что я отстал. Я хотел крикнуть им, чтобы они остановились, но не стал. Я был настолько подавлен, что, казалось, потерял дар речи. Тем не менее я был уверен, что друзья вот-вот заметят моё отсутствие и остановятся. Но они продолжали удаляться и, когда машинально оглянулись назад, увидели, что я уже был далеко позади. Я едва мог различать их фигуры, вероятно, как и они мою. Ребята подождали меня какое-то время, но, убедившись, что я нисколько не приближался, повернули назад. Когда они подъехали ко мне и увидели, что мой велосипед был цел и невредим, лица их изобразили недоумение, словно они не могли понять, что же заставило меня остановиться.

– Так нельзя, – сказал я им.

Тут их взгляд переменялся, они мгновенно поняли, что я имел в виду.

– Думаешь вернуться? – спросил Валерка.

– Поехали к железной дороге. Попробуем найти их. Давайте хотя бы посмотрим, с кем придётся иметь дело в случае выполнения нашего обещания. Авось на месте что-нибудь да сообразим. А может, этот Игорь вообще один нам попадётся. Втроём-то мы его лихо прижмём. Ну не можем мы вот так взять и уехать. Мне моя совесть покоя долго не даст, уж я-то знаю, – слова мои были пропитаны не столько уверенностью, сколько надеждой на удачу.

– Давай попробуем! – воскликнул Валера с таким воодушевлением, словно только и ждал от меня этих слов.

Взгляд его наполнился чувством уверенности, он более не колебался и был полон решимости что-нибудь предпринять. Такая резкая перемена состояния моего друга не могла меня не подбодрить.

– Что думаешь, Ванька? Рискнём? – спросил я Ваню, предчувствуя, как с его уст сорвётся уверенное «да».

Я даже посчитал этот вопрос излишним, ибо предполагал, что Ванька и так перенял наше состояние духа. Однако вопрос обернулся внезапной трещиной в нашей дружбе, а всё потому, что от Вани последовал ответ, которого мы никак не ждали.

– Нет уж, ребята. Видать, не расслышали вы тогда в беседе моих доводов. Не понимаете вы, на что хотите пойти. Тут я вам не помощник. Мне моя жизнь дороже понтов перед девчонкой. Дальше езжайте без меня, – именно так прозвучало то самое ожидаемое мной уверенное «да».

Услышав это, Валерка отвернулся в сторону, будто был оглушён жестоким ударом в самое сердце. Он не произнёс ни звука, а лишь сжал руками руль велосипеда так сильно, что тот жалобно скрипнул. Было видно, как Валера что есть мочи старался сдержать себя и не наброситься с кулаками на Ваньку, в котором в тот момент, по-видимому, разглядел самого гнусного в мире предателя.

Меня, как и Валеру, очень поразил такой ответ, но яд пре-

дательских слов, пойманный слухом из уст близкого друга, видимо, не так быстро проникал в моё сердце – я всё же нашёл в себе силы ответить Ване спокойным, но пропитанным раздражением голосом:

– И куда же ты ехать собрался, если не с нами?

– А домой поеду. За два с половиной часа доберусь, ещё успею до темноты. Родителям скажу, что не захотел идти в поход.

Ваня произнёс это так спокойно и безэмоционально, что это повергло меня в ещё большее раздражение, ведь мы с Валерой буквально выгорали изнутри от его обидных слов, а он продолжал оставаться таким невозмутимым.

– Неужто ты сейчас серьёзно, Ваня? – спросил я его, словно надеясь, что всё сказанное им было нелепой шуткой.

Ваня по нашему поведению понял, что мы были ввергнуты в смятение его равнодушием, и как бы в своё оправдание добавил:

– Вы, ребята, не имеете права зло на меня держать. Зря вот вы сейчас меня виноватым выставляете. Нечего меня в изменники записывать. Я вас предостеречь хочу, а вы артачитесь. Ну так и будьте наказаны собственным упрямством. Сами скоро пожалеете, что меня вовремя не послушали.

Закончив говорить, он поглядел в обе стороны и, убедившись, что поблизости нет машин, поехал в направлении Можайска, который, вероятно, хотел побыстрее миновать и выбраться на прямую дорогу до дома.

Меня охватил такой страшный гнев, что я крикнул ему вслед изо всех сил:

– Да чтоб тебя первый же грузовик по дороге размазал!

Когда я произнёс это, мне стало невыносимо стыдно, что я дал волю эмоциям; всё же я совсем не желал смерти человеку, которого ещё так недавно считал хорошим другом.

Валерка тем временем продолжал смотреть на обочину. Я не видел его лица, и на миг мне почудилось, что он плачет, хотя я никогда не видел слёз на его глазах. Когда Ванька уже отдалился метров на сто, Валера повернулся ко мне. Лицо его было безжизненно бледным, словно онемевшим. Казалось, если бы он даже захотел заплакать, то не смог бы – настолько

разбитым и померкшим виделся мне его взгляд.

– Злишься на него? – спросил я.

– Если ты про Ваньку, то я не хочу сейчас об этом говорить, – холодно ответил Валера.

– Попробуем доехать до станции? – я сменил тему диалога.

– А ты знаешь, как ехать?

– Да в Можайске сориентируемся.

Мы направились в ту же сторону, что и Ванька, но он уже скрылся за горизонтом и мы не могли его видеть. Солнце почти полностью провалилось в пучину бесчисленных придорожных сосен и едва пригревало нас со спины. До наступления темноты оставалось чуть более двух часов, но всё вокруг: воздух, дорога, земля – излучало накопившееся за день мягкое тепло весеннего дня. Наверно, мы наслаждались бы столь дивным весенним вечером на просторах Бородинского поля, если бы несколько часов назад не решили скрасить послеобеденный отдых карточной игрой в старом городском сквере. Но судьба распорядилась так, как распорядилась, и не то волею случая, не то движимые чувством долга мы мчали к месту, которое навсегда сохранит в себе память о событиях, произошедших там с нами в скором времени.

Прежде я бывал в Можайске не один раз, и когда мы вернулись в город, я сумел легко сориентироваться и вспомнил кратчайший путь к железной дороге. Мы решили, что попытаемся найти человека, похожего на описание Игоря, и понаблюдаем за его действиями со стороны. Такое безобидное столкновение не могло угрожать нам конфликтом, поэтому мы отправились на станцию без какой-либо опаски, оставив наши велосипеды прислонёнными к одиноко стоящему возле дороги фонарному столбу.

Войдя на маленький городской вокзальчик, мы обнаружили лишь несколько человек, стоявших в очереди у билетной кассы, да престарелую женщину, сидевшую на краю скамейки и, судя по всему, ожидавшую поезд.

– Очевидно же, что здесь их нет. Не станут же они шуметь и распивать алкоголь тут, на станции, где дежурит милиция. Они должны быть где-то неподалёку в тихом, безлюдном ме-

сте, – высказал я свои догадки Валере.

– Пойдём ещё на платформу, поглядим там, – ответил Валера, рассредоточив свой взгляд по сторонам, словно всё ещё выглядывал какие-то лица.

Мы вышли из здания на улицу. Перед нами открылся вид на заполненную людьми платформу, на которую можно было выйти по переходному мосту. Людей было много, видимо, вот-вот должна была подойти электричка. Хотя мы слабо верили в то, что Игорь и его шайка могли околачиваться непосредственно на платформе, мы решили подождать, пока подъедет электричка и заберёт людей, чтобы перед нами открылась куда менее многолюдная площадка. Нам не пришлось прождать и минуты, когда раздался глухой, знакомый уху гудок приближающегося поезда. Скоро со стороны Москвы появилась увеличивающаяся в размерах вереница зелёных вагонов, а через мгновение на западе показался второй состав. Уже через минуту две электрички стояли с обеих сторон платформы, на которой беспорядочными потоками рассредоточились входящие и выходящие люди. Чтобы лучше видеть, что происходит, мы забрались на переходной мост и стали наблюдать за всем сверху. Скоро обе электрички подобно двум зелёным змеям расползлись в противоположные стороны, и перед нами открылась опустевшая станция. По платформе рассредоточилось около дюжины человек, но среди них не было никого, кто хотя бы отдалённо подходил под имевшееся у нас описание обидчика. Я внимательно огляделся по сторонам, и на глаза мне попалась груда каменных плит, возле которой толпились какие-то люди. До неё было не менее трёхсот метров, и разглядеть людей было крайне трудно.

– Смотри! – я хлопнул Валерку по плечу и указал в то самое место.

Валерка какой-то миг искал глазами ту точку, на которую я, по его мнению, мог указывать. Вдруг взор его застыл – он увидел то же самое, на что обратил своё внимание я.

– Пойдём, поближе посмотрим, – сказал он мне.

Мы спустились с моста на платформу и побежали по ней в сторону привлёкших наше внимание толпившихся людей.

Когда мы добежали до края платформы, до них оставалось лишь несколько десятков шагов. Вся картина открылась перед нами как нельзя чётче. Мы остолбенели, потому что мгновенно поняли: перед нами были те самые люди, которых мы искали.

На стопке каменных плит с дымящейся сигаретой в руке сидел и громко смеялся худой и высокий рыжий парень. Рядом с ним стояла алюминиевая пивная банка. Несомненно, это был Игорь. Возле него сидел с закрытыми глазами сутулый веснушчатый парень лет семнадцати и держал в руках продырявленную пластиковую бутылку, из которой сочился дым, – очевидно, там тлел гашиш. На земле трое парней в кожаных куртках собрались в круг и громко заливались смехом. Один из них был довольно плотным и рослым. Лысая голова его сверкала на солнце, как золотой купол. В правой руке он крутил какую-то цепочку, а в левой сжимал опустошённую пивную банку. В метре от них сидело двое подростков, прислонившись к сложенным в стопку плитам. Один из них, казалось, уснул, а второй смотрел куда-то вдаль потерянными глазами. Возле них стояло несколько пивных банок и три бутылки из-под водки. В стороне стояли и о чём-то громко ругались девушка лет семнадцати-восемнадцати с взъерошенными рыжими волосами и тех же лет парень в одних только синих джинсах да носках. Он слегка покачивался, в руке его была полупустая бутылка водки. В нескольких шагах от всего этого сборища на ржавых рельсах, по которым, видимо, давно не ездили поезда, в лёгкой коричневой куртке сидела девушка на вид чуть моложе остальных. Она сидела, отвернувшись от всех, и взволнованно курила.

Не теряя ни секунды после того, как мы пристально разглядели всё это зрелище, мы отбежали подальше от края платформы, чтобы не оказаться замеченными.

– Вот и нашли, что искали, – сказал я Валерке, – что будем делать?

– Та ещё компания, – ответил Валера. – Мы с тобой сейчас в пятидесяти метрах от логова самой проблемной шпаны этого городка. Однозначно, сунуться туда сейчас – признать себя безумцем. Я думаю, как только у них закончится выпивка,

они начнут расходиться, и мы сможем поймать момент, когда Игорь останется без своих дружков.

– Будем ждать! – радостно воскликнул я и тут же обернулся посмотреть, не услышал ли меня кто из собравшихся неподалёку подростков.

К счастью, нас никто не услышал.

Мы вернулись за велосипедами и привезли их на станцию, чтобы они оставались у нас на виду. Мы сели на скамейку посреди платформы и стали ждать, пока вокруг Игоря не останется людей и мы сможем каким-либо образом запугать его, вступить с ним в драку или сделать что-то в этом духе. Но пока что мы слабо представляли себе, как сможем заставить этого негодяя расплатиться за страдания, причинённые им ни в чём не повинной маленькой девочке.

Мы сидели на скамейке и молча обдумывали события сегодняшнего дня. Солнце спускалось всё ниже, отбрасывая яркие блики на убегающие вдаль рельсы. День подходил к концу. Редкая электричка, прибывающая на станцию, нарушала тишину пьянящего мягкой прохладой весеннего вечера. Ясное небо постепенно тускнело; сквозь голубизну его начинали сыпаться едва заметные звёзды. Чем бледнее становился вечерний небосвод, тем ярче загорались они. Ещё до заката высоко над головой стал робко проглядывать жёлтый месяц, неспешно плывущий по небу. Уже через несколько мгновений пылающее солнце упало между рельсов и отразилось в них оранжевым пламенем. Едва на западе погасло рыжее зарево, как в противоположной стороне начинала стремительно расти тёмно-синяя полоса померкшего небосвода. От земли повеяло холодом; ржаво-жёлтый свет усталых фонарей залил станцию – день был окончательно поглощён неизбежной ночью.

Когда уже совсем стемнело, компания, за которой мы наблюдали, начала расходиться. Через полчаса у кучи бетонных плит оставались лишь Игорь и тот самый лысый человек с цепочкой в руке. Игорь не раз называл его Антоном, так что и я не побрезгую отныне упоминать его под этим именем. Подростки едва держались на ногах, их кренило из стороны в сторону. Они были сильно пьяны, и, когда ноги их оконча-

тельно обессилили, сели на землю, облокотившись на плиты. В руке у Игоря была на треть полная бутылка водки, к которой они с приятелем по очереди припадали губами.

– Мне кажется, они уже ничего не сообщают, – сказал Валера. – Предлагаю внезапно наброситься на них, давай попробуем незаметно подкрасться. Видишь, там куча пустых бутылок. Я возьму одну и врежу посильнее этому бритоголовому. Когда он вырубится, мы займёмся этим самым Игорем.

Валерка произнёс эту речь таким голосом, будто почувствовал себя в тот момент блюстителем правосудия.

Убедившись, что поблизости нет поезда, мы прыгнули с платформы и аккуратно стали пробираться вдоль бетонного забора. Мы хотели незаметно подползти к плитам с обратной стороны так, чтобы нас никто не увидел и не услышал. Сделав это, мы оказались лишь в метре от наших врагов.

– Подбеги к этому лысому и спроси у него закурить. Ты отвлечёшь его внимание, а я выскочу, схвачу бутылку и огрею его по голове.

– С Богом! – шепнул я себе и вышел из-за плит.

– Есть сигарета? – обратился я к обоим парням одновременно, робея, так как никогда не курил и мой вопрос казался мне неестественным.

– Откуда ты взялся, карапуз? Иди куда шёл, – ответил Игорь, окинув меня растерянным взглядом.

Тут оба приятеля переглянулись и залились гулким смехом. В этот самый момент выскочил Валерка, схватил с земли одну из пустых стеклянных бутылок и, подняв её над головой, подлетел к Антону со стороны, готовясь нанести удар; руки его дрожали. Валера уже успел замахнуться, как вдруг раздался гудок. От неожиданности Валерка вздрогнул; этой заминки было достаточно приятелю Игоря, чтобы рефлексивно подставить локоть под удар. Бутылка врезалась Антону в локоть дном и отскочила на землю, так и не разбившись. Валера остолбенел, руки его опрокинулись.

– Щенок! Ну держись! – яростно воскликнул Антон.

Затем он с трудом попытался встать, чтобы дать сдачи Валерке, но, едва приподнявшись, тут же рухнул на землю – алкогольное опьянение дало о себе знать.

Он попробовал осуществить вторую попытку, но Игорь хлопнул его по плечу, так что тот вновь повалился, и сказал:

– Да сиди уже! Я сам!

Сделав гигантское усилие, он поднялся на ноги и, покачиваясь, уставился на нас, словно пытался разглядеть, кто мы такие.

– Ну, щенки, это вы зря! Держитесь теперь! – прорычал он так, что до нас дошёл запах перегара из его рта.

Сделав шаг в нашу сторону, подросток вдруг остановился. Его ослепил яркий свет фонаря – приближался поезд. Тут же раздался второй гудок; ослепительный свет фар осветил землю, и взор Игоря пал на кусок ржавой трубы, валявшейся возле путей.

– Ну я вам задам! – гаркнул он и пьяной походкой, редкими и неуклюжими шагами захромал к этой трубе, видимо желая поднять её, чтобы использовать против нас.

Мы хотели бежать, но едва мы обернулись, как врезались взглядом в грозную расплывчатую фигуру с осколком бутылки в руке – это был Антон.

– Стоять! – грозно закричал он на нас.

Машинально мы слегка попятнулись и вновь повернулись лицом к Игорю – он уже наклонился к трубе. Он хотел взять её, но, потеряв равновесие, сделал два шага вперёд и споткнулся о шпалу, вмиг повалился на пути. Силуэт его тут же озарило ярчайшим светом, раздался длинный, режущий слух гудок. Игорь приподнялся и попытался сойти с путей, но едва он успел привстать, как его тело соприкоснулось с холодным металлом наехавшего на него товарного поезда. Всё произошло мгновенно: мы уже не видели его мёртвого тела, а лишь могли наблюдать, как перед нами один за другим проносились вагоны постепенно снижавшего скорость состава. Антона, как и нас, охватило оцепенение, и он наблюдал за мелькающими цистернами с открытым ртом.

Вскоре он опомнился и заорал, впившись в нас злющими пьяными глазами:

– Сволочи! Убью!

От испуга мы сделали несколько шагов назад, но более отступить не могли – позади нас проезжал поезд, уже за-

бравший жизнь одного человека. Озлобленный пьяница стремительно приближался к нам, размахивая в воздухе куском острого стекла. Мы замерли, словно были лишены чувств.

Едва я зажмурил глаза, как услышал громкий незнакомый голос:

– Стой!

Я тут же очнулся и увидел, как на Антона набросились двое крупных мужиков в оранжевых жилетках – это были сотрудники железной дороги. Они повалили его на землю и скрутили; Антон почти не сопротивлялся – реакция его была сильно заторможена действием алкоголя. Тут же прибежал и Ванька, мы были крайне удивлены его появлением.

Запыхавшись, он согнулся и схватился за колени, немного отдышавшись, отрывисто заговорил:

– Уф, ребята. Еле успели мы. Знали бы вы, кто этот лысый. Он четыре года назад по пьяни мужика какого-то до полусмерти избил, ещё одного ножом ранил. Ему тогда всего четырнадцать лет было, а он уже в детскую колонию попал. А когда вышел, буквально на вторые сутки за разбойное нападение на киоск опять туда же загребел. Недавно освободили, и буквально вчера в какой-то драке опять засветился. Короче, не успели бы мы – накинулся бы на вас с этой стекляшкой, ни секунды не колеблясь.

Я ничего не мог понять. Откуда взялись рабочие? Откуда появился Ванька? Откуда он всё знал про этого Антона?

– Откуда ты это знаешь? Как ты здесь оказался? – Валерка уже озвучил те вопросы, которые я пока держал в голове.

– Когда мы расстались, я поехал домой. От Можайска уже далеко отъехал. Всю дорогу думал, а тогда только понял, что я натворил, когда с десяток вёрст миновал. Тогда только осознал, как мерзко поступил с вами в самый ответственный момент, и закрутил педали назад что есть сил. Да только сил уж и не осталось, – сказал Ваня и горько улыбнулся. – Доехал до станции, взбежал на мост и увидел вас и ещё двоих вон у той груды плит. Решил, что лучше на помощь позвать, вот и побежал вдоль путей. Встретил мужиков, рассказал им всё, мы и ринулись сразу к вам. Они по моим словам сразу

догадались, кто этот лысый, от них и услышал его биографию.

Тут к нам подошёл один из рабочих и заговорил с нами:

– Так, ребята. Тут сейчас скорая будет и милиция. Человека поезд сбил насмерть, будут протокол составлять. Вы тут не виноваты. Это несчастный случай. А по поводу этого лысого не переживайте. Милиция приедет, дадите показания, что, мол, угрожал вам – ответит по закону.

С этими словами он пошёл вдоль остановившегося поезда к месту, где, вероятно, могло находиться тело погибшего Игоря. Второй рабочий остался следить за обезоруженным Антоном.

Я немного отвёл ребят в сторону и заговорил с ними шёпотом:

– Нельзя нам, пацаны, милицию ждать. Приедут – начнутся расспросы, заинтересуются, что мы вообще ночью делаем на станции. Могут в участок отвезти. Оттуда родителям позвонят, так и вскрыется вся наша трёхэтажная ложь.

– Ты прав, – ответил Валера.

– Ребята, возьмите меня с собой, – обратился к нам Ваня.

– А ты что же, с нами теперь надумал путь держать? – укоризненным тоном спросил его Валерка.

– Ребята. Друзья мои. Простите, что сразу с вами не пошёл, я по-свински поступил, я это осознаю. Не осознавал бы – не приехал бы сейчас. Мы отправились в этот путь вместе, а, стало быть, и трудности все суждено нам делить на троих. Обещаю вам, что какие бы новые приключения нас ни подстерегали, я вас не оставлю. Никогда не пожертвую дружбой ради собственной безопасности, – сказал Ванька дрожащим от волнения голосом, – мир?

– Мир!

– Мир!

– И ты нас прости, Ванька, если наговорили тебе чего лишнего, – сказал я.

– Я не сержусь, ребята. Вы же не со зла, вы имели на то право, – последовал ответ от Вани.

Мы простили Ване его поступок. Могли ли мы ещё злиться на него? Можно ли было счесть его предателем? Были ли

мы сами виноваты перед ним в чём-либо? Мы слишком много пережили в этот день, чтобы у нас осталась хоть капля сил размышлять над этими вопросами.

Мы ещё раз окинули взглядом рабочих – они не смотрели в нашу сторону. Тогда мы ринулись к платформе, где стояли наши с Валерой велосипеды, а на мосту подхватил своего коня и Ванька.

Через минуту мы уже мчали прочь, а откуда-то с севера доносился вой сирены то ли скорой, то ли милиции. Вскоре мы уже выехали из Можайска и очутились на тёмной, неосвещаемой дороге. Лишь скупой лунный свет выделял полосу асфальта между чёрных деревьев.

Глава пятая

ИСТОРИЯ ВАЛЕРКИ

Холодны апрельские ночи. Ещё не померкнет небосвод на западе, как вдоль дороги обочины покрываются белым инеем. Пар, вырываясь изо рта, блестит под бледным лунным светом, ты весь дрожишь, а руки твои сжигает колкий нарастающий мороз, словно зима возвращается каждую ночь с приходом темноты и уползает, как змея под камень, с первым лучом утреннего солнца.

Дорога терялась во мраке, и лишь изредка автомобильные фары освещали нам путь. Мы невероятно замёрзли и были страшно голодны, потому что не ели с тех самых пор, как пошли в сквер. Из-за непроглядной тьмы и сильного холода нам приходилось ехать очень медленно, и как только нам попалась первая дорожка, ведущая в лес, мы слезли с велосипедов и стали пробираться в глубокий мрак безмолвной чащи. Нам хотелось как можно скорее найти подходящую площадку и развести костёр, тепло и свет которого были для нас в тот момент самой заветной мечтой.

Вскоре нам попался сносный клочок земли. Осветив землю зажжённой спичкой, нам удалось собрать немного прошлогодних листьев и маленьких еловых веточек. С их помо-

щью мы развели огонь, в который в скором времени стали подбрасывать всё более и более крупные ветки. Немногим позже костёр сдал давать достаточно тепла, чтобы мы могли согреться. В небольшой кастрюльке мы отварили гречневую кашу – это был наш запоздалый ужин. Мы так сильно устали, что предпочли отложить посиделки у огня на другой день и сразу после ужина разбили палатку. Ночевать нам пришлось во всей одежде под тонким покрывалом, которое догадался прихватить Валера, но под ним едва могло поместиться три человека. Тем не менее другого выбора у нас не было, а на улице понемногу становилось всё холоднее и холоднее.

Я долго не мог уснуть. Мне было зябко, земля казалась необычайно жёсткой, а когда я закрывал глаза, мне виделся тот самый зловещий поезд, снова и снова сбивающий Игоря. Я словно заново слышал локомотивный гудок, словно заново видел яркий свет фонаря, словно вновь и вновь наблюдал это страшное зрелище. Ребята, казалось, тоже не спали.

Я смог задремать, только когда костёр уже совсем потух и начинало постепенно светать.

Когда я проснулся, то оказался один в палатке. Я вылез из неё – ребята уже развели огонь, чтобы приготовить завтрак. Солнце застыло высоко в небе, близился полдень. На завтрак мы вновь отварили гречку, поскольку ничего другого у нас не осталось, кроме двух банок тушёнки, которые мы приберегли на вечер.

– Как думаете, далеко нам до Бородино ехать? – спросил Ваня то ли из любопытства, то ли просто чтобы разрядить напряжённо-молчаливую обстановку.

– Думаю, километров пятнадцать, а то и все двадцать, – ответил я.

Ваня тут же принял угрюмый вид. Если ещё вчера эта цифра не ввергала его в состояние тревоги, то сегодня эти самые пятнадцать километров могли обернуться для него настоящим испытанием: ноги его страшно гудели от вчерашних двадцати километров крюка, на которые он сам себя обрёл.

На этом наш утренний диалог закончился. Все мы были сильно утомлены событиями прошлого дня и оставались

наедине со своими мыслями. Мы затушили костёр, молча собрали палатку и убрали в рюкзак посуду, после чего пошли в сторону шоссе, на ходу протирая ладонью влажные от росы сёдла велосипедов.

Настроение наше явно было подавленным, кроме того, ситуацию усугубляли полностью истощённые запасы воды. По шоссе мы ехали медленно, старались экономить силы. Нам часто приходилось делать остановки, чтобы подождать Ваньку, который постоянно отставал. Даже на небольших подъёмах мы часто переходили на шаг, потому что Ваня уже едва мог крутить педали, да и нам с Валерой малейшие подъёмы давались с большим трудом.

Когда мы прибыли в Бородино, близился вечер. Первым делом мы купили в магазине воды и еды – на это ушли наши последние деньги. Немного передохнув, мы направились в Бородинский музей – небольшое здание, больше походившее на усадьбу.

Музейный сотрудник, пожилая рыжеволосая женщина крупного телосложения, оказалась на редкость добрым и разговорчивым человеком.

Увидев наши измученные лица, она не без удивления спросила:

– Ребята, что с вами? Вы еле на ногах стоите.

– Второй день едем. На велосипедах добирались сюда, – с застенчивой улыбкой первым ответил я.

– А дорого билет стоит? – спросил Ваня. – А то мы все оставшиеся деньги потратили на еду. Вот, посмотрите.

С этими словами он открыл рюкзак, в который мы сложили пирожки и пачку вафель, купленные в магазине, а затем добавил:

– Нам бы на этом ещё сутки прокормиться. У нас рублей двадцать мелочью осталось. Этого ведь не хватит на билет?

Тут женщина оглянулась по сторонам, словно хотела убедиться, что за нами никто не следит, и негромко ответила:

– Проходите так, ребята.

Она продолжала некоторое время смотреть на нас взглядом, преисполненным удивления, но так и не решилась спросить, что же заставило нас преодолевать такие большие рас-

стояния на велосипедах и почему мы остались без денег и едва не были вынуждены голодать.

Так мы смогли попасть в музей бесплатно. Возможно, вход для школьников и так был бесплатным, но мне всё же было приятно думать, что эта женщина совершила для нас добрый поступок. И я не ошибся в её доброте. Когда мы выходили из музея, эта самая женщина подозвала нас к себе и насыпала в наши карманы по горсти конфет. Такое заботливое отношение и внезапное пополнение провизии здорово подняли общее настроение и боевой дух; из музея мы вышли с куда более радостными лицами, чем зашли.

– Что дальше, ребята? – задался вопросом Валера.

– Давайте объедем окрестности и посмотрим на памятники, – предложил я. – А там можно будет и о ночлеге подумать.

Мы оба посмотрели на Ваню в ожидании услышать его мнение.

– Ну, думаю, других вариантов у нас всё равно нет, – ответил он.

Мы вскочили на наши велосипеды, почувствовав новый приток сил, и помчали по узкой асфальтовой дорожке, проходившей посреди безграничного чёрного поля, усыпанного хаотично раскиданными монументами, которые было легко заметить даже издали на фоне голубеющего неба. Но вскоре усталость и боль в мышцах дали о себе знать, и мы сбавили темп, опасаясь, что к концу дня и вовсе лишимся последних сил.

К вечеру, когда солнце уже скрывалось за деревьями и вот-вот могло провалиться за горизонт, мы успели осмотреть все окрестности и вдоволь насладиться безграничным простором пустынного весеннего поля. Близ заповедника находилась железнодорожная станция, на которую нам довелось наткнуться во время нашей велосипедной прогулки. Сам заповедник раскинулся многочисленными памятниками и крестами по обе стороны узкой дороги, соединявшей Можайское шоссе с железной дорогой.

Ночевать в поле было бы бессмысленно, поэтому мы направились в сторону Можайского шоссе, по которому вер-

нулись на несколько километров назад, и заночевали в небольшой чаще, граничившей с полем на самом краю заповедника. Мы проезжали это место ещё днём, и оно нам сразу приглянулось – поблизости не было никаких памятников, а значит, и люди здесь не ходили; мы могли быть уверены, что ночью и утром нас никто не потревожит. Кроме того, граница поля и небольшой рощи была крайне удобным местом для лагеря: шишки и корни деревьев отныне не мешали ровно расположить палатку, а изобилие лиственных и хвойных деревьев по соседству обеспечивали нам хороший запас дров для костра.

На этот раз наш ужин не ограничился одной только гречкой – мы подогрели на углях две банки тушёнки, после чего вывалили их содержимое в гречневую кашу. В тот момент такое блюдо представилось мне божественно вкусным. И конечно, после такого сытного и своевременного ужина ночь не казалась мне такой холодной, а земля – невыносимо твёрдой; я быстро и крепко уснул.

Следующее утро открыло третий и последний день нашего путешествия. Это было воскресенье, двадцать шестое апреля. Тот день, как и первый день нашей поездки, запомнился мне надолго. Но на сей раз вместо неожиданных приключений мне довелось услышать удивительную историю, которая поразила моё детское сознание до глубины души.

С утра мы проснулись довольно рано, поскольку легли спать практически сразу после того, как стемнело. За ночь погода сильно испортилась: дул холодный ветер, по небу быстро проплывали серые тучи, хлестал мелкий колкий дождик. Но в лесу ветер и дождь практически не ощущались, и без особого труда мы приготовили завтрак – остатки гречневой каши. Но как только мы выехали на открытую местность, завывающий ветер и косой холодный дождь не давали нам покоя ни на минуту.

– Нет, ребята, в такую погоду нам до дома не доехать без аварий, – сказал Валера. – А если и доедем, то на следующие сутки с температурой сляжем.

– Можем вернуться на станцию, которую вчера видели. До неё километров шесть, не больше. На электричке за пол-

часа доедем до дома, – я озвучил мысль, которая, по правде сказать, зародилась у меня в голове ещё вчера.

– А это идея! – воскликнул Ванька.

– Только денег у нас нет на билет, – осознал я и тут же произнёс это вслух.

– А не беда, – Ваня махнул рукой. – Как вчера в музей без билетов попали, так и сегодня зайцем до дома доберёмся. Скажем контролёру, что денег нет. Пускай хоть обыщет! У нас же и впрямь хоть шаром покати. Не высадит же он нас под проливным дождём непонятно где. Да и авось вообще контролёров не встретим.

Это не походило на того Ваньку, которого мы знали, Ваньку, который всегда скептически относился ко всем нашим идеям, описание которых содержало слово «авось». Но если даже Ваня не видел препятствий в нашей затее, значит, она была действительно стоящая.

Мы тотчас выехали с просёлка на шоссе и направились к железной дороге, но, проехав не более полверсты, мы с Валерой заметили, что Ваня отстал и остановился. Мы вернулись к нему и увидели, что у него спустило заднее колесо.

– Ого! Как же тебя угораздило? – спросил я его.

– А чёрт его знает! Ещё когда по полю ехал, почувствовал, что тяжелее обычного педали крутить. А теперь вот совсем с места не сдвинуться. Далеко нам, ребята, до железной дороги ещё?

– Вёрст пять, не меньше, – ответил я.

– Я пешком пойду. А вы езжайте. Подождите меня на вокзале или садитесь на электричку, а я на следующей доберусь.

– Нет уж, братец, – в разговор вмешался Валера, – забыл, что ты нам тогда в Можайске пообещал? Что все трудности будем делить на троих поровну. Так что мы, Ванёк, тоже с тобой пешком пойдём.

– И впрямь меня не оставите?

Мы ничего не ответили, а лишь слезли с велосипедов и пошли неторопливым шагом. Мы уже изрядно промокли под дождём и не видели смысла куда-то спешить, важнее для нас было экономить силы. Дорога предстояла длинная, и мне хотелось завести какой-нибудь диалог, чтобы отвлечься от

надоедливой непогоды.

– Слушай, Валера, – начал я разговор, – вот тебя в школе все ребята уважают, некоторые даже стараются тебе подражать, многие тебе завидуют, младшеклассники вообще в тебе видят своего кумира. И с девчонками ты не стесняешься заговорить, многие из них только и мечтают, чтобы ты в их сторону посмотрел да улыбнулся. Нравишься ты противоположному полу. А я, хоть убей, понять не могу, в чём твой секрет. И ребята тебя уважают, и девчонки вниманием не обделяют, и учителя на твои шуточки во время уроков глаза закрывают. Ну вот как ты этого добился?

– Не понимаю, о чём ты, – Валера сильно смутился.

– Да как же так не понимаешь!

– А вот не понимаю, Ефимка.

– Ну возьми хоть Сашку из пятого класса. Он же все твои шуточки наизусть помнит, каждый день своим друзьям их травит. А Колька, одноклассник наш? Вот ты сорвёшь цветок да подаришь его Нинке. А он берёт и на следующий день Катьке своей целую охапку тащит с той же клумбы. А как подтягивались две недели назад, помнишь? Ты тогда двадцать раз подтянулся, тебя же все девчонки взглядом поедали. Так Колька увидел это и теперь вот каждый день на турник ходит – всё за тобой поспеть хочет, чтобы так же по нему девчонки с ума сходить начали. А Юльку из шестого, хочешь сказать, не помнишь? Забыл, как она на прошлой неделе споткнулась и стопку тетрадей на пол из рук выронила? Ты тогда мимо проходил и тут же бросился ей помогать собирать эти тетради. Она же специально их уронила, лишь бы ты на неё своё внимание обратил, лишь бы одним словом с ней перекинулся. А то, что Катька тебя постоянно просит с русским помочь, тебе ни о чём не говорит? Она же отличница, не хуже тебя все диктанты пишет, да ещё и домашки все, в отличие от тебя, выполняет. Она же просто общения с тобой ищет. Ты в среду ей причастия объяснял, а она смотрит тебе в глаза и улыбается, словно и не слушает вовсе.

– А ты что же, Ефим, завидуешь, что ли?

– Может, и так. А кто тебе не завидует? Тебя вся школа знает, все любят тебя. Ну вот как так получилось?

– Да нечему тут завидовать. Ни к чему тебе такая популярность. Вот мама есть у тебя?

– А то как же. Конечно! Ты же сам в прошлом году ко мне на день рождения приходил, два раза у неё просил тебе ещё кусок торта положить. Забыл, что ли? И при чём тут моя мама?

Валера ничего мне не ответил. Мы продолжали идти вдоль дороги, постоянно отпрыгивая в сторону от огромных грузовиков, всё время норовивших нас обрызгать.

Я уже погрузился в свои мысли, позабыв о нашем разговоре, как вдруг Валера вздохнул и начал свою длинную речь:

– Нечему тут завидовать, ребята. Врагу такой жизни не пожелаешь. Вот у тебя, Ефим, мама есть. А я своей не помню совсем. Я, как и ты, в восемьдесят четвёртом родился. Мама моя, Татьяна Алексеевна, при родах умерла. Остались только мы с батей да сестра моя старшая, Полина.

Мы тогда в Наро-Фоминске жили, отец на заводе работал за станком, копейки получал. Ничего, воспитывал нас с Полькой, друзья ему помогали кто чем мог. Только вот смерть мамы пережить он не мог. Начал пить, а по ночам кричал, плакал. До того страшно он рыдал, что я сам просыпался и кричать начинал. Мне тогда и года не исполнилось, а Польке шесть лет было. Она услышит, как я заплачу, и давай меня утешать, а у самой слёзы рекой по щекам текут. И шепчет мне: «Ты, братик, не плачь. Нашей маме там хорошо, это папка наш по ней скучает просто, вот и разрыдался. Поднял шум на весь дом». Сам я этого не помню, мне Полька так рассказывала. Говорила, что большее всего для неё было видеть, как папка плакал, что ничего страшнее мужских слёз она в жизни не видела.

А папка наш полгода пил и пил, но, слава богу, друзья у него хорошие были, помогли ему к жизни нормальной вернуться. Сам начальник цеха, где отец работал, приходил к нему раз в неделю, разговаривал с ним, нам с Полей гостинцы приносил всегда. Бросил пить наш отец и по ночам уже почти не кричал.

В восемьдесят шестом году отец подался добровольцем в Чернобыль ликвидировать последствия аварии. С завода ему

удалось отпроситься, договорился с кем надо, и забрали его. Многие пытались отговорить его от этой идеи, а он всё отвечал, что хочет подальше уехать, что тут всё о Тане напоминает ему, что устал он здесь быть. Вот он и уехал, а нас с сестрой к брату двоюродному погостить отправил в Подольск.

Через несколько недель папка наш вернулся, с виду вроде такой же был, как раньше, только взгляд у него какой-то потускневший стал. По врачам постоянно ходил, говорил, что так надо, мол, мог дозу радиации схватить и теперь за здоровьем придётся внимательно понаблюдать какое-то время. А затем с работы начал приходить уставшим каким-то, стал спать помногу. Идём порой в магазин, а он попросит остановиться у скамейки, присядет, отдохнёт немного, и дальше пойдём. А иной раз пол возьмётся подмести, сначала вроде так активно веником машет туда-сюда, а потом устанет и приляжет. Глаза закроет, и лежит минут двадцать, и дышит тяжело так, хрипло. Отдохнёт и снова подметать примется. Польшка, видя всё это, сказала ему, чтобы он уж за веник больше не хватался – сама в доме порядок стала наводить. Полинка, конечно, сильная была с малых лет и умная, всё понимала. Отцу по хозяйству очень помогала и со мной нянчилась всегда. Вот так мы и жили, привыкли так жить. А куда денешься-то? Даже счастливыми себя иной раз чувствовали, потому что любили друг друга и не ругались никогда. Да и как же ругаться нам можно было, когда кроме нас самих никого у нас не было? Но мамы, конечно, не хватало нам всем. Мы каждое воскресенье к ней на могилу ходили.

Вот и жили мы так до девяносто первого, думая, что уже пережили мы все несчастья, которые судьба привела испытать. Да ошибались, видимо.

В девяносто первом я как раз в первый класс пошёл. Польшка тогда в седьмом классе была, они во вторую смену учились. Она меня с утра в школу отводила, а днём назад забирала. Приведёт домой, покормит, сама перекусит и в школу бежит. Только недолго это продолжалось. Как вчера помню тот день – понедельник, двадцать третье сентября.

В тот день у меня три урока было. Польшка, как обычно, должна была меня забрать. После уроков я спустился вниз, к

раздевалке, стою, жду, а её всё нет и нет. Я минут двадцать ждал, думал уж без неё идти, всё равно я дорогу помнил.

Только я вышел на крыльцо, а тут дядя Витя бежит и кричит мне: «Валера, беда! Папка твой в больницу попал. Едем скорее!»

Дядя Витя с ним в одном цеху работал. Сели мы к нему в машину и поехали в больницу.

Оказалось, у отца сердечный приступ случился на работе. Когда я к нему в палату попал, он уже вроде в себя пришёл, только глазами на меня померкшими смотрел и не разговаривал совсем. А по щекам слёзы медленно так стекали, он напрягся так, словно удержать их пытался, а я ему и говорю: «Папка, не плачь, ты поправишься! Мы с Полей тебя каждый день навещать будем».

Тут он совсем глаза зажмурил, а из них только сильнее слёзы хлынули. Дядя Витя меня за руку взял, вывел из палаты и говорит: «Валера, а ты знаешь, почему папе плохо стало?»

Я растерянно покачал головой. Тут он взял меня за руки, сжал их и сказал: «Валера, ты сильный мужчина», – а у самого голос дрожит.

Здесь у меня сердце и замерло, и глаза слезами налились, я подумал, что услышу сейчас самое страшное.

«Полину машина сбила. Мне очень жаль, что её больше нет» – самые жуткие слова не заставили себя долго ждать.

У меня тотчас хлынули слёзы, я забился в страшной истерике. Дядя Витя обнял меня, взял на руки и унёс подальше от палаты, чтобы отец не слышал моих криков – второй раз его сердце могло остановиться насовсем.

Медсестра сделала мне какой-то укол, а очнулся я уже в детском доме. Там я пробыл две недели и за всё это время не проронил ни единого слова. Через две недели отца выписали, и он забрал меня оттуда. Лишь раз я решился спросить у него, что случилось с Полиной. Он ответил, что на пешеходном переходе её сбил какой-то пьяный урод на «газели». Его так и не нашли.

Врачи запретили отцу работать за станком и посоветовали ему переехать из города на свежий воздух. Первую их прось-

бу он выполнить не смог – искать другую работу было бессмысленно, всё-таки девяносто первый год был на дворе. Какая уж там новая работа, когда каждую неделю кого-нибудь из его знакомых отовсюду увольняли. А что касается свежего воздуха, то он продал квартиру и купил дом в Сосновке, куда мы и переехали. Но его больше волновали не советы врача, а то, что всё в той квартире и в том городе напоминало ему об умершей жене и дочери.

Поначалу отец каждый день ездил на завод на электричке, но через два месяца страна развалилась и завод закрыли. С тех пор он устроился бухгалтером на каком-то складе в Кубинке. У него с математикой всегда хорошо было, да и для здоровья такая работа не так губительна, как производство. Ему там нравится работать, он говорит, что расчёты отвлекают его от всяких мыслей.

Тут Валера вздохнул, немного помолчал и продолжил:

– Отец, конечно, уже не поправится. Лежит много, силы ему изменять стали. Сейчас в основном я хозяйством в доме занимаюсь. Слава богу, железная дорога есть неподалёку. Я иногда помогаю вагоны разгружать – какие-никакие, а всё же деньги. Так вот и живём потихонечку. А то, что я в школе такой приветливый и общительный... А каким же мне быть? В школе вся моя жизнь, мои друзья. Не могу же я в себе замыкаться и с угрюмым видом ходить. Я люблю с людьми общаться, это меня отвлекает. А с папой мы нечасто разговариваем, слабоват он. Жаль только, что времени нет на домашнюю работу. На мне ведь и дом, и работать надо.

Тут Валера невольно ухмыльнулся, словно ему было стыдно за такое нелепое, на его взгляд, оправдание. Неловкая улыбка его плавно, но быстро перешла в глубоко задумчивое выражение лица. Казалось, он погрузился в размышления. Я хотел ему что-то ответить, но ком в горле словно парализовал меня. Я сделал над собой усилие, но не смог найти нужных слов и промолчал. Да и ни к чему, наверно, было что-то говорить. Я обернулся на идущего позади Ваньку, но он тут же обратил взгляд в сторону, будто хотел скрыть слёзы. А я в тот момент понял, насколько сильный и жизнелюбивый человек скрывался под суровым, но открытым и добрым лицом

Валеры.

Тем временем мы уже подходили к станции. Мы опоздали на электричку на четыре минуты, и следующую нам пришлось ждать около двух часов. Всё, что мне хотелось в тот момент – это поскорее принять горячий душ. Я сделал это, как только оказался дома.

Мне пришлось оставить велосипед у школы, ведь по легенде я отдал его покататься однокласснику до понедельника. На следующий день я незаметно вернул палатку на её прежнее место и забрал велосипед. О нашем путешествии так никто и не узнал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Месяц май, или История любви

Глава шестая

СТАРЫЙ СКВЕР

Последние апрельские дни пролетали быстро. Близились долгожданные майские праздники.

Большинство учеников нашей школы составляли дети из моей деревни и соседних селений, поэтому майские праздники у всех ассоциировались, прежде всего, с объёмными работами в огороде. Учитывая это обстоятельство, у нас не было занятий не только в дни официальных выходных, но и во все дни между Первомайскими праздниками и Днём Победы. Таким образом, для любого учащегося нашей школы первая декада мая носила статус желанных каникул.

Любой человек, переживший детство, вероятно, помнит, насколько сладок последний день перед праздниками – тридцатое апреля. Обычно в этот день проводят сокращённые уроки, которые пролетают очень быстро. И насколько же непередаваемо восхитительно это чувство свободы, которое ты испытываешь, выходя на школьный двор, как только прозвенел звонок с последнего урока. И тем слаще ты воспринимаешь эту свободу оттого, что праздники начнутся только завтра, а впереди ещё целая половина погожего весеннего дня.

С тех пор как мы с ребятами вернулись из нашего трёхдневного путешествия, я постоянно придавался размышлениям о многих событиях, произошедших с нами. Кроме того, я

всё время ловил себя на мысли, что чаще всего мне вспоминалась наша встреча в сквере с той милой девочкой по имени Настя, виновницей наших приключений. Я постоянно думал о том, помнит ли она, как встретились с нами, помнит ли, как мы пообещали ей расквитаться с её обидчиками, знает ли она, что этот самый Игорь погиб, и знает ли, при каких обстоятельствах это случилось. Не думает ли она, что это мы были виноваты в его смерти?

Сначала я думал, что всего-навсего переживаю о том, как сложилась судьба юной девочки после нашего вмешательства в её жизнь, но потом заметил, что я вспоминаю не столько обстоятельства нашей встречи, сколько её милое доброе лицо. Я поймал себя на мысли, что просто-напросто стал испытывать симпатию к этой девчонке и, наверно, в каком-то смысле даже начал скучать по ней.

Настал тот самый сакраментальный предпраздничный день – тридцатое апреля. С момента нашего возвращения прошло уже три дня, а я никак не мог забыть ласковое лицо юной Анастасии. Я шёл из школы домой и постоянно думал о ней. Вдруг я начал осознавать, что навряд ли вот так просто её забуду. Я решил поехать в Можайск и разыскать Настю, чтобы хотя бы взглянуть на неё ещё раз.

Хоть мне и довелось увидеть эту девочку лишь однажды, я хорошо запомнил её внешние черты. Я не сомневался, что узнал бы её даже на самом большом расстоянии, на котором только можно разглядеть человека. Кроме того, я понял, что она частенько бывает в том самом сквере, где мы её встретили. Я также успел узнать, что она учится в шестом классе, но я не имел понятия, в какой именно из школ, коих в Можайске было несколько, а не одна на всю округу, как в нашей деревне. Я решил отправиться в тот самый сквер в надежде случайно встретить её, и не когда-нибудь, а прямо сейчас. Я ускорил шаг, а потом и вовсе перешёл на бег – мне не терпелось отправиться в путь.

Когда я прибежал домой, родители ещё не вернулись с работы. Я разогрел себе обед, а когда расправился с ним, положил в рюкзак несколько конфет и две котлеты, чтобы перекусить в дороге, и налил в бутылку литр воды. Этих запасов

должно было хватить, чтобы доехать до Можайска и вернуться обратно. На кухонном столе я оставил родителям записку следующего содержания: «Уехал кататься по окрестностям. Буду, как стемнеет». Возможно, такая записка была излишней, ведь я часто уходил кататься до прихода родителей, а возвращался только тогда, когда наступала непроглядная тьма. Тем не менее я всё же решил проявить осторожность, чтобы ни у кого не возникало лишних подозрений и догадок относительно того, куда я мог поехать.

Я выехал из дома ровно в час дня и планировал добраться до Можайска к половине третьего. После тех испытаний, которые нам с ребятами довелось пережить, расстояние в пятнадцать километров казалось мне сущим пустяком. Я ехал быстро и лишь иногда останавливался, чтобы попить воды. Настроение моё было великолепным, всю дорогу я воображал, как вот-вот заеду в сквер, увижу там Настю, ласкающую своего любимого кота, подойду к ней тихонько и скажу: «Привет!» Она сначала удивится, потом обернётся, увидит меня и обрадуется, и мы с ней обязательно обнимемся.

Когда я приехал в сквер, Насти там не оказалось. Это несколько не расстроило меня, потому что я, конечно же, допускал, что её может там не быть. Беседка, в которой мы с ребятами играли в карты, была занята, и я решил занять лавочку неподалёку, откуда мог видеть весь сквер. Я стал ждать появления Анастасии.

День стоял ясный и уже по-майски жаркий, но тем приятнее мне было сидеть в тени ветвистого тополя. Оттуда я старался наблюдать за всем, что происходило в сквере. Люди приходили и уходили, а Настя всё не появлялась. Но всё же мне не было скучно, напротив, мне было приятно провести столь погожий денёк на улице. Кроме того, я решил развлечь себя ведением некой статистики. Так, я подсчитал, что к вечеру в сквере было выгуляно двадцать две собаки, одиннадцать человек посетили беседку, четыре мальчика и девять девочек покатались на качелях. Мне встретились семь велосипедистов, восемь бегунов и два парня на скейтбордах. Кроме того, в сквер приходили погулять пять или шесть пожилых пар – тут я мог обсчитаться.

За наблюдениями и ведением статистики подкрался вечер. Мои запасы котлет и сладостей иссякли, а воды оставалось на два небольших глотка. До темноты осталось немногим более часа, и мне пришлось собираться домой. За этот день мне так и не удалось увидеться с Настей, но настроение моё ничуть не ухудшилось. Я утешил себя тем, что после уроков Настя могла пойти в спортивную секцию или музыкальную школу, как это делали многие дети. Возможно, она устала и решила погулять с друзьями где-нибудь возле своего дома, местоположение которого мне не было известно. А может, она и вовсе решила провести вечер дома, например, помогала родителям убраться перед праздниками. Я решил, что завтра снова вернусь сюда и, уж если не встречу Настю в сквере, пойду искать её в соседних дворах и, может быть, найду её на какой-нибудь детской площадке.

Весь следующий день я должен был помогать родителям на участке, но мне удалось уговорить их отпустить меня кататься на велосипеде с условием, что потом я обязательно найду время помочь им в огороде. Мне не терпелось отправиться утром в Можайск. Я был уверен, что если проведу в сквере целый день, то обязательно встречу там Настю. Я лёг спать уверенным в том, что первый день мая обязательно подарит мне долгожданную встречу.

Я проснулся в седьмом часу утра, а в семь уже выехал из дома. С этого самого момента я остался без часов и о времени судил преимущественно по солнцу. Столь ранний час отправления я выбрал, чтобы не ехать по жаре. До Можайска я добрался на удивление быстро, вероятнее всего затратив не более часа. Когда я приехал в сквер, там была лишь одна женщина с собакой. Я сел на ту же скамейку, что и вчера, и стал вести неусыпное наблюдение за территорией сквера.

На этот раз день уже не казался мне таким мимолётным. Всё в этом сквере стало мне до боли знакомым, томительное ожидание быстро наскучило. Просидев несколько часов, я решил прогуляться по соседним дворам с целью уж если не увидеть там Настю, то хотя бы разнообразить моё пребывание в этом городке.

Я обошёл несколько дворов, расположенных на прилежа-

щих к скверу улицам, где встретил немало играющих детей. И всё же тот единственный человек, которого я искал, так и не попался мне на глаза. Я возвратился в сквер и сел на ту самую скамейку, на которой в общей сложности провёл, наверно, уже часов десять своей жизни.

Вскоре жара сделалась совсем несносной, и я, вопреки страстному желанию увидеть Настю, решил ехать домой. Я опрометчиво оставил велосипед на солнце, и едва я вскочил на него, как тут же ощутил, насколько сильно раскалилось седло под солнечными лучами. Я сразу вообразил, как сильно может нагреться моя голова под палящим солнцем, если я отправлюсь прямо сейчас.

«Нет уж, – подумал я, – придётся ждать до вечера».

Кроме того, я подумал, что было бы вовсе не дурно вздремнуть, чтобы легче и быстрее переждать зной. Я надеялся, что, пока я сплю, Настя не появится в сквере, а если и появится, то непременно заметит меня и разбудит, чтобы поздороваться. Возможно, она даже догадается, что я приехал сюда к ней, и высоко оценит мой поступок. Я взял велосипед и пошёл с ним под тот самый дуб, с которого и началось наше знакомство. Под большими широкими ветвями, сквозь которые всё же пробивалось солнце, я уснул.

Когда я проснулся, солнце было уже значительно ниже. Близились вечер. Я окинул взглядом весь сквер – Насти в нём не было. Дневной сон не прогнал усталость, и я не понимал, чего мне больше не хочется в данный момент: ехать целых пятнадцать километров до дома или же сидеть и ждать тут битый час, пока из ниоткуда появится эта призрачная красавица. Едва я встал на ноги, как тут же почувствовал голод, а в рюкзаке оставалось лишь три конфеты. Мне жутко хотелось есть и пить, но я не взял с собой никаких денег из расчёта, что собственных запасов мне хватит до конца дня.

Я был очень зол на себя за то, что вообще вздумал отправиться в эту поездку и теперь вынужден был терпеть такие неудобства. Меня вдруг стало сильно раздражать то, что я целыми днями торчу в этом сквере.

«И ради чего всё это? – подумал я. – Неужто я приехал сюда, чтобы разыскать какую-то там девчонку, из-за которой

мы влипли в неприятности и которая, скорее всего, меня вообще не помнит. Да ну её к чёрту! Поеду лучше домой».

С этими мыслями я вскочил на велосипед и помчал прочь. Обратная дорога отняла у меня куда больше времени, я уставал и часто останавливался, чтобы перевести дух. Когда я приехал, я был без сил.

Весь следующий день, согласно своему обещанию, я поработал в огороде, а ближе к вечеру стал помогать отцу со шлифовкой новой скамейки для бани. Поначалу за работой время шло быстро, и я не думал ни о Насте, ни о моих безуспешных поездках в Можайск с целью разыскать её. Но к вечеру меня всё чаще и чаще стали посещать мысли о том, чтобы попробовать отправиться на поиски юной красавицы ещё раз. Я вообразил, что у меня должно быть три попытки найти её и я должен испытать удачу ещё раз. Решено: завтра, третьего мая, я снова отправляюсь в Можайск, чтобы в последний раз попытаться отыскать и узреть наяву то самое прекрасное лицо, которое неустанно рисовало мне моё воображение.

Третье мая выдалось не таким погожим, какими были последние дни. По белому небу быстро проплывали редкие тёмно-серые тучи, дул тёплый, но сильный юго-восточный ветер, было не столько жарко, сколько душно. Однако единственным препятствием для меня мог быть проливной дождь, и тот в данный момент отсутствовал. Рано утром я в третий раз отправился в тот же путь.

Прибыв в сквер, я никого не обнаружил, за исключением дедушки с тростью, сидящего на скамейке, находящейся напротив того места, где обычно располагался я в ожидании невозможного чуда – появления прекрасной Анастасии. Я встречал этого человека и ранее. Это был седой старичок низкого роста, с длинными седыми усами, в больших круглых очках, одетый в серое пальто, которое было накинуто поверх клетчатой рубашки. На голове его элегантно смотрелась коричневая шляпа с широкими полями. Он часто приходил в сквер, чтобы покормить голубей или почитать газету, он подолгу сидел на скамейке, затем мог прогуляться по маленькому скверу и вновь возвращался к чтению утренних

новостей.

Я пробыл в сквере уже не менее часа, а старик продолжал внимательно изучать газету, изредка перелистывая её шуршащие под сильным ветром страницы. Иногда он прерывался, оглядываясь по сторонам, затем снова продолжал читать. Вдруг он отложил газету в сторону, не без усилия приподнялся и захромал в мою сторону, ловко опираясь на трость. Сначала я подумал, что он всего-навсего хочет подбросить хлебных крошек голубям, толпившимся возле меня, но я ошибся. Старик сел на скамейку рядом со мной и стал пристально меня осматривать сквозь свои округлые очки. Я смутился.

– Сынок, как тебя зовут? – спросил он меня.

– Ефимкой меня зовут.

– А меня Михаилом Сергеевичем.

Я ничего ему не ответил. Мне было непонятно, зачем он заговорил со мной и чего он от меня хочет.

– Я заметил, – продолжал он, – что последние несколько дней ты много времени проводишь в этом сквере. Я не раз видел тебя с твоим велосипедом на вот этом самом месте, где мы с тобой сейчас сидим.

– Вы тоже мне уже несколько раз попадались на глаза, – ответил я, – вы, должно быть, немногим меньше моего здесь времени проводите.

– Ты прав. Я сюда каждый день прихожу. Люблю голубей прикормить, воздухом подышать, поразмыслить о чём-нибудь. Здесь тихо, когда людей мало, как сейчас. До этого мы с бабкой сюда вдвоём ходили каждый вечер, только померла она два года назад. Раньше всё боялась, что я её первым покину. Сердце у меня барахлит. А два года назад сама в мир иной попала, инсульт у ней на жаре случился, прямо вот на той самой скамейке, где газетка лежит.

Я слушал его внимательно, но снова ничего ему не отвечал. Я не мог понять, будет ли уместно с моей стороны выразить ему свои соболезнования по поводу смерти жены.

Помолчав немного, он добавил:

– И всё же не встречал я тебя раньше тут, Ефимка. Откуда ты приехал?

Я обрадовался такому вопросу, потому что теперь я мог поддержать диалог и выйти из неловкой ситуации.

– Из Сосновки.

Едва я это произнёс, как счёл столь краткий ответ каким-то грубым и, чтобы показать, что мне интересно беседовать, тотчас добавил:

– Это небольшая деревня в пятнадцати километрах отсюда в сторону Москвы.

– Ты оттуда на велосипеде приехал?

– Да.

– Ого! Какой молодец! Это немалое расстояние. Ты прямо по дороге ехал? И не страшно тебе было?

– Я по обочине стараюсь ездить. Не страшно. Только первый раз боялся, а сейчас уж привык.

– А родители знают, что ты так далеко ездешь?

– Нет. Знали бы – не отпустили. Им меня не понять. Они считают, что это слишком опасно. А как по мне, так ничего опасного. Главное, на середину полосы не вылезать, а правее держаться. И грузовиков стеречься надо.

Старик слегка улыбнулся, затем вздохнул и сказал:

– Понимаю тебя. Тебе, конечно, интересно новые места посмотреть, а не только по своей деревне круги наматывать. Но и ты их пойми. Они же волнуются за тебя.

– Я знаю. Поэтому я им и не говорю, что сюда езжу, чтобы не волновались.

– Ты молодец, Ефимка. Разумно поступаешь, что их нервы бережёшь. Как взрослый мужчина. Но, с другой стороны, их, наверно, следует предупреждать, куда едешь. Вот, не дай бог, сломается у тебя велосипед посреди дороги. Должны же они знать, где искать тебя.

– Вы правы, Михаил...

– Сергеевич.

– Вы правы, Михаил Сергеевич. Но пока всё же не могу я им признаться, что вот так далеко уезжаю. Они мне тогда вообще запретят кататься. Знаю я их. А по поводу сломанного велосипеда – был у нас с ребятами на днях такой случай. До железной дороги дошли и электричкой домой вернулись. Так что не так уж это и страшно.

Дальше мы какое-то время молчали. Я ещё раз окинул сквер жадным взглядом в надежде увидеть Настю, но, увы, сквер был пуст – кроме нас, никого не было. Между тем ветер продолжал усиливаться.

– Гроза надвигается, – вновь заговорил старик, – надо бы нам по домам расходиться.

– Надо, – безучастно ответил я.

На самом деле я вовсе не собирался никуда уходить. Я уповал на то, что ненастье пройдёт стороной и у меня ещё будет возможность остаться в сквере. Вдруг вечером сюда придёт поиграть Настя.

– Ты ведь не просто так сюда приходишь, – заметил дед Михаил.

– С чего вы взяли?

– Дураку же ясно, что ждёшь кого-то. А иначе бы не стал сидеть тут целыми днями, не отходя ни на шаг. Я же вижу, что ты как на иголках сидишь да то и дело высматриваешь, не появился ли кто-то.

– И здесь ваша правда, – угрюмо ответил я.

– И кого ждёшь, если не секрет?

– Человека жду.

– И как зовут человека?

– Настей зовут.

– Так-так. Настей, значит. А во сколько вы договорились встретиться? Я смотрю, часов-то у тебя нету.

– Да ни во сколько.

– А эта Настя знает, что ты здесь?

– Нет, не знает. Я видел её тут неделю назад и вот подумал...

Тут я замялся, мне стало стыдно, что я проявил чувства к девчонке, которую видел лишь раз. Я представился себе полнейшим дураком, ведь только дурак поедет за пятнадцать вёрст в какой-то сквер в надежде лишний раз взглянуть на красивую девчонку, которая так плотно засела в его памяти. Мне показалось, что я покраснел и выдал свой стыд.

Я ожидал, что этот старик вот-вот рассмеётся надо мной, но вместо этого он добродушно улыбнулся и спросил:

– А как вы встретились с этой Настей?

Такой искренний интерес вызвал во мне доверие к любопытству старика. Я теперь не только больше не стеснялся затрагивать эту тему, но и вовсе захотел высказаться ему обо всём, что пережил за последние дни. Я поведал ему историю о том, как мы с друзьями решили отправиться в путешествие, как мы обнаружили Настю в слезах под дубом в этом самом сквере, как она рассказала о своём обидчике, как Ванька с Валеркой отправились искать её любимого кота Тимофея, а я остался утешить её. Я рассказал, как мы отправились на железную дорогу, чтобы отомстить обидчику, и как сильно перессорились между собой, прежде чем решились на такой шаг. Я описал всё, что происходило на железной дороге, и описал, как судьба сама жестоко наказала гнусного забияку. Единственное, о чём я намеренно умолчал, это то, что мы украли палатку из школы. Это было явно лишнее, и этого я до сих пор стыдился.

Старик внимательно меня слушал, а затем посмотрел в мои глаза и сказал:

– Ты хороший парень, Ефим. Я думаю, ты обязательно встретишься с Настей.

Его безосновательная уверенность на фоне моих многочисленных безуспешных попыток найти девочку показалась мне насмешкой. Я пришёл в ярость.

– Но как? Я ничего не знаю про неё, кроме её прелестного имени. Знаю лишь, что у неё самые искренние на свете серые глаза и необычайно красивые длинные светло-русые волосы. Всё, что мне известно, это лишь то, что у неё самое ласковое и доброе лицо, которое я когда-либо встречал. Я видел её лишь однажды в этом проклятом сквере, а теперь она сюда не приходит, словно нарочно! Где мне теперь её искать? Я больше никогда её не увижу и никогда не смогу забыть!

Тут я схватился руками за голову и крепко зажмурил глаза. Я боялся, что вот-вот заплачу от отчаяния и порыва эмоций. Старик улыбнулся, словно находил мои душевные страдания не столько невыносимо тяжкими, сколько забавными.

Затем он спросил меня:

– А в судьбу ты веришь, Ефимка?

– Нет! – сердито ответил я.

Я надеялся, что этот интеллигентный с виду пожилой человек проявит ко мне хоть каплю сострадания, а не станет паясничать.

Тут он встал, надел шляпу, которую до сих пор держал в руках, и сказал мне:

– Приходи сюда завтра в пять часов вечера.

В этот самый момент вдалеке ударил гром и сверкнула молния. Его слова были для меня такими же неожиданными, как и раскат грома, отчего я испугался вдвойне сильнее. Тут же хлынул ливень, и с земли стал подниматься холодный пар. Уже через миг старик скрылся за завесой дождя, и на миг мне показалось, что я только что разговаривал с призраком. Я стоял как вкопанный под проливным дождём и ничего не мог понять. Через минуту я опомнился и подбежал к своему велосипеду. Я вскочил на него и помчал домой что есть сил по дороге, истекавшей ручьями.

Каждая машина окатывала меня с головы до ног, ливень заливал мне глаза, а густой туман не позволял мне разглядеть что-либо впереди. То и дело разносились раскаты грома, а на северо-востоке сверкала молния, но я ничего не чувствовал и не слышал, а лишь думал о том, кто такой этот старик и почему он считает, что завтра мне необходимо быть в сквере. Мысли в моей голове перемешались в кашу, я словно потерял рассудок.

Вдруг меня оглушил сильный гудок. Я рефлексивно сдал вправо, как в двух сантиметрах от меня со страшным грохотом промчался огромный трейлер. Он чуть не сбил меня. Я не выдержал и резко затормозил, свернув на самый край обочины.

Отдышавшись и успокоившись, я поехал дальше. Ветер стих, дождь почти прекратился, но асфальт оставался ещё очень сырым. Весь оставшийся путь я старался не думать о произошедшем, а внимательно следить за дорогой. Едва не случившееся столкновение с грузовиком сильно напугало меня, и я стал держаться намного правее, чем обычно.

Глава седьмая

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Когда я подъезжал к дому, погода наладилась. Тучи ушли далеко на юго-запад, небо сделалось абсолютно чистым. Засияло яркое солнце, лужи высыхали прямо на глазах. До вечера было ещё долго, и оставшуюся часть дня я решил провести за игрой футбол в соседней деревне. Такое времяпрепровождение помогало мне не думать о весьма дурных событиях, преследовавших меня в первой половине дня.

Следующий день выдался погожим. Хотя по небу проплывали многочисленные облака, они практически не застилали солнце. Ещё до обеда мы с друзьями отправились на пруд с целью провести жаркий день у воды. Нас было пять человек: я, Ванька, наш приятель из соседней деревни Мишка, чьё имя мне уже доводилось упоминать вскользь, его сестра Даша, а также наша одноклассница Вика, которой волею судьбы довелось оказаться в числе запертых в раздевалке девчонок во время нашей операции по хищению палатки.

Мы развели костёр, чтобы пожарить на огне сосиски, которые каждый из нас прихватил из дома и которые мы все скинули в общую миску. Пока прогорали дрова, мы пошли играть в волейбол на поляну неподалёку, а как только жадное пламя превратило берёзовые поленья в тлеющие угли, мы вернулись, чтобы начать готовить. Для сосисок у нас не было шампуров или прутьев, обычно кто-нибудь прихватывал из дома вязальные спицы. В этот раз так сделали Миша с Дашей.

Насадив сосиски на спицы, мы расположили их над докрасна раскалёнными углями. Я покручивал свою спицу, а тем временем всё думал о тех словах, которые вчерашним днём мне довелось услышать от загадочного старика. Что могло ожидать меня в сквере, если я прибуду туда к назначенному времени? Увижу ли я там Настю? Зачем этот дед расспрашивал меня о ней? Единственный способ получить ответы на все эти вопросы – это поехать туда к назначенному часу и посмотреть, чем всё это обернётся.

– Ты какой-то задумчивый, Ефимка, – обратился ко мне Мишка, – случилось что?

– Да съездить мне надобно кое-куда вечером, – ответил я. – Не знаешь, который сейчас час?

– Часа два, не больше. А куда ехать-то вздумал? Вроде договорились, что на весь день к пруду пойдём.

– Мне в Можайск надо попасть.

– Ого! – Мишку явно удивил такой пункт назначения. – А зачем?

– Да так. По делам. Сейчас сосиски доедим, и я, наверно, пойду. Мне к пяти там надо быть.

– К пяти. По делам, – повторял за мной Мишка. – Надо же, деловой какой!

– Да побудь ещё с нами, – вмешалась Даша, – до пяти ещё уйма времени. Электричка десять минут едет. Куда тебе спешить?

– Я на велосипеде планировал, – ответил я.

Тут ребята уставились на меня удивлёнными глазами, все, кроме Ваньки.

– Ты, наверно, шутишь! – воскликнул Мишка.

– Наверное, шучу, – ответил я кротким тоном, словно боя был готов смириться с тем, что Мишка мне не поверил.

Я действительно не хотел спорить с ним и был даже рад тому, что ребята мне не поверили. Я подумал, что зря сказал им о своём намерении ехать на велосипеде. Всё же мне пока не хотелось, чтобы кто-нибудь лишний знал, куда я на самом деле едзу, и случайно или умышленно проинформировал об этом моих родителей.

– Не берите в голову, – сказал я ребятам, – давайте лучше сосиски есть.

Сосиски действительно были уже готовы. Мы принялись жадно их уплетать, то и дело фыркая, оттого что обжигали губы. Но мы больше не могли ждать – до того проголодались после изнуряющей игры в мяч.

Когда мы поели, ребята побежали назад на поляну, где оставили мячик. Вика бежала последней и, обернувшись, увидела, что мы с Ваней остались сидеть у потухшего костра.

– Мальчики, вы идёте с нами? – обратилась она к нам.

– Сейчас придём! – ответил я.

Вика, удовлетворившись ответом, убежала вслед за ребятами.

Тогда Ванька обратился ко мне:

– А зачем в Можайск надумал ехать?

– Да есть одно дело, – нехотя ответил я.

– Это как-то связано с нашей поездкой? – продолжал любопытствовать Ваня.

Я подумал, что Ванька просто так не отцепится, и решил: проще будет изъяснить ему свои намерения.

– К Насте. Помнишь её? – удовлетворил я его любопытство.

– Конечно помню! Ты назначил с ней встречу? А как ты её нашёл? Мы же вроде так и не узнали её адреса.

– Думаю, есть шанс встретить её в сквере, – ответил я.

– А зачем тебе с ней видеться? Ты хочешь ей рассказать, что произошло с Игорем? – неустанно продолжал обстреливать меня вопросами Ванька.

Сначала меня несколько смущало его чрезмерное любопытство, но оно стремительно начало переходить в бестактность и неучтивость, что не могло не раздражать меня. Я и сам не знал, увижусь ли я с Настей, а если и увижусь, то что ей скажу? Мне было не по себе от вопросов, ответы на которые я и сам не мог знать.

– Что ты прицепился! – воскликнул я, не выдержав.

Ванька, оторопев, слегка отклонился назад и впился в меня удивлённым взглядом.

Затем я понял, что вспылил, и добавил уже более спокойным тоном:

– Давай потом об этом поговорим с тобой, Ваня. Не могу я тебе сейчас всего поведать. И не разбалтывай это ребятам, им это знать ни к чему. Я поеду, мне пора уже. Беги к ребятам, они нас уже заждались. Скажи им, что у меня появились важные дела, но какие именно, ты не знаешь, и что мне пришлось срочно уехать.

Не дожидаясь ответа от Ваньки, я встал, вытащил свой велосипед из кучи, в которую мы благополучно свалили весь наш транспорт, и помчал домой. Мне ещё необходимо было

прихватить что-нибудь съестное в дорогу.

Я выехал из дома чуть позже трёх часов. Достигнув сквера, я не обнаружил там ни Насти, ни загадочного старика. Мне пришлось спросить время у прохожего – было без десяти пять. Это означало, что я прибыл чуть раньше назначенного часа. Я сел на уже небезызвестное читателю жестокое орудие пыток – скамейку для томительных ожиданий, после чего принялся мысленно отсчитывать остававшиеся до пяти часов минуты.

Я продолжал сидеть на скамейке и внимательно оглядывать сквер, но не замечал там ничего необычного. Сначала я думал, что в пять должен был появиться старик, которому попросту было скучно проводить время одному, и он решил назначить мне встречу, чтобы продолжить начатый ранее разговор, видимо забавлявший его. Но время уже, должно быть, давно перевалило за пять, а старик упорно не появлялся, и я задумался: зачем он позвал меня сюда? Может быть, он всего лишь старый маразматик, который сам не помнит, что и зачем он говорил людям? А может, он алкоголик, которому просто-напросто не с кем выпить этим вечером?

Вдруг я заметил, как в сквер вошла Настя и села на качели. Я не мог поверить своим глазам: произошло самое хорошее, что только могло произойти в случае моего приезда в этот сквер. Сначала меня поглотило нахлынувшее чувство радости, но потом я вдруг засомневался, хочет ли Настя меня видеть. И всё-таки самое глупое, что можно было совершить в тот момент, это остаться наблюдать за ней, сидя на скамейке. Разумеется, я этого не сделал, а поспешил подойти к девочке.

– Привет, Настя! – сказал я ей робким голосом, потому что не знал, как она отреагирует на моё внезапное появление.

– Привет! – ответила она и спрыгнула с качелей.

Мне показалось, что она была рада меня видеть. Я хотел её о чём-то спросить, но всё ещё пребывал в растерянности от такой долгожданной, но при том неожиданной встречи. Поэтому я не смог сделать ничего лучше, чем задать банальный вопрос: «Как дела?»

– Я – хорошо! – воскликнула она. – А как ты тут оказался?

– Мне захотелось увидаться с тобой, вот я и приехал сюда.
– А как ты узнал, что я здесь появлюсь? Ты ждал меня тут с самого утра?

– Нет, я приехал сюда к пяти часам. Боже мой! Ты не поверишь! – воскликнул я.

– Что ты имеешь в виду? – Настя явно не догадывалась, чему ей придётся не верить.

– Настя, я думал о тебе всё время после нашей с тобой встречи, – начал объясняться я. – Я приехал в этот сквер ещё несколько дней назад в надежде увидеть тебя, но тебя здесь не было. Тогда я примчал на следующий день, но вновь тебя не дождался, прежде чем наступил вечер, и скорая темнота вынудила меня вернуться домой. Я уже потерял всякую надежду увидаться с тобой, но решил приехать сюда ещё один раз. И вот тогда-то и произошло чудо! Ко мне подошёл какой-то дедушка. Видимо, это был настоящий волшебник, потому что я рассказал ему, как уже третий день тщетно жду встречи с девчонкой, с которой однажды познакомил меня случай, а этот самый дедушка велел мне прийти сюда к пяти часам. Я явился в это время, и вот мы встретились!

– Волшебник! – воскликнула Настя и захохотала.

Я не понял, отчего ей было так смешно, и от этого смутился.

– Ты действительно думаешь, что это был волшебник? – спросила она меня, как только отсмеялась.

– Я, конечно, не верю в волшебство. Но должно же быть какое-то объяснение этому. Если этот старик не был волшебником, значит, он был фокусником!

Настя снова была готова рассмеяться, но удержалась и, слегка прикрыв рукой рот, тихо проговорила:

– Это был мой дедушка.

– Дедушка? – удивился я.

– Да, – повторила Настя. – Он часто гуляет в сквере. Вчера он рассказал, как встретил тебя здесь, и передал мне всё, о чём вы с ним говорили. По твоим словам он догадался, что ты вёл речь обо мне. Он сказал мне, что ты будешь ждать меня здесь в пять, вот я и пришла. А на самом деле я не так уж и часто хожу в этот сквер. Я ещё ни разу здесь не была с мо-

мента нашего с тобой знакомства.

Тут мне и самому стало смешно, едва я представил, как выглядел со стороны, говоря о волшебстве. Как же я сразу не догадался, что это был её дедушка! Но ещё более нелепыми и постыдными мне показались в тот момент мои недавние мысли о том, что этот дедушка был пьяницей или больным на голову стариком. Но стыдился я не долго – главным в тот момент для меня было то, что я наконец встретил Настю, и она, кажется, также была рада меня видеть. Я смотрел в её откровенные глаза, отражавшие в себе столько человечности и наивной искренности, сколько может быть только в сердце маленькой девочки, мировосприятие которой ещё не было испорчено суровой действительностью.

Необъяснимое тёплое чувство словно хлынуло к моей груди, и я бросился обнять это прекрасное божье творение, так запросто и крепко пленившее моё сознание.

– Настя, как же я рад тебя видеть! Как же сильно я скучал по тебе! Я не переставал о тебе думать ни днём ни ночью! – изъяснял я ей все свои мысли, которые лились из моих уст так легко и беспрепятственно, будто я стал бездумно озвучивать всё, о чём думаю.

– Тише. Ты меня задушишь, – прохрипела Настя в ответ на порыв моих чувств.

Я вздрогнул, испугавшись, что сжал её до боли сильно, и едва я ослабил мои объятия, как она тут же обвила своими нежными руками мою горячую от солнца шею и прижалась ко мне щекой. Так мы стояли и молчали не меньше минуты. Любые слова были лишними в тот момент.

Как только мы разомкнули объятия, она посмотрела на меня с нежной улыбкой и спросила:

– А ты и впрямь приезжал сюда каждый день и часами сидел в сквере, только чтобы увидеться со мной?

– Да, – ответил я, – каждый день, начиная с четверга. Только второго мая не был – помогал родителям в огороде.

Настя смущённо улыбнулась и слегка потупила взгляд. На щеках её проступил тонкий румянец. Кажется, она благодарила меня в душе за такую настойчивость, но не решалась высказать свою благодарность словами. И всё же она не рас-

терялась и нашла, за что меня поблагодарить.

– Спасибо тебе и твоим друзьям за то, что вы пришли мне на помощь и нашли Тимку, – сказала она. – Как они, кстати?

– Валера с Ванькой? У них всё хорошо, на каникулах сейчас, как и я.

Дав ответ на её вопрос, я тотчас задал свой, не отпускавший моего любопытства, а именно знает ли она что-нибудь о судьбе Игоря.

– Игорь? Игорь меня больше не трогал, – ответила Настя, смущённо потупив взгляд, точно не решалась сказать что-то ещё.

– Ты знаешь, что именно с ним случилось? – переспросил я её.

– В школе сказали, что с ним произошёл трагический несчастный случай на железной дороге.

– Это всё, что тебе известно?

– Да.

Тут я описал Насте во всех красках то, как мы не без долгих колебаний и раскола в нашем коллективе решили поискать Игоря на станции, как выжидали, пока исчезнет большое скопление народа, и как в итоге произошло наше столкновение.

Настя слушала меня внимательно, отведя взгляд в сторону, чтобы сосредоточиться на моих словах, а не на моей мимике. Когда я закончил говорить, она ничего мне не отвечала, словно не могла понять, что ей следовало говорить в ответ на такой рассказ.

Затем она посмотрела на меня и с присущей ей ласковой улыбкой прошептала:

– Вы с ребятами храбро поступили. Я перед вами в долгу.

– Мы действовали согласно нашему обещанию. Но я и предположить не мог, что всё так обернётся, – отвечал я с задумчивым видом. – Знаешь, у меня до сих пор перед глазами та страшная картина. Я в какой-то степени считаю себя виноватым в том, что произошло на железной дороге.

На сей раз от Насти последовал незамедлительный ответ:

– Ни ты, ни твои друзья вовсе не виноваты, что он пьяным угодил под поезд. Наверно, судьба распорядилась так, чтобы

оградить других людей от зла, которое мог совершить этот человек, останься он в живых.

Слова её показались мне не только утешительными, но и убедительными.

– Что ж, – продолжала Настя, не дав мне времени для ответа, – мне пора бежать на секцию по волейболу. Была рада тебя увидеть. Спасибо тебе ещё раз за всё.

Она произнесла эти слова с такой деланной улыбкой, какая обычно произвольно возникает на лице человека, переживающего досадный момент прощания. Я понял, что время болтовни о последних событиях истекло и настал момент сообщить о моих главных намерениях, приведших меня в этот сквер.

– Настя, ты очень милая девочка, – начал я робким голосом, но тотчас поспешил принять более уверенный вид. – Ты очень красивая и необычная. Могу ли я надеяться, что смогу увидеть тебя вновь?

Притворная улыбка Насти тотчас приняла проникновенный облик, в глазах её отразилась сердечная радость.

– Завтра уроки в три заканчиваются. Если хочешь, приходи к моей школе. Это красное кирпичное здание через два перекрёстка вон в ту сторону, – сказала Настя и указала пальцем направление.

– Я обязательно завтра приду! В три у школы! – радостно воскликнул я.

Я захотел снова обнять её, но на миг заколебался и, промедлив, уже не решился. Чтобы как-то скрыть свою неловкость, я быстро надел кепку, которую до сих пор сжимал в руке от сильного волнения, и побежал к велосипеду.

– До завтра, Настя! – крикнул я, обернувшись, так как всё же ещё не успел попрощаться.

Настя улыбнулась в ответ и побежала к выходу из сквера, вероятно, она уже опаздывала на тренировку по волейболу. Я же вскочил на своего железного коня и закрутил педали домой. Движения мои были преисполнены бодрости, а выражение лица – захлёстывавшей меня радости. Сегодня я наконец-то заглянул в глаза той самой девчонке, в которую я, кажется, влюбился.

Глава восьмая

БУКЕТ ИЗ ОДУВАНЧИКОВ

В мире есть немало людей, страдающих от аллергии на цветение растений. Для них прогулка по весеннему полю может обернуться едва ли не каторгой и навряд ли доставит удовольствие. Люди, подверженные такому недугу, могут умиротворённо созерцать весенний пейзаж скорее через красочные фотографии и талантливо написанные картины.

К счастью, природа распорядилась так, что мне было абсолютно неведомо подобное заболевание. И она действительно поступила мудро, одарив меня бесценной возможностью наслаждаться неповторимой красотой майского дня, ибо не было ещё такой весны, когда бы я решил пренебречь столь потрясающей возможностью. Весна девяносто восьмого года не стала исключением, и в прекрасный солнечный день, пятого мая, я отправился в поле, чтобы насладиться красотой необъятных просторов, раскинувшихся буквально в километре от нашей деревни.

Я очень любил покататься по этому полю и делал так с тех самых пор, когда научился управлять двухколёсным велосипедом, а это уже не менее четырёх лет моего непрерывного водительского стажа. Однако в тот самый день я отправился туда не только для того, чтобы насладиться пленяющей красотой бескрайнего пространства, залитого янтарным солнечным светом, как делал это каждый год. Как, вероятно, помнит читатель, пятое мая было днём, на который мы назначили с Настей свидание. Я решил хорошенько подготовиться к нашей встрече и отправился в поле, чтобы нарвать букет для этой замечательной девчонки, чья цветущая красота определённо заслуживала быть дополненной красотой букета из таких же цветущих одуванчиков. Бесчисленными жёлтыми цветками поле было усеяно каждое начало мая, и у меня не было ни капли сомнений в том, что мне удастся собрать огромный букет.

После того как я принялся срывать одуванчики, не прошло и двадцати минут к тому моменту, как моя охапка пре-

вратилась если не в роскошный букет, восхищавший своей изящностью, то хотя бы в грудку жёлтых цветов, впечатляющую своими размерами. Зато мне удалось добыть красивую голубую ленточку, которой я обвязал охапку, превратив её в сносное подобие букета. Этот букет я планировал доставить точь-в-точь в три часа к месту встречи, которую я ждал с нетерпением, – красному кирпичному зданию в двух кварталах от городского сквера. Однако транспортировка букета внушительных размеров на расстояние пятнадцати километров при помощи велосипеда была для меня далеко не простой задачей. Лучшее решение, которое пришло мне в голову, – это аккуратно завернуть цветы в газету, после чего закрепить их шнурками на багажнике велосипеда. Я так и сделал. На сей раз я отвечал за важный груз для прекрасной принцессы, поэтому выехал заранее, чтобы добраться до Можайска не спеша и довести букет в целостности и сохранности.

День выдался по-летнему знойным. Солнце застыло высоко в небе, яркие лучи его нагревали и без того разгорячённый проезжающими машинами асфальт. Слабый ветер лишь изредка баловал едва ощутимой прохладой. Несущиеся мимо грузовики поднимали пыль, которая тотчас обжигала ноги. Мне приходилось ехать очень медленно по сравнению с тем, какую скорость я мог развивать в апреле, когда солнце ещё не было таким жестоким. Кроме того, я не только старался довести букет целым и невредимым, но и сам боялся сильно вспотеть от такой изнуряющей езды. Предстать в таком виде перед прекрасной красавицей было бы неприемлемо.

Когда я подъехал к школьному двору, он был абсолютно пустым. Видимо, урок ещё не был окончен. Я отвязал газету от велосипеда, развернул её и достал цветы. Букет оказался слегка приплюснутым, но ещё был способен произвести положительное впечатление и послужить скромным подарком.

Я встал под старый тополь, тень которого была идеальным укрытием от палящего солнца, и принялся дожидаться, когда из школы выбежит толпа оголтелых школьников, радующихся окончанию учебного дня. Ждать мне пришлось совсем недолго – через несколько минут школьный двор уже был заполнен детьми. Теперь главной задачей было отыскать

в толпе Настю. Я стал пристально наблюдать за всеми ребятами, пробегающими мимо меня. Наконец я распознал знакомое лицо и тотчас бросился навстречу, пряча букет за спиной. Настя тоже меня узнала и ускорила шаг по направлению ко мне.

– Привет, Настя! – закричал я.

Я обнял её насколько мог крепко одной рукой, так как вторая была занята букетом, и повторил слова приветствия уже более тихим и ласковым голосом:

– Здравствуй, Настенька! Я очень рад тебя видеть.

Сказав это, я вручил ей букет. Такой сюрприз ей явно понравился, несмотря на некую небрежность оформления с моей стороны.

– Какие красивые цветы! – радостно воскликнула она и поцеловала меня в щёку. – Где ты их нашёл?

– В доме недалеко от моего поля. Ой! В поле недалеко от моего дома! – я пребывал в пьянящей растерянности от неожиданного поцелуя.

Настя рассмеялась в ответ. Смех её звучал приятно и сладко, он был преисполнен искренности.

– Куда пойдём? – спросила она меня.

– А у тебя есть велосипед? – ответил я вопросом на вопрос.

– Да, конечно есть!

– Здорово! – обрадовался я. – Тогда мы можем покататься по городу или по лесу.

– Он у меня дома. Пойдём, сходим за ним. Заодно я оставлю дома рюкзак с учебниками. Он очень тяжёлый – с ним не покатаешься.

– Хорошо! Показывай дорогу.

Мы направились к дому Насти. Я счёл обязательным избавить её от необходимости нести тяжёлый рюкзак и закрепил его на багажнике велосипеда, который вёз рядом с собой. Таким образом, Настя была обременена лишь совсем нетяжёлым букетом из одуванчиков. По дороге к её дому мы много расспрашивали друг друга о любимых вещах и занятиях, о детстве, об учёбе, о родителях и об интересах – словом, мы старались узнать друг о друге как можно больше.

Вскоре мы подошли к Настиному дому. Это было трёхэтажное здание бежевого цвета, построенное, очевидно, ещё при Сталине. Когда мы вошли во двор, Настя внезапно остановилась, лицо её сделалось задумчивым.

– Что такое? – спросил я её. – Где твой подъезд?

Настя стала ощупывать карманы, потом она взяла свой рюкзак с велосипеда и стала суетливо в нём копаться.

Затем она бросила его на прежнее место, посмотрела на меня глазами, преисполненными ужаса, и сказала:

– Боже мой! Я, кажется, забыла дома ключи.

– У тебя есть кто-нибудь дома? – спросил я её.

– Нет, родители на работе.

– Так давай пойдём к кому-нибудь из них на работу и попросим дать ключ, – предложил я, – город маленький, мы в два счёта сбегает куда надо.

– Нет, у нас с тобой ничего не выйдет! Родители ездят на работу в другой город.

Лицо Насти сделалось грустным, улыбка, с которой она прежде шагала всю дорогу, сошла с её уст.

– А как же твой дедушка? – вспомнил я уже знакомого мне старика. – Уж он-то наверняка дома или хотя бы в сквере гуляет.

– Нет, сегодня его тоже нет, словно нам назло! Его друзья утром забрали на рыбалку. Скорее всего, он приедет не раньше завтрашнего дня.

– А когда вернутся твои родители?

– Вечером, не раньше семи часов.

– Стало быть, до семи тебе не попасть домой? – продолжал я задавать наивные вопросы, об ответах на которые догадывался сам.

– Выходит, так, – едва слышно ответила Настя.

Лицо её изобличило ещё бóльшую грусть, глаза наполнились влагой. Казалось, она была готова заплакать – настолько чувствительным к любым неудачам было её молодое девичье сердце. Разумеется, я не мог допустить её слёз, поэтому поспешил её подбодрить, тем более что ситуация отнюдь не казалась мне критической.

– Ничего страшного, Настя! – произнёс я с максимально

наивной улыбкой. – Мы можем подождать твоих маму с папой. До семи вечера осталось уже меньше четырёх часов. Мы сможем провести это время и без велосипедов, а если ты хочешь, можешь взять мой!

Мои слова подействовали на Настю. Тяжёлое выражение лица её стало мягче, сквозь розовые губы проступила чуть заметная улыбка.

– Может быть, ты и прав! – воскликнула она уже куда более живым голосом.

Её радость передалась мне мгновенно, и я заговорил с торжественным выражением на лице:

– Вот и отлично! Пойдём в наш сквер. Я взял пирожки с чаем. Ты, наверно, очень голодна. Мы можем перекусить, а там и придумаем, что будем делать дальше.

Да простит меня справедливый читатель, если я замечу, что, когда я произносил эти слова, я не столько хотел покормить прекрасную Анастасию, сколько сам желал поскорее что-нибудь слопать – настолько сильно я был голоден. И это не удивительно: мои эгоистичные намерения оправдывались тем, что я действительно ничего не ел с того самого момента, как отправился в поле за цветами, а этот промежуток времени составлял уже не менее четырёх часов.

Настя с радостью согласилась на такое дельное предложение, и мы не спеша отправились в сквер. Там мы решили устроить небольшой пикник, включавший пирожки с капустой и чай – те самые запасы, которые я прихватил из дома. Кроме того, у Насти с собой было ещё два яблока, отлично дополнившие наш обед. Мы присели под старый дуб – то самое дерево, возле которого и зародилось наше знакомство.

Мы вырвали несколько неиспользованных листов из Настиной тетради и разложили на них наш скромный обед, а сами приземлились на молодую и мягкую весеннюю траву. Мы ели не торопясь, много болтали и смеялись. Несмотря на неудавшуюся идею с катанием на велосипедах, нам было очень хорошо.

– Стой! Ловите его! – внезапно откуда-то раздался резкий возглас.

Мы с Настей принялись глядеть по сторонам, чтобы разо-

браться, откуда доносился незнакомый нам голос. Вдруг я заметил, как в нашу сторону стремительно бежал рыжий кот, а за ним со всех ног гнался такой же рыжий парень невысокого роста. Судя по всему, он был младше меня на один или два года.

– Ребята, ловите Фомку! – закричал нам мальчик.

Я сразу не понял, почему парень гнался за котом, но всё же решил схватить Фомку. Возможно, он сбежал от своих хозяев. Я бросился коту наперерез. Кот заметил меня и тут же свернул вправо. Тогда я со всей силы оттолкнулся от земли, чтобы попытаться поймать его в прыжке. Я плашмя повалился на траву, но, вытянув руки вперёд, почувствовал, как ухватился за кошачий хвост. Кот завизжал, начал валяться по земле и попытался укусить меня за запястье. Через мгновение подбежал его преследователь и взял кота на руки. Тогда Фомка протестующе замыкал, но уже перестал кусаться.

– Спасибо тебе! – обратился ко мне паренёк. – Это наш кот Фомка. Он выпрыгнул из окна через форточку, как только увидел воробья, и начал его преследовать. А мы с родителями держим его дома, на улицу не отпускаем, вот я и испугался, что он удерёт куда-нибудь, и давай за ним! А он шустрый такой, разве за ним можно успеть? В общем, спасибо тебе, друг! Придётся теперь форточку закрывать. А как тогда духоту терпеть, ума не приложу.

Последние несколько фраз он произносил уже себе под нос, когда развернулся и побрёл назад, неся на руках Фомку, а тот, в свою очередь, продолжал голосисто выказывать своё недовольство тем, что его так безжалостно оторвали от охоты на птицу.

Тут в моей голове промелькнула потрясающая мысль.

– Настя, а на каком этаже ты живёшь? – спросил я.

– На первом, а что?

– А вы тоже в жару открываете форточку, чтобы проветрить?

– Не знаю. Я в своей комнате не открывала. Может быть, родители в своей и открыли, когда с утра на работу уходили.

– Вот что. Мы должны это проверить.

– Ты хочешь, чтобы я залезла в свой дом через форточку?

– спросила Настя, хотя наверняка уже сама догадалась о моих планах.

– Да, мы можем попробовать, – ответил я. – Так мы сможем взять твой велосипед и оставить учебники дома. Кроме того, тебе не мешало бы переодеться. Не в школьной же юбке ты будешь кататься.

Настя дала своё согласие, и мы направились назад к её дому. Окно её комнаты выходило во двор, оно было заперто. Кроме того, во двор выходило кухонное окно, которое оказалось тоже закрытым. На той же стороне было окно родительской комнаты, но вскоре мы убедились, что и оно было заперто. Тогда у нас оставался только один вариант – проверить комнату бабушки, окно которой располагалось с торцевой стороны здания. Мы тотчас поспешили туда. К счастью, форточка этого окна оказалась чуть-чуть приоткрытой.

– Ну что, – обратился я к Насте, – вот и наш шанс попасть к тебе в дом.

– Я туда не полезу! – воскликнула девочка, вообразив, как ей придётся пролезать в это маленькое отверстие.

– Ты предлагаешь мне это сделать? – спросил я, осознавая, что получу положительный ответ.

– Да!

– Я чувствую себя жалким воришкой, – пробурчал я, карабкаясь на отлив.

Я положил руки на железную поверхность отлива и тут же вздрогнул – меня обжёг раскалённый на солнце металл.

– Смотри, чтобы никого рядом не было, – сказал я ещё более ворчливым голосом, – а то не хочу потом с милицией разбираться.

– Какой же ты трусишка, Ефим!

– И ты говоришь это человеку, которому ещё вчера выражала благодарность за храбрый поступок, – шутливо упрекнул я её.

– Тогда ты поступил храбро, а сейчас боишься, что тебя поймут, как серый заяц! – ответила Настя и захихикала.

Между тем я уже встал ногами на косою и скользкий отлив и что есть сил ухватился руками за оконную раму. Я с трудом просунул голову в форточку, но плечи мои уже упёрлись в

деревянный каркас рамы. Я понял, что, кажется, не смогу пролезть внутрь.

– Ты бы лучше помогла мне влезть в эту чёртову форточку! Подтолкни меня, ну же! – скомандовал я.

Через мгновение я почувствовал, как что-то острое вонзилось мне в ягодицу.

– Ай! Что ты творишь? – завизжал я.

Я и предположить не мог, что именно доставило мне такую неожиданную боль, поскольку голова моя была уже внутри и я мог видеть только то, что было передо мной.

– Ты же сам просил тебя подтолкнуть! – раздался голос Насти.

– Подтолкнуть, но не бить меня по попе острыми предметами. Что это такое? Ты вонзила в меня нож? – строил я догадки.

– Нет, это учебник по математике в твёрдом переплёте. Я не хочу хватать тебя руками за задницу! – брезгливо вскрикнула Настя.

– Тоже мне принцесса! – проворчал я, вытаскивая голову из форточки. – Тогда бери и сама туда полезай!

– Ни за что! Я боюсь.

– А я не пролезаю, – сказал я и спрыгнул на землю. – Ты стройная девчонка, ты пролезешь!

– Нет, пойдём лучше назад в сквер, – умоляюще попросила меня Настя.

Я ощущал глубочайшее чувство несправедливости из-за только что перенесённых мной лишений и решил, что Настя заслужила той же участи за то, что насмеялась надо мной.

– Нет уж! Мы с тобой выпили весь мой чай, а я сильно хочу пить. И мне нужно набрать воды в термос, чтобы хватило на обратный путь, – заключил я, – так что, Настюшенька, ты теперь обязана туда пролезть. Я тебе помогу!

Я подставил велосипед под окно, чтобы Настя смогла залезть по нему, как по ступеньке.

Увидев, что ей придётся легче, чем мне, Настя переменяла лицо, ранее преисполненное неприязни и отвращения к подобному способу войти в дом. Она попробовала встать ногами на багажник велосипеда, а я крепко удерживал её за руку,

потому что совсем не хотел, чтобы девочка поскользнулась и ушиблась, несмотря на то, как жестоко она вонзала в меня острый угол учебника. Настя ловко забралась на подоконник и просунула голову в форточку. Убедившись, что её плечи могут пролезть сквозь узкое отверстие, она попыталась оттолкнуться руками, чтобы большей частью тела оказаться внутри дома, но ей не хватило сил, она снова встала на отлив, едва не соскользнув с него. Я обхватил её за ноги и помог удержаться.

– Настя, давай я подтолкну тебя, – предложил я свои услуги, – я, в отличие от тебя, совсем не брезгую хвататься за твою попу.

– Вот ещё! Старый извращенец! Сама справлюсь! – ответная реакция не заставила себя долго ждать.

– Я всего на год тебя старше. Где же я старый? – возмутился я.

– Значит, малолетний извращенец!

С этими словами Настя ещё раз попробовала оттолкнуться, и на этот раз верхняя часть её тела оказалась внутри, а ноги продолжали барахтаться снаружи. Она, кажется, застряла и стала раскачиваться, как качели.

– Помоги! – раздался её глухой голос, обращённый внутрь квартиры.

– Ну зачем же тебе просить о помощи малолетнего извращенца? Ты вполне самостоятельная девушка, можешь и сама справиться, – я не стал упускать возможность съехидничать.

– Помоги же! Я не шучу, я застряла! Ааа! – всё громче и настойчивее просила Настя.

– Капитан извращенец спешит на помощь! – воскликнул я и бросился проталкивать её за ноги внутрь.

Я приложил намного больше силы, чем требовалось, и Настя выскользнула из форточки, как пробка из бутылки.

– Идиот! – послышалось изнутри.

Я быстро вскарабкался по велосипеду на отлив и заглянул в окно: Настя рухнула на диван и залилась истерическим смехом. Я тоже не мог удержаться от хохота и схватился за живот, конечно же выпустив из рук оконную раму. Я потерял равновесие, закачался и со страшным грохотом упал сначала

на велосипед, а вместе с ним повалился на землю. Настя услышала грохот и тотчас высунулась из окна. Я был недвижим и посмотрел на неё стеклянными глазами – я испытывал шок от падения. Осознав, что я вовсе не ушибся и удачно приземлился, я слегка ухмыльнулся, а затем моя ухмылка перешла в заливной смех. Видя, что со мной всё в порядке, Настя засмеялась вместе со мной.

Отсмеявшись, она заговорила:

– Ефим! Давай сюда свой термос. Я налью тебе воды, по дожди меня здесь. Я достану из чулана велосипед и выйду через подъезд.

Я отдал Насте термос и её рюкзак, после чего присел на лужайку. Я оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не видел, так как всё ещё опасался, что нас мог кто-нибудь заметить и сообщить о наших проделках в милицию. К счастью, рядом никого не оказалось. Отчасти нам помогло укромное расположение дома: торцевая сторона его выходила в небольшой яблоневый сад, красоту которого нарушала огороженная серым забором трансформаторная будка.

Вскоре Настя вернулась с велосипедом и моим термосом, наполненным водой.

– Куда поедет? – спросила она меня.

– Предлагаю покататься по городу, – ответил я.

– Я очень хочу увидеть то место, где ты сумел нарвать для меня так много одуванчиков. Оно, наверно, невероятно красивое!

– Да, это действительно очень красивое место, – согласился я, – но сейчас уже поздно туда ехать. До этого поля пятнадцать километров по шоссе, ты навряд ли сможешь преодолеть такое расстояние на велосипеде, да и опасно нам с тобой по шоссе ехать. Мы можем съездить туда как-нибудь в другой раз на электричке, а сегодня давай покатаемся по городу. Скоро вечер.

– Хорошо, – ответила Настя, – только обещаю мне, что мы обязательно туда съездим в ближайшие дни, пока одуванчики не успели отцвести.

Я дал Насте обещание, которое она с меня потребовала. Я и сам был вовсе не против отправиться с ней туда в какой-

нибудь не менее погожий денёк.

Заполучив, наконец, Настин велосипед, мы отправились кататься по небольшому Можайску. Нам было очень хорошо и весело вдвоём и надоело кататься только через несколько часов, когда солнце уже спустилось за крыши домов и дневной зной сменился вечерней прохладой. После нашей поездки я вызвался проводить Настю обратно до дома. Когда мы прощались возле её подъезда, я захотел поцеловать её, но оробел, подобно тому, как постеснялся обнять её в сквере в момент нашего прощания вчерашним днём. Она, кажется, поняла это по моим неловким движениям.

Тогда она приблизилась ко мне, поцеловала меня в щёку и ласково шепнула мне на ухо:

– Я тебя в последний раз сама целую. В следующий раз твоя очередь.

Это тут же придало мне сил и решимости поцеловать её при следующей нашей встрече. Мы крепко обнялись и договорились, что я снова приеду в Можайск, но уже через день, седьмого мая.

Я возвращался домой от Насти по пустой дороге, залитой оранжевым светом вечернего солнца. Я чувствовал себя таким счастливым, каким едва ли ощущал себя ранее хоть раз. Я был опьянён радостью, накрывавшей меня, как волна, ведь сегодня я провёл замечательный день с самой красивой, самой милой и самой нежной девчонкой на свете. Но я ещё не мог догадываться, насколько серьёзный разговор с отцом ожидает меня по прибытии домой.

Глава девятая

ГРАД

Когда я въехал в деревню, было уже почти темно. Я едва мог различать дорогу, по которой с дребезгом катился мой велосипед. Как ни в чём не бывало я поставил велосипед на задний двор и пошёл в дом. Войдя внутрь, я первым делом отправился на кухню, чтобы сполоснуть термос. Там за сто-

лом сидел отец с грозным напряжённым лицом и смотрел на настенные часы. Вид его насторожил меня, я подумал, что он хочет упрекнуть меня в том, что я слишком поздно вернулся. Я взглянул на часы – было только пять минут одиннадцатого. Я часто возвращался домой в такое время, и это никак не могло стать поводом сделать мне укоризненное замечание.

– Что такое, пап? – я решил спросить первым.

– Присядь, – попросил меня отец.

Я присел.

– Ты сегодня катался на велосипеде? – спросил он меня.

– Да, ты же знаешь, я почти каждый день катаюсь.

– А где ты сегодня катался?

– Как всегда, у нас по деревне покатался, в лес ездил, к Мишке в гости в Пестриково сгонял. Там тоже катались. А что такое?

– Врёшь ты мне, сын. Ещё раз спрашиваю тебя: где ты сегодня катался?

Тут я понял, что отец что-то мог узнать о моём подлинном маршруте. Сначала я подумал, что это Ванька или кто-то другой из ребят, с кем мы ходили на пруд днём ранее, могли разболтать кому-нибудь в деревне про то, что я заикался о поездке в Можайск на велосипеде. Тогда я решил придумать оправдание на ходу.

– Пап, – начал я, – если это кто-то из ребят вчера говорил, будто я в Можайск собирался ехать, то ты их не слушай. Это я так им сказал, чтобы причина была какая-то уйти пораньше. Не хотелось мне вчера до позднего вечера у пруда сидеть, вот и сказал так ребятам, чтобы не обидеть.

Лицо отца по мере того, как я продолжал нагромождать ложь, выражало всё большее недоумение. Я понял, что промахнулся – никто из ребят ничего не рассказывал.

– Ефим, Егор Васильевич сегодня днём ездил в Можайск за деталью для трактора. Он видел тебя в семи километрах от нашей деревни – ты ехал по шоссе в сторону Можайска. Потрудись объяснить, что всё это значит, – потребовал отец, – что ты делал на автомобильной дороге?

Егор Васильевич, тот самый старик, который ещё две недели назад увидел, как я впервые направился к шоссе, и не

придал этому значения, теперь уже заметил меня прямо на проезжей части вдали от деревни. Тогда судьба оказалась ко мне снисходительной, а сейчас я был пойман с поличным.

Я понял, что дальше врать и отпираться было бы бессмысленно, и решил отвечать на прямые вопросы отца так же прямо. Возможно, это избавило бы меня от выяснения излишних подробностей. Главной задачей для меня было сохранение нашей тайны о краже палатки и трёхдневном путешествии в Бородино.

– Хорошо, отец, – начал я строить свой ответ, – я действительно ехал по этой дороге. Я направлялся в Можайск.

– Что ты там забыл? Почему не предупредил, что поехал туда? – посыпались вопросы от отца. – Я бы мог отвезти тебя на машине или, на худой конец, дал бы денег на электричку.

– Пап, я ездил туда уже не раз, начиная с середины апреля. Я уже устал каждый год кататься по одной только деревне и решил попробовать отправиться куда-нибудь подальше.

– Но...

Отец хотел было возразить, но я предвидел его слова и продолжил, не дав себя перебить:

– Я знаю, что ты хочешь сказать. Что ездить по проезжей части на велосипеде очень опасно и что это вообще запрещено правилами до четырнадцати лет. Но я езжу очень осторожно и экономлю свои силы. Я уже несколько раз так делал и хорошо знаю дорогу. Кроме того, широкие обочины дают мне возможность держаться на хорошем расстоянии от обгоняющих машин. Я беру с собой необходимый запас еды и питья и даже некоторые инструменты. Но даже если что-то случится с велосипедом или я сильно устану, поблизости проходит железная дорога. Я всегда могу добраться домой на электричке.

Кажется, мои аргументы подействовали на отца – лицо его сделалось мягче, суровое выражение его сменилось задумчивостью.

– Хорошо, – сказал он, – а вот если внезапно дождь или гроза начнётся, что ты тогда будешь делать?

– Ну, начнись дождь в деревне, или в поле, или в соседнем посёлке, или на шоссе – я везде одинаково промокну. А на

дороге, кстати, можно укрыться на автобусной остановке. Я так делал, когда в самую первую поездку под метель попал. Как видишь, я живой и невредимый. А что касается грозы, то, как по мне, на дороге её встретить не опаснее, чем в поле.

– И ты всё это время ездил только в Можайск? – спросил отец.

– Я там с девчонкой познакомился. Вот только сейчас от неё вернулся.

– Что за девочка?

– Настей зовут.

– Хорошая?

– Очень!

На лице отца отразилась нечёткая улыбка, затем он постарался снова принять суровый вид, словно хотел казаться по-прежнему строгим, и спросил меня:

– А если я запрещу тебе кататься по шоссе, ты ведь всё равно будешь это делать, пока мы с мамой на работе?

– Думаю, да, – честно ответил я.

– Стало быть, единственный способ оградить тебя от опасной дороги – это отобрать у тебя велосипед? – спросил отец, хотя, скорее всего, он задавал вопрос самому себе.

– Стало быть, так.

Папа задумался, затем встал из-за стола и сказал:

– Будь аккуратен. На дороге держись правее. И не забывай нам с матерью сообщать, куда ты собираешься ехать.

С этими словами он вышел из кухни и направился во двор, но через несколько секунд вернулся спешными шагами и добавил:

– Завтра в городе куплю тебе зеркало. Поставишь на руль. А сейчас давай спать, поздно уже.

Он захлопнул дверь, и я услышал, как он зашагал на веранду. Очевидно, он вышел покурить перед сном, как делал это каждый день. Я воспринял его ответ как разрешение ездить по автомобильным дорогам.

Вот и случилось то, о чём просил меня дедушка Насти: мои родители узнали о том, куда я на самом деле ездил кататься. Я даже был рад тому, что всё прояснилось таким образом и теперь мне не нужно было ничего скрывать и приду-

мывать байки о том, что я был в гостях у друзей, катался по соседним деревням и просёлочным дорогам.

Майские дни пролетали быстро. Пока в моей школе были каникулы, я ездил к Насте практически каждый день, но, когда начались занятия, в определённые будние дни я стал освобождаться поздно из-за необходимости выполнять домашние работы. Кроме того, некоторые дни выдавались дождливыми, и мне приходилось коротать время дома или у друзей. В итоге мне удавалось ездить к Насте около трёх раз в неделю. Но чем бы я ни занимался вдали от неё, мысли мои почти всегда были заняты Настей, ставшей для меня милым сердцу человеком, девчонкой, которую я считал самой лучшей на свете.

Обычно, когда я приезжал, мы катались на велосипедах по Можайску и окрестностям, иногда мы оставляли их и бродили по городу пешком. Мы часто любили посещать тот самый сквер, с которым было тесно связано наше знакомство. Однажды я целую неделю копил сдачу от школьных обедов, на которую потом смог купить ей красивую розу и довольно дорогое, но очень вкусное пирожное в кондитерской лавке. Такой сюрприз её очень обрадовал, и моей наградой стал её ласковый поцелуй и половина того самого пирожного. Но ни я, ни Настя не забывали о данном мною обещании съездить вместе в моё любимое поле, усыпанное весенними цветами. Для достижения этой цели мы назначили отдельный день – субботу, двадцать третье мая.

В назначенный день я прибыл к полудню в наш сквер. Мы договорились, что я приеду к Насте в Можайск, а оттуда мы вместе вернёмся ко мне в деревню на электричке. Мы решили сделать так, потому что Настя к своим двенадцати годам ещё ни разу не ездила по железной дороге без родителей, тем более с велосипедом. Я охотно вызвался сопровождать её и даже пообещал проводить её назад до Можайска, если она попросит. Мне было приятно ощущать себя её защитником, человеком, на которого она может положиться.

Настя пришла в сквер на несколько минут позже меня. Впрочем, я никогда не возил с собой часов и не мог знать точное время, поэтому я не смел её упрекнуть за опоздание.

– Ого! Какой у тебя толстый рюкзак! – заметила девочка, как только увидела меня.

– Сегодня мы будем на природе вдали от магазинов, – пояснил я, – поэтому не сможем купить еды в любой момент. Всё, что я туда положил, это наше пропитание на весь день.

– Я тоже кое-что прихватила, – ответила Настя и открыла свой рюкзак.

Там оказалось несколько домашних пирожков и три магазинных яблока, вкус и вид которых мне всегда казался слегка чудным, поскольку я привык есть только яблоки с нашей собственной яблони, растущей прямо возле дома.

– Это чудесно! – ответил я Насте, и мы направились в сторону железнодорожной станции.

Электричку нам пришлось ждать недолго, а наш путь от Можайска до станции Шаликово, от которой было ближе всего идти до моей деревни, прошёл так же незаметно за разговорами о всякой всячине.

Сойдя с электрички, мы направились по просёлочной дороге, ведущей в небольшую берёзовую чащу, откуда можно было беспрепятственно выехать на безлесную равнину. Когда мы выбрались из леса на открытую местность, было уже около двух часов дня. Поле раскинулось перед нами, словно степь посреди тенистых лесов. Весь его необъятный простор был залит ярчайшим светом беспощадно горячего солнца. Лесная дорога, прежде усыпанная ветками и мелкими лужицами, превратилась в полосу сухой земли, постепенно тающую в густой высокой траве.

Когда мы отделились от леса на приличное расстояние, поднялся сильный ветер, ставший для нас спасением от нестерпимого зноя.

– Что-то не видать жёлтых одуванчиков, – сказала Настя, тщательно вглядываясь в разросшиеся по сторонам травы.

– Должно быть, многие уже отцвели, – предположил я. – Сама видишь, какие жаркие дни стоят.

Настя остановилась, чтобы внимательнее оглядеться по сторонам, но нас окружали только заросли крапивы, пырея и ядовито-зелёной осоки.

– Как ты думаешь, где мы можем найти цветочную поля-

ну? – спросила меня она.

Я принялся чесать затылок. Это был не простой для меня вопрос. Тут я вспомнил, как год назад не так далеко отсюда нам с друзьями пришлось устроить пикник на лугу, усеянном ромашками.

– Есть одно место, – ответил я, – мы были там с ребятами в середине июня. Но туда не так-то легко добраться.

– У нас ещё полдня впереди, почему бы не попробовать? Разве это слишком далеко отсюда? – поинтересовалась Настя.

– Эта дорога через триста метров сворачивает в лес и ведёт в соседнюю деревню, а мы с тобой должны двигаться прямо, – я показал рукой вперёд. – Нам с тобой придётся преодолеть ещё около километра по зарослям сорняков. Там мы минуем небольшую рощу и снова окажемся на открытой местности. Дальше нужно будет как-то переправиться через ручей. Оттуда уже, насколько я помню, должна вести тропинка к тому самому лугу, где растут эти ромашки.

Настя продолжала смотреть на меня живыми любопытными глазами. Судя по всему, такие трудности её скорее привлекали, нежели отпугивали.

– Чего же мы ждём? Помчали! – воскликнула девочка и закрутила педали в указанном мною направлении.

Меня приятно удивило её рвение добраться до ромашкового луга, я вскочил на велосипед и заскрипел педалями вслед за ней.

Вскоре, как я и предвидел, просёлочная дорога стала отклоняться влево, в сторону соснового бора, за которым скрывалась небольшая деревушка. Нам пришлось съехать с проложенного до нас пути на не топтанные до сего момента заросли сорняков. По высокой траве ехать было практически невозможно, и мы слезли с велосипедов, чтобы продолжить наш путь пешком.

– До чего же велико твоё желание нарвать ромашек, раз ты готова по таким зарослям километр топтать! – лестно подметил я.

– Вы с друзьями, видимо, тоже через эти заросли шагали, раз уж на том лугу вам довелось побывать, – заметила Настя.

Тут мне пришла в голову идея подшутить над ней.

– Да, – сказал я, – в том году мы пробирались через это самое поле! В июне трава была ещё выше, мы совсем не видели земли, и мой друг случайно наступил на огромную змею.

– На змею? Кошмар! Я их жуть как боюсь! – Настя пришла в ужас.

– И змея заползла ему прямо в штанину! – добавил я.

Глаза Насти мгновенно наполнились жутким страхом, она вдруг споткнулась обо что-то и закричала самым пронзительным криком:

– Змея!

До смерти напуганная девчонка уронила велосипед и бросилась мне на шею. Я покачнулся, и мы втроём вместе с моим велосипедом повалились на землю. Едва я коснулся спиной земли, как почувствовал, что подо мной зашевелилась змея.

– Слезь! Слезь с меня! – закричал я Насте. – Дай мне встать! Она меня сейчас укусит!

Не дожидаясь, пока Настя исполнит мою просьбу, я перекатился с ней на бок, а затем на живот. Настя свалилась с меня, и я тут же вскочил, судорожно отряхивая себя руками. Девчонка подпрыгнула вместе со мной и истерически затопала ногами, словно боялась ступить на землю даже на полсекунды. Я тоже постоянно переминался с ноги на ногу, опасаясь наступить на змею. Однако внимательно осмотрев то место, куда мы упали, я не обнаружил ядовитого животного.

– Она, должно быть, куда-то уползла, – сказала Настя. – Боже мой, как же страшно идти дальше! Вдруг она притаилась где-нибудь в траве.

Тогда я, робко ступая на землю, подошёл к тому самому месту, где споткнулась Настя. В траве виднелась лишь обыкновенная кочка, на которой отпечатался её след.

– Здесь нет никакой змеи, – произнёс я с облегчением, – это всего лишь кочка.

Настя, всё ещё дрожа от страха, медленно подошла ко мне и, убедившись, что препятствием на её пути оказался всего лишь комок земли, с облегчением вздохнула.

– Зачем ты сказала мне, что наступила на змею? – возмутился я. – Это же всего-навсего кочка! Разве ты не видела, что наступила на обычный бугорок земли?

– Нет, я ничего не разглядела в траве.

– А почему ты решила, что это была именно змея?

– А что я могла подумать, когда ты мне под руку говорил, как на твоего друга из травы змея набросилась?

– Настя, глупенькая, я же просто пошутил!

– Пошутил? Глупенькая? – раздражённо переспросила напуганная моей байкой девчонка. – Да разве можно так шутить? Ты идиот! Нет, ты хуже! Я не знаю... Ты бессердечный кретин!

Настя демонстративно фыркнула, небрежно оттолкнула меня, чтобы подойти к велосипеду, подняла его и спешными шагами пошла вперёд.

Я понял, что она обиделась, но это только сильнее возбуждало во мне раздражение, ведь я вовсе не считал свою шутку неуместной и уж тем более грубой. Я продолжал смотреть, как Настя стремительно удалялась, и ждал, когда же она наконец остановится и скажет: «Ну, долго тебя ждать?»

Тем временем Настя продолжала идти вперёд, не оборачиваясь.

Тогда я что есть сил крикнул:

– И куда же ты идёшь? Ты же не знаешь дороги.

Настя ничего не ответила, словно вовсе не услышала меня, но я был уверен, что каждый мой звук достиг её слуха.

– Настя, подожди! – закричал я ещё громче прежнего. – Ну прости! Я не хотел тебя обидеть!

Я был уверен, что это были те слова, которые она хотела слышать, хотя я и не желал их произносить, потому что считал себя невиновным в данной ситуации. Но Настя оставила меня без ответа и на этот раз.

Такая нездоровая невозмутимость с её стороны разгневала меня, и я из последних сил закричал ей вслед:

– Ну и уходи куда хочешь! Сама ищи свои долбаные ромашки! Больно надо мне с тобой по клумбам таскаться!

Трудно сказать, услышала меня Настя или нет – она была

уже далеко, а сильный ветер, дующий мне в лицо, заглушал все мои возгласы. Во всяком случае, если бы я вздумал ещё что-то добавить к моим словам, то точно остался бы неуслышанным.

Я пнул свой велосипед изо всех сил, чтобы выместить на нём злобу, и тотчас схватился за ногу, сжав зубы от боли.

«Ну что за дрянная девчонка, – подумал я, – подумаешь, нежная какая. Шуток, что ли, не понимаешь, обиделась она, царевна Несмеяна, тоже мне!»

Слегка отдышавшись и придя в себя, я снова посмотрел в ту сторону, куда убежала Настя, – я уже едва мог различать её силуэт, по пояс утопший в высокой траве.

«Чёрт, да и я хорош! Напугал её, затем ещё и накричал, и гадостей вслед наговорил. Бедная девочка, я же её сам до отчаяния довёл! – стал я себя упрекать. – Нет, надо во что бы то ни стало догнать её и извиниться за грубость!»

Я схватил велосипед и помчал вслед за почти растворившейся в зелёных зарослях девочкой. Вдруг поле неожиданно потемнело, ярко-зелёный, залитый солнечным светом простор превратился в поблекшую, почти чёрного цвета равнину. Я задрал голову вверх: большая чёрная туча закрыла собою солнце и стремительно неслась по небу на юг. Тогда я окинул взглядом всё небо – повсюду скапливались многочисленные облака: от маленьких, белого цвета до крупных серых туч. Поднялся сильный ветер, снедающий зной уступал необъятные просторы надвигающемуся ненастью. Я побежал ещё сильнее, чтобы успеть предупредить Настю о возможном ливне, – нам нужно было срочно сворачивать в лес, чтобы как можно скорее достигнуть укрытия.

Через какое-то время поле вновь просветлело, и меня снова обдало уже не жгучим, мягким теплом выглянувшего солнца. Это придало мне надежды на то, что нам удастся избежать ливня, кроме того, я уже приблизился к Насте, но расстояние между нами всё ещё не позволяло ей меня услышать.

Я со всех ног гнал за девочкой и вскоре мог бы догнать её, но она внезапно скрылась в лесу, раскинувшемся узкой полосой на горизонте. Тогда я попытался ускориться, так как опасался, что среди деревьев окончательно потеряю её из

виду, но силы изменили мне, и я повалился на колени, задыхаясь от усталости.

Отдышавшись с минуту, я побежал дальше, волоча за собой велосипед, который в тот момент был мне обузой. Неожиданно небо вновь потемнело, а через миг поднялся такой сильный встречный ветер, что я едва ли не встал как вкопанный. Я снова вперил свой взор в небосвод – на этот раз солнце полностью скрылось за громадной чёрной тучей. Редкие голубые участки неба затягивались облаками прямо на глазах, и менее чем через минуту весь небосвод был поглощён тёмно-серой мгlistой пеленою. Не так далеко впереди сверкнула молния, на нос мой упала первая капля дождя, вторую я ощутил кончиком уха. Раздался сильный гром, и редкие дождевые капли стали оседать тёмными пятнышками на моей одежде и велосипедном седле. Я понял, что ненастья не миновать, и поспешил скорее к лесу, надеясь, что там смогу найти укрытие и встречу Настю.

«Только грозы в открытом поле нам сейчас ещё не хватало», – подумал я про себя.

Между тем дождевые капли осаждали меня всё чаще, становясь всё холоднее и холоднее. Молния сверкала уже совсем близко, а грозные раскаты грома доносились моментально. Я сильно переживал за Настю: она была где-то впереди, и молния могла ударить всего в нескольких шагах от неё. Но бежать быстрее я уже не мог, и мне оставалось только терпеть усталость и непогоду и утешать себя тем, что скоро я доберусь до леса, где найду любимую девочку целой и невредимой и укроюсь от дождя.

Тем временем холодные капли, падавшие с неба, постепенно становились всё более частыми и колючими. Разразился новый раскат грома, и хлынул настоящий град: с неба полетели острые мелкие куски льда. Кепку мою мгновенно сдуло ветром и унесло далеко назад. Было бессмысленно пытаться поймать её – важнее было как можно скорее укрыться в лесу. В лицо моё и макушку вонзались крошечные ледышки, оставляя мельчайшие жгучие царапины. Я уже не осознавал себя и чувствовал лишь то, как горело моё лицо и пальцы рук, которыми я вцепился в свой велосипед. Я постоянно

спотыкался, падал на колени и снова пытался бежать вперёд, сильно наклоняясь вниз.

Через несколько мучительных минут я всё же добрался до леса, ставшего для меня самым желанным укрытием от разгневавшегося неба. Я рухнул на сырую землю под широкой сосной, надёжно защищавшей меня от града. Прежде чем искать Настю, мне необходимо было отдышаться, я едва ли мог сделать ещё шаг – в глазах моих потемнело и зарябило, сердце билось так часто, что я не мог успевать считать удары. Когда дыхание моё немного восстановилось, я рухнул на спину, так как всё моё тело стонало от усталости.

Долго отдыхать мне не пришлось – сильный ветер и град не позволили мне расслабиться. Я приподнялся и внимательно огляделся вокруг: в лесу стоял белый туман, Насти не было видно. Тогда я внимательно стал вглядываться в тропинку, по которой вбежал в лес в надежде разглядеть на ней Настины следы. Но на сырой земле, усыпанной шишками и еловыми ветками, не было ни одного отпечатка, в том числе и моих. Идея выйти на девочку по её следам тут же отпала. Тогда мне оставалось одно: громко начать звать её, чем я и занялся.

– Настя! Настя! Настя! Ты слышишь? Ответь! – кричал я, поворачиваясь в разные стороны.

Никто мне не отвечал, кроме собственного эха.

Позади осталось поле, утонувшее в густом тумане, сильный ветер скользил по верхушкам деревьев, наклоня их ближе к земле, а на севере неустанно продолжала сверкать молния, сопровождаемая грозными ударами грома. Лес сделался невероятно тёмным и мистически пугающим, но выйти из него под открытое небо было куда страшнее.

Я принялся медленно идти в прежнем направлении, внимательно оглядываясь по сторонам, и продолжал звать Настю. Я подумал, что к тому моменту, как началась гроза, она уже успела выйти из леса и, попав под град, вернулась назад, оставшись пережидать непогоду на противоположной опушке.

К счастью, чаща была небольшой, и я в скором времени подобрался к краю леса. Там я и увидел Настю, сидевшую под высокой берёзой. Она сжалась, обхватила колени руками

и уткнулась в них лицом, словно ёжилась от холода.

– Настя, – подбежал я к ней, – с тобой всё в порядке?

Девочка приподняла голову, щурясь от едкой сырости и холодного ветра, врывавшегося в чашу со стороны поля.

– Уходи, – прошептала она и снова уткнулась головой в колени.

Я словно не слышал и не чувствовал её неприязни; сердце моё трепетало, я ощущал лишь несказанное облегчение оттого, что нашёл Настю живой и здоровой. Я бросился к девочке и крепко обнял её.

– Настя, прости меня, пожалуйста, – начал я торопливо и неразборчиво шептать ей на ухо, – я очень виноват перед тобой, я не должен был так беспечно шутить. Прости меня, если сможешь. Ты можешь не разговаривать со мной и бранить меня за то, что привёл тебя сюда сегодня. Я это заслужил; я лишь хочу, чтобы мы смогли переждать этот ураган и ты вернулась домой целой и невредимой. Ты мне очень дорога! Я тебя очень люблю! Только дай мне знать, что с тобой всё в порядке.

Я сильно волновался, торопился, мне едва удавалось связывать предложения. От досады и сильных переживаний на глазах моих проступали слёзы, я заикался, фразы мои рвались всхлипами и тяжёлыми вздохами. Не успел я договорить, как Настя, зажмурив глаза, подняла голову и обняла меня в ответ.

– Боже мой! Какая же я глупая! – стонущим голосом отвечала она. – И зачем я только убегала от тебя? Как же мне страшно было тут одной, как же я ждала, что ты найдёшь меня. Я так боялась, что ты обиделся и вернулся домой. Я сама виновата, что всё восприняла так близко к сердцу! Ты ведь столько добра для меня сделал, разве могу я на тебя злиться? Разве имею я право на тебя обижаться? Ты всегда был так добр ко мне с момента нашей первой встречи, но простишь ли ты мне мою безрассудную обиду?

– Настя! Любимая моя, я тебя ни в чём не виню! Главное, что ты жива и что с тобой всё в порядке.

Мы ещё долго продолжали молча сидеть на сырой земле, крепко прижавшись друг к другу и не чувствуя холода. Рас-

каты грома уже не отражались эхом по мрачному промозглому лесу. Ветер стих, а град сменился моросящим дождём. Мы попытались выйти из леса в открытое поле, но тут же ощутили на себе былую силу ветра и холодность весеннего ливня. Нам пришлось остаться в лесу, чтобы дожидаться, пока непогода окончательно отступит. Дождь становился то сильнее, то почти совсем исчезал, но гроза и ураганный ветер уже совсем отступили.

Мы просидели около двух часов, пока дождь полностью не прекратился. Растущей с севера на юг голубую полосу открывалось чистое небо. Над полем отразилась отчётливая радуга, повсюду заблестели дождевые капли, пронзаемые ослепительным светом уже низко стоявшего солнца. Природа, наказавшая нас сначала нестерпимой жарой, а затем жестокой бурей, теперь баловала нас красотой дивного весеннего вечера.

До ромашкового луга нам оставалось идти не более полверсты. Хорошо отдохнув от изнурительного бега, мы поспешили преодолеть это небольшое расстояние, чтобы суметь полюбоваться видом цветочной поляны и радуги одновременно. Мы сильно промокли за последние несколько часов, поэтому едва ли постеснялись перейти через разлившийся после дождя ручей, который оказался нам почти по пояс. К счастью, яркое майское солнце щедро одаривало нас теплом, и мы совсем не дрожали от соприкосновения с сырой одеждой.

Ромашковая поляна оказалась куда более красивой, чем я мог себе представить. Мы долго наслаждались мягкими запахами посвежевшего от недавнего дождя луга, любовались радугой, тающим вечерним солнцем и бесчисленными весенними цветками. Я провёл на этом луге, возможно, самые романтические часы в моей жизни, которые навсегда останутся в моём сознании яркой обложкой моих самых светлых детских воспоминаний.

Глава десятая

ОТЦЫ

Упорная борьба со стихией довольно сильно измотала нас с Настей, и мы совсем не торопились уходить с цветочной поляны, потому что тогда нас ждали бы полтора километра ходьбы по сырой высокой траве и три километра езды на велосипеде примерно в таких же условиях. Мы продолжали сидеть и смотреть на оранжевый диск вечернего солнца, болтали обо всём подряд и совсем не замечали, как быстро летело время.

– Домой пора, – сказала Настя, когда солнце уже совсем прижалось к земле, – скоро стемнеет.

– Подожди, давай ещё немного посидим здесь, – ответил я и ласково поцеловал её в щёку.

Настя ничего мне не ответила; какое-то время мы ещё наблюдали за тем, как медленно и плавно длинный бурный день сменялся тихой короткой ночью.

– Пора, – отрывисто произнесла Настя и встала на ноги.

Как не хотелось мне, чтобы этот прекрасный вечер заканчивался, но я и сам понимал, что мы уже сильно задержались – необходимо было начать проворно собираться, чтобы успеть к железной дороге до темноты. Не спеша, словно желя как можно больше растянуть этот момент, я начал убирать вещи: покрывало, термос, чашки, пакет с единственным оставшимся пирожком – в рюкзак. Мы направились прежней дорогой по влажной, сверкающей на солнце траве, так и не успевшей высохнуть после длительного ливня.

Было уже довольно прохладно, поэтому мы не могли так непринуждённо перейти через ручей, как сделали это днём, когда моментально согревались на солнце. Мы прошли вдоль ручья на небольшое расстояние, пытаясь найти место поуже, где бы нам удалось его перепрыгнуть. Но, увы, канава оказалась везде одинаково широкой. Тогда единственным допустимым решением оставалось перенести Настю на руках, после чего поочерёдно переправить оба велосипеда – я так и

поступил.

Когда мы миновали ручей и вошли в чащу, солнце село, но было ещё довольно светло не только в поле, но и в самом лесу.

Если читателю доводилось бывать на просторах Центральной России, то он, вероятно, помнит, насколько пленяюще-упоительны первые майские дни, когда устанавливается по-настоящему летняя погода и всё вокруг начинает зеленеть. Но не только благодаря тёплой погоде ценны такие дни. Ценность их, прежде всего, заключается в полном отсутствии мошек и комаров, которые, по-видимому, ещё не успели расплодиться после долгой зимы. Однако такие дни можно пересчитать по пальцам, и к концу первой недели мая они, как правило, становятся уже полноправными хозяевами леса, охотно атакующими первого встречного туриста.

Наш же с Настей поход выпал на самый конец прекрасного весеннего месяца, из чего нетрудно догадаться, что наша встреча с кровососущими владыками леса была неминуемой, тем более что в лес мы вошли после захода солнца, когда в отсутствии жары и ветра комары становятся особенно активны.

Жужжащие демоны облепили нас с головы до ног, они безжалостно вонзались в кожу своим хоботом, оставляя на теле всё больше и больше укусов. Мы били ладонями себя и друг друга, стараясь сбить кровососущих дьяволов, но на смену павшим тут же прилетали новые. Когда мы начинали отмахиваться, то выпускали из рук велосипеда, и они тотчас валились на землю. Тогда мы пробовали ехать на них, вместо того чтобы волочить за собой, но колёса то вязли в сырой земле, то натыкались на бесчисленные торчащие корни вековых сосен, а иногда мы и вовсе останавливались, не имея возможности забраться в горку. Тогда подстерегавшие нас огромные стаи комаров начинали атаковать с новой силой. Нам вновь приходилось брать велосипеды в руки и бежать прочь. Мы снова озлобленно хлопали по своим рукам и ногам, желая как можно больнее придавить кровососущих тварей, роняли велосипеды, останавливались, чтобы поднять их, и тогда подвергались новой ожесточённой осаде.

– Настя! – закричал я. – Предлагаю взять велосипеды и побежать изо всех сил, не останавливаясь для того, чтобы сбивать комаров. А иначе они нас съедят! Для нас главное – до открытого поля добежать: там их будет намного меньше.

Настя лишь молча кивнула, зубы её были намертво сжаты не столько от боли, вызванной укусами, сколько от гнева и одержимости уничтожить как можно больше кровопийц.

Мы, приложив титаническое усилие и проявив гигантское терпение, со всех ног побежали из леса, намертво вцепившись руками в велосипеды, позволяя тем самым наиболее ловким комарам зацепиться за нас и выпить нашей крови. Но всё же такая жертва позволила нам убежать от сотен других кровососущих, менее ловких и не способных поспеть за нами. Такой нестерпимо мучительный побег продолжался около десяти минут, после чего мы вынырнули из леса в открытое поле и, лишённые последних сил, повалились на землю. Тем не менее привал наш оказался коротким – комары и тут начали осаждать нас, и нам пришлось бежать дальше, чтобы выбраться из высокой травы на просёлочную дорогу, где мы могли бы сесть на велосипеды и разогнаться так сильно, что писклявые демоны никогда бы не поспели за нами.

Так или иначе, получив не один десяток укусов в самых разных местах, мы добрались до ровного участка земли, по которому можно было ехать на велосипеде.

Когда нам удалось добраться до железнодорожной платформы, было уже совсем темно; лишь скромная луна отбрасывала узкую полоску света на усталые рельсы. Мы не знали ни точного расписания, ни точного времени и поэтому опоздали на электричку буквально на пару минут. Ещё издали мы слышали гудок поезда, а вскоре увидели, как в сумрачной темноте от платформы удалялась светящаяся изнутри ядовито-жёлтым светом вереница вагонов. Когда мы достигли платформы и увидели расписание, то поняли, что только что упустили поезд «на двадцать два сорок три», а следующий будет проходить только в двадцать шесть минут первого ночи.

Мы присели на скамейку, чтобы отдышаться; после такого

изнурительного дня мы практически не чувствовали ног.

– Ну что, Ефим? Тебе, наверно, домой пора? – спросила меня Настя.

– Пора. Я обещал вернуться ещё к десяти.

– А почему не идёшь?

– Не оставлять же мне тебя здесь одну. Я дождусь электрички вместе с тобой.

– О боже! – воскликнула Настя и обхватила лицо руками.

– Я обещала родителям быть к девяти, а сама до сих пор тут и раньше часа ночи никак не появилась.

– Сильно тебя ругать будут? – поинтересовался я.

– Мама с папой, наверно, очень сильно волнуются и уже начали обзванивать всех моих друзей, – отчаянным голосом отвечала мне Настя. – Я даже не знаю, что они обо мне подумают! Я боюсь, что после такого они две недели не будут меня отпускать гулять.

Вместо ответа с моей стороны раздался громкий хлопок – я убил очередного комара. Они и здесь не переставали нас осаждать – платформа находилась прямо посреди густого леса. Однако очередной укус натолкнул меня на блестящую идею.

– Настя! – радостно воскликнул я.

Девочка невольно вздрогнула – мой радостный возглас для неё был явно неожиданным. Она посмотрела на меня глубоким вопросительным взглядом.

Тогда я принялся страстно излагать свой план:

– Поезд будет почти через два часа. Мы с тобой голодные и уже в немалой степени искусаны комарами, мы не сможем так долго высиживать на станции – эти твари выпьют всю нашу кровь, прежде чем приедет чёртова электричка! Кроме того, наши с тобой родители уже наверняка все изволновались. Я предлагаю вернуться ко мне в деревню – до неё всего пара километров. Оттуда мы позвоним тебе домой и скажем, что всё в порядке, что ты просто опоздала на электричку из-за сильного града. Уверен, твои родители всё поймут и не станут ругаться. Скажем им, что ты приедешь на последнем поезде и будешь дома около часа. Заодно перекусим у меня! Страсть как есть хочется! Да и я хоть родителям покажусь,

они отпускают меня проводить тебя. Ну, как тебе мой план?

– А у тебя дома что, есть телефон?

– Есть таксофон на улице, – ответил я и тут же прихлопнул очередного комара, злобно прокусившего мою икру. – Другого выхода у нас всё равно нет! Они нас сейчас сожрут.

– Ты прав! – охотно согласилась Настя. – Побежали скорее, я уже замёрзла тут сидеть. У меня самой всё уже чешется от этих кровопийц.

По лесенке, ведущей к платформе, мы спустили велосипеды и, ловко запрыгнув на них, помчали в сторону моей деревни.

Ночь стояла тихая и действительно холодная. Гулкий стрекот кузнечиков скорее не нарушал, а дополнял гармонию беззвучной ночи. Многочисленные ветви деревьев рвали слабый лунный свет, отбрасывая на землю свои устрашающие тени. Несчётные звёзды рассыпались по огромному небосводу, голубеющему на северо-западе и чернеющему на востоке. Казалось, лишь скрип наших велосипедов прерывал всеобщее безмолвие.

Когда мы въехали во двор и стали прислонять велосипеды к боковой стороне дома, изнутри послышались тяжёлые уверенные шаги – это отец услышал нас и поспешил выйти на крыльцо. Входная дверь распахнулась, и перед нами показался мой папа, в руке его была открытая книга, которую он, видимо, читал, когда со двора раздался шум.

– Ефим, это ты? Почему так поздно? – спросил он с присущим ему в таких ситуациях грозным выражением лица.

Затем он посмотрел в сторону Насти, бегло, но пристально окинул её взглядом и, не меняя выражения лица, добавил:

– Здравствуйте, барышня.

– Здравствуйте, – тихо и застенчиво ответила Настя.

Я рассказал отцу всё, что с нами произошло. Тогда он велел мне идти в дом, чтобы разогреть чай и разлить его в три кружки – для меня, для себя и для девочки. Сам же он вместе с Настей пошёл к таксофону, чтобы позвонить её родителям.

В момент, когда я уже наливал в одну из чашек свежую заварку, отец с Настей зашли на кухню.

– Сын, – обратился ко мне отец с всё тем же серьёзным

видом, – найди чистую сухую рубашку для девочки и покажи ей, где она может переодеться. Постели ей свежее бельё на своей кровати, сам сегодня будешь спать здесь, на диване. Мы с родителями Насти решили, что сегодня ей лучше переночевать у нас. Завтра днём поедешь вместе с ней – проводишь её до дома. Её родители хотят с тобой познакомиться. Я пообещал, что завтра к двум часам дня вы будете у них.

Едва я успел дослушать отца, как тотчас ринулся исполнять его приказание. Я постарался сохранить свой невозмутимый вид, но внутри у меня всё пылало от радости и восторга, ведь мне не нужно было расставаться с моей любимой, напротив, мы проведём вместе ещё почти целые сутки.

Отец выпил свой чай и ушёл спать, оставив нас одних. Мы ещё долго разговаривали шёпотом на кухне при выключенном свете, чтобы оставаться незамеченными. Настя ушла на цыпочках наверх, в мою комнату, уже далеко за полночь, а я остался на кухне и тотчас заснул самым сладким сном.

На следующий день мы прибыли к Настиным родителям ровно в два часа. Я испытывал сильное волнение перед встречей с ними, потому что хотел произвести наилучшее впечатление. Поэтому перед выходом из дома я засунул в рюкзак будильник, чтобы иметь возможность отслеживать время и явиться аккуратно в назначенный час.

Мы оставили велосипеды в подъезде, а сами поднялись по небольшой лестнице и оказались на пороге двери с номером двадцать шесть – квартиры Насти. Девочка нажала на дверной звонок, и я услышал глухие, по-видимому мужские шаги, которые становились всё более отчётливыми. Я натянул на лицо максимально приветливую улыбку, готовясь встретиться взглядом с отцом любимого мною прекрасного создания.

– Знаешь, зачем отец тебя пригласил сюда? – обратилась ко мне Настя.

Я растерянно покачал головой; мне казалось, что причина может быть только одна – родители юной девочки хотели познакомиться с её молодым человеком.

– Им любопытно посмотреть на мальчишку, из-за которого я вчера попала под град, промокла так сильно, что едва не простудилась, осталась вся в комариных укусах и так и не

смогла вернуться домой, – пояснила Настя с какой-то лукавой ухмылкой.

Тут же улыбка сошла с моих уст, как снег с крыши, лицо моё помрачнело; все эти слова, несмотря на игривый тон, с которыми они были произнесены, показались мне столь упрекающими, что я сам почувствовал себя глубоко виноватым во всех лишениях, которые довелось пережить Насте вчерашним днём.

Вдруг раздался щелчок – это Настин отец принялся отпирать дверь изнутри. Я тотчас вообразил, как он, открыв дверь, начнёт меня отчитывать за всё, во что я втянул его дочь; вид мой изобличил ещё большую безотрадность. Через мгновение дверь распахнулась, и я увидел крупного, упитанного, коротко стриженного мужчину с суровым, занимающим почти половину лица лбом, выразительными серыми глазами и немного нелепо выпирающими ушами.

– Заходите, ребята! – звонко произнёс пока ещё незнакомый мне человек.

Настя ловко проскочила вперёд меня, а я тихо зашёл вслед за ней робкими шагами, приковав свой взгляд к плитчатому полу.

– Ты, я так понимаю, Ефим? – спросил меня Настин отец и протянул мне руку.

Я растерянно протянул ему руку в ответ и тотчас ощутил на себе его крепкое, уверенное рукопожатие.

– Да, Ваша светлость, – тихо ответил я, не меняя своего потерянного взгляда.

Тут Настя и её отец сильно рассмеялись, и я понял, что произнёс какую-то немыслимую глупость.

– Ой! То есть сэр! Ой! Нет! В смысле гражданин! – продолжал лепетать я, задыхаясь от волнения и стыда; я никак не мог подобрать нужное обращение.

Отсмеявшись, отец Насти добродушно улыбнулся и, отпустив мою руку, сказал:

– Ты можешь называть меня Владислав Альбертович.

– Понял, – тихо ответил я, отводя стыдливый взгляд в сторону.

Отец Насти, увидев, как сильно я смутился от такой не-

ловкой ситуации, поспешил оставить нас наедине, предварительно показав, где можно помыть руки, и велел Насте проводить меня к столу.

Когда я вошёл на кухню, то обнаружил множество блюд, плотно расставленных на небольшом круглом столе. В самом центре возвышалась большая кастрюля с борщом, а по краям стояли тарелки, наполненные этим же супом. Моё внимание также привлекли корзина, наполненная аппетитно пахнущими пирожками, и изящная хрустальная ваза, доверху набитая конфетами в красивых синих обёртках. Своё место на столе также заняли тарелка с чёрным и белым хлебом и блюдце, на котором был веером разложен тонко нарезанный сыр. Картину дополняли симпатичный графин с компотом и бутылка красного вина. Сзади, на газовой плите виднелись горшочки, наполненные, судя по всему, картошкой с мясом и предназначавшиеся на второе. Словом, всё было готово к добротному, сытному обеду.

За столом сидели уже известные нам отец Насти и её бабушка, Михаил Сергеевич, а также молодая стройная женщина с красивыми синими глазами и длинными, как у Насти, светлыми волосами. Она, видимо, приходилась Насте мамой. Оставались два свободных стула, очевидно предназначенные для нас с Настей, которые мы поспешно заняли.

Мать Насти, Василиса Михайловна, оказалась на редкость внимательной и приятной в общении женщиной. Она много расспрашивала меня о моих увлечениях и интересах, а я с нескрываемой охотой отвечал ей, как с младенческих лет любил кататься на велосипеде и как часто мы любили гулять по деревне с друзьями, неизбежно натываясь на самые разнообразные приключения.

Затем в наш разговор вмешался отец Насти, что невольно вызвало во мне прежнее напряжение и ощущение неловкости. И хотя Владислав Альбертович общался в довольно дружелюбной для такого грозного мужчины манере, я ощущал какое-то необъяснимое смущение оттого, вероятно, что стал таким близким другом для его дочери, которая представлялась мне за этим обеденным столом прекрасной принцессой. Я же сам себе казался обыкновенным деревенским

дурачком, чавкающим супом и едва ли имевшим право на дружбу с такой прекрасной девочкой.

– А как ты, Ефимка, познакомился с Настей? – спросил меня Владислав Альбертович.

Такой вопрос несколько удивил меня.

– А разве Настя Вам ничего не рассказывала? – задал я ответный вопрос.

– Я хочу, чтобы ты рассказал.

– Что же, если Вам так угодно, то почему бы и нет. Это случилось в пятницу, двадцать четвёртого апреля, ровно месяц тому назад. Мы с друзьями проезжали на велосипедах мимо Можайска и остановились отдохнуть в старом сквере. Там мы увидели Настю; хулиганы обидели её любимого кота, и она была этим сильно расстроена. Тогда мы нашли Тимку и принесли его ей назад.

– Так, а что было дальше? – участливо поинтересовался Настин папа.

– Мы отправились на железную дорогу, чтобы отомстить обидчикам Насти.

– И как? Отомстили?

– Нет, тот самый парень, который обстрелял кота камнями, попал под поезд. Мы были в этом не виноваты.

– А в какой день недели, ты говоришь, это произошло?

– В пятницу, двадцать четвёртого апреля.

– Вы с друзьями, что же, школу прогуляли?

– Получается, так, – пробормотал я себе под нос.

– Так, так. Значит, дочь моя встречается со злым прогульщиком, – с задумчивым видом произнёс Владислав Альбертович, теребя себя за короткую бороду.

Услышав это, я тут же покраснел от стыда; хотя в словах моего собеседника не звучал упрёк, сам смысл произнесённой фразы поставил меня в неловкое положение.

Я понятия не имел, что мог ответить в своё оправдание, но, к счастью, или, как потом выяснилось, к несчастью, отец девочки задал мне новый вопрос:

– А как вы с Настей начали дружить?

– После нашей первой встречи я не видел её несколько дней, но не переставал о ней думать. Несколько раз я приез-

жал на весь день в надежде снова увидеть Настю.

– Ты продолжал приезжать сюда вместо того, чтобы ходить на уроки? – переспросил меня Владислав Альбертович и впился в меня строгим взглядом.

Я непроизвольно вздрогнул от его давящего взора.

– Нет, это были майские праздники. Я лишь отпрашивался у родителей с работ в огороде, чтобы приезжать сюда, в Можайск, – поспешил я себя оправдать.

– И как твои родители относились к столь дальним поездкам?

– Я не говорил им, что еду в Можайск, а говорил лишь, что буду кататься по окрестностям с друзьями.

– Ого! – воскликнул Настин папа. – Ты не только отлынивал от того, чтобы помогать родителям в саду, ты им ещё и врал. Интересный ты паренёк, Ефимка.

Эти слова стали для меня новым ударом по репутации доброго надёжного друга. Я весь сжался, мне стало ещё противнее от самого себя, описанного в таком свете.

– Но вместо моей дочери, – продолжал Настин отец, – ты встретил её дедушку, так?

– Так, – безучастно пробормотал я.

– И он сказал прийти тебе на следующий день?

– Да, и тогда я, наконец, встретил Настю.

– Именно так! – восторженно отвечал мой собеседник. – А на следующий день вы пошли кататься на велосипедах, и, чтобы достать Настин велосипед, ты вынудил её лезть домой через форточку, рискуя упасть и что-нибудь себе сломать.

В этот миг стыд мой сменился негодованием; мне было крайне неприятно, что Настин отец трактовал все мои действия в такой предвзятой манере.

Сквозь сжатые зубы я проговорил:

– Сначала я сам, разумеется, попытался пролезть через форточку, но не смог – она оказалась для меня слишком узкой.

– Интересно, что ваше первое свидание началось с того, что ты пытался пробраться в наш дом и забрать оттуда велосипед, – с нескрываемым лукавством втапывал в землю моё оправдание Настин папа.

Я снова потупил взгляд в стол; я не знал, что мог ответить в данной ситуации, чтобы отец Насти прекратил, наконец, выставлять меня в таком дурном свете.

Но он снова опередил меня и, прежде чем я успел что-либо сообщить, добавил:

– А вчера благодаря тебе моя дочь попала под град и не смогла вернуться домой, тем самым заставив нас с её мамой сильно волноваться.

Последнее заявление совсем добило моё самолюбие, лицо моё горело, к горлу подступил горький ком, а глаза потяжелели от собиравшихся в них слёз. Я не понимал, зачем Настин отец так жестоко стыдил меня; недоумевал, зачем меня пригласили на такой вкусный обед, если видели во мне такого плохого во всех смыслах человека.

Я уже был готов вскочить и побежать прочь, закрыв лицо руками, как вдруг отец Насти крепко, но мягко сжал мою руку и заговорил с добродушной улыбкой:

– Ефим, я вижу, что ты хороший парень. Не бери в голову всё то, что я тебе наговорил. Я лишь хотел проверить, насколько ты уверен в себе и как ты способен отстаивать свою точку зрения. Никогда никому не позволяй себя пристыдить, если ты уверен в правильности своих действий. Ты ни разу не сделал ничего плохого моей дочери, напротив, ты надёжный друг, на которого Настя может положиться.

– Вы действительно так считаете? – переспросил я с лицом, преисполненным удивления, словно вовсе не верил тому, что слышал.

– Посуди сам, Ефим, – отвечал мне Владислав Альбертович. – Ты и твои друзья оказались рядом, когда Насте была нужна помощь. Вы без колебаний согласились помочь ей, вы нашли и принесли ей кота, а потом не побоялись лично отправиться в логово хулиганов, которые были значительно сильнее вас, хотя бы за счёт численного превосходства. Твоё нечеловеческое упорство, с которым ты снова и снова приезжал в сквер и ждал встречи с Настей целыми днями под палящим солнцем, позволило тебе её снова увидеть. Твоя изобретательность и смекалка оказались очень кстати, когда Настя по своей невнимательности забыла ключи от квартиры

и не смогла бы попасть домой без твоей помощи. Наконец, вчера твоя искренняя любовь и ответственность за своего друга помогли не допустить того, чтобы с Настей что-нибудь случилось. Ты был с ней рядом, когда начался ураган, и не позволил ей впасть в отчаяние и попасть в беду. Ефим, я искренне рад, что у моей любимой дочери есть такой замечательный друг, как ты.

Не успел Владислав Альбертович договорить до конца, как к лицу моему вновь прилила кровь, и оно сделалось красным, как помидор. Но на сей раз я испытывал не горький стыд, а неловкое смущение от такого шквала похвал в мою сторону. Я хотел пробормотать в ответ что-нибудь способное выразить мою благодарность, но в этот самый момент отец Насти потянулся к плите за горшочком с жарким.

– Вот и второе на подходе! – радостно сказал он, глядя на аппетитное блюдо. – Держи, Ефимка, тебе самое поджаристое.

С этими словами он одной рукой убрал со стола мою пустую тарелку из-под супа, а другой при помощи ухвата ловко поставил передо мной горшочек со вторым.

– Приятного аппетита, – добавил он и принялся расставлять остальные горшки на стол, так как был ближе всех к плите, на которой они ждали своего часа.

– Спасибо! – громко ответил я и выразил в этом слове благодарность и за поданное блюдо, и за откровенное доверие, которое, как оказалось, выражал мне отец Насти.

Когда мы закончили обедать, я поспешил проститься с Настей и её родными, потому что дома меня, как и Настю, ждали несделанные уроки.

Прежде чем поехать домой, я решил заехать в известный читателю столь многозначительный сквер, чтобы передохнуть на свежем воздухе после такого сытного обеда. Я испытывал радостное волнение и трепет оттого, что мне довелось пережить за последние два дня. Теперь наше с Настей попадание под град и изнурительный побег от комаров казались мне скорее забавным приключением, нежели какими-то страшными муками. А наш необычный разговор с Владиславом Альбертовичем в итоге ещё больше убедил меня в том,

что я был достойным другом для прекрасной девочки, ведь теперь так считал её отец, слово которого было священо.

Домой я вернулся в прекрасном настроении, воодушевлённый интереснейшим знакомством с родными Насти, которые в конце концов показались мне наизамечательнейшими людьми.

Глава одиннадцатая

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВАНИ

Последний день весны, тридцать первое мая, был для нас особенной датой – в это самое время праздновал свой день рождения Ваня. Мы с Валерой были всегда в числе приглашённых на праздник.

По принятой ещё с самого детства традиции мы отмечали Ванин день рождения в его просторном двухэтажном деревянном доме большой компанией: вместе собирались его родные и друзья, которые довольно часто приходили со своими родителями, имеющими дружеские отношения с семьёй именинника.

Как правило, празднование начиналось с того, что все гости садились за большой стол, ломившийся от бесчисленных угощений, и поздравляли мальчика, дарили ему подарки.

Позже мы собирались и уходили играть на улицу, а нередко и вовсе убегали в деревню, в то время как взрослые обсуждали за столом свои житейские проблемы, вспоминали своё детство, что, вероятно, было неминуемо на детском празднике, после чего переходили к обсуждению политики. Всё это сопровождалось и подкреплялось употреблением разумного объёма разных алкогольных напитков, градус которых увеличивался с уменьшением уличной температуры: в особо жаркие дни пили квас, пиво и шампанское, в дни попрохладнее – вино, а когда погода выдавалась совсем ненастной, позитивное настроение подогревалось при помощи коньяка или водки. Но какими бы ни были подаваемые к столу напитки, ужин всегда заканчивался парными танцами

под музыку из магнитофона. Кроме того, последний день весны крайне редко огорчал нас ненастной погодой, поэтому всеобщее застолье изначально переносилось в сад и первое время сопровождалось приятным треском дров, доносившимся из мангала, на котором ближе к середине праздника готовилась большая партия шашлыка на всех гостей.

Таким образом, мы с размахом совмещали день рождения нашего друга с празднованием окончания учебного года и наступления долгожданного лета. На сей раз Ване исполнилось четырнадцать лет, поэтому он ещё за несколько недель до праздника сказал нам, что в честь такой особенной даты родители разрешат ему и всем его друзьям, чьи родители не будут против, выпить по небольшому бокалу хорошего светлого пива.

В этот раз я хотел разделить празднование дня рождения моего друга с моей любимой Анастасией, поэтому спросил у Вани, не будет ли он против, если я явлюсь к празднику вместе с ней.

Я ездил к Насте в Можайск за два дня до Ваниного дня рождения; именно тогда я пригласил её на праздник от своего лица и лица Вани, на что Настя дала решительно положительный ответ. На этот раз мы договорились, что Настя сама приедет из города на электричке с тем лишь условием, что я встречу её на платформе.

Как и практически каждый год, последний день мая выдался погожим, а значит, нас ожидал отличный праздник на свежем воздухе.

Я явился на платформу в оговоренный нами с Настей час и встретил её; она была по-праздничному одета в белую блузку, красивую причёску её поддерживал изящный бежевый бантик, а её стройную фигуру подчёркивала идеально сидевшая на ней юбка.

– Ого! Ты опять на велосипеде, Ефим? – удивлённо спросила меня девочка после того, как мы поприветствовали друг друга.

Я и впрямь прихватил с собой велосипед, он стоял на платформе рядом со мной.

– Да, – ответил я, – до Ванькиного дома идти пешком ки-

лометра три с половиной, давай я лучше тебя подвезу.

Настя слегка брезгливо пожала плечами, глядя на жёсткий, местами покрытый ржавчиной багажник велосипеда, на котором ей предстояло добираться до пиршества, но, когда мы сошли с платформы, она всё же аккуратно села на него.

Ехать нам пришлось по типичным русским деревенским ухабам, так что первые несколько минут Настя сидела, стиснув зубы, затем она украдкой ругалась на особо въедливых кочках, после чего ругательства её становились отчётливее и выразительнее, а в конце концов она и вовсе отказалась быть моей пассажиркой.

– Ефим, да стой же ты! Я так больше не могу! У меня уже попа вся болит! Тормози! Пошли пешком! – это были её последние слова перед тем, как мы оба сделались пешеходами.

Что ж, делать было нечего, прихоть прекрасной принцессы, тем более весьма объективная, была священным законом, нарушить который мог только самый последний негодяй. Я остановился и позволил Насте слезть, после чего слез сам, и мы пошли неторопливым шагом по просёлочной дороге под палящим солнцем, словно путники в сухой горячей пустыне. Благо нам оставалось преодолеть едва ли более километра.

По шуму, который издавали многочисленные беспорядочные детские и взрослые голоса, можно было без труда догадаться о точном местоположении праздника ещё на приличном расстоянии от Ваниного дома. Когда мы всё же достигли этого дома, то я услышал уже отчётливые знакомые голоса моих друзей, собравшихся в этот день у именинника. Голоса доносились с заднего двора, где размещался красивый сад, за которым бережно ухаживала Ванина мама, и где, по видимому, сегодня и был праздник.

Мы с Настей оставили велосипед прислонённым к деревянному забору, огораживающему участок Чубилиных – семьи Вани, а сами зашли внутрь через приветливо открытую калитку.

Оказавшись на заднем дворе, мы увидели большую толпу гостей вовсе не знакомых Насте, отчего лицо её приняло смущённое выражение. Я заметил это и, улыбнувшись ей, поспешил мягко взять её за руку.

– Не волнуйся, Настя, – сказал я. – Тут много замечательных ребят, которые тебе понравятся. Я тебя со всеми познакомлю.

В толпе замелькал розовый колпак и стремительно направился в нашу сторону. Вскоре под колпаком мы увидели лицо Вани, излучавшее добродушную приветливую улыбку.

– Привет, ребята! – воскликнул он, выйдя из толпы, и тотчас подошёл к нам.

Ваня пожал мне руку и ласково обнял Настю, после чего сказал ей каким-то особенно сладким голосом:

– Привет, Настя! Рад снова увидеть тебя. Как поживает твой любимый кот Тимофей?

– Я тоже рада тебя видеть, Ваня. Тимка – хорошо. Я частенько встречаю его на улице, – ответила Настя, слегка скривив губы в смущённую улыбку от такого неожиданно тёплого приветствия со стороны Вани.

– С днём рождения тебя, дружище! – сказал я, обращаясь к Ване.

– Да, прими наши искренние поздравления! – тут же подхватила Настя.

– Спасибо, ребята! Спасибо большое, – ответил Ваня и, схватив нас за руки, повёл к остальным гостям. – Идёмте к столу!

Среди гостей мы увидели Валерку, чей высокий рост и плотная комплекция выделяли его среди остальных ребят. Мы тепло поприветствовали его. Встреча с Настей была для него очень приятной неожиданностью, и он тоже, не колеблясь, по-дружески тепло обнял мою прелестную спутницу.

Праздник протекал действительно весело. По случаю четырнадцатилетия Вани собралось больше гостей, чем обычно. Кроме нас с Настей и Валеры пришли Мишка с Дашей, та самая Катя, которая жила напротив Вани и по-соседски одаривала его решёнными домашними заданиями, ещё двое наших одноклассников – Витька и Федя, а также немного чудной прыщавый паренёк невысокого роста Илюха, которого я видел впервые. Это был какой-то старый приятель Вани из другой деревни.

Первыми подарок Ване вручили его родители. Это были

хорошие, довольно дорогие на вид кроссовки. Затем последовала очередь его бабушки с дедушкой, которые подарили ему конверт с деньгами. Мы же со всеми ребятами на сей раз решили скинуться и подарить Ване скейтборд, который ему торжественно вручил Валера. Именно он был ответственным за хранение и доставку подарка. Только Илюха не был ни с кем из нас знаком и поэтому купил Ване отдельный подарок – туристический нож со встроенными ножницами, отвёрткой и штопором. Это был достойный подарок, но настоящим сюрпризом, от которого у Вани поистине захватило дух, оказался всё-таки наш скейтборд, за которым Валера с Витькой сами ездили в Москву.

– Ого! Вот это вы даёте, ребята! – воскликнул Ваня, едва только взял в руки наш подарок. – Всегда о таком мечтал. Да только где же я кататься на нём буду по нашей деревне?

– Как где кататься? – удивился Мишка. – Да где хочешь, там и катайся!

– Так для него ровный асфальт нужен, – заметил Ваня, – далеко ли на нём уедешь по нашим-то ухабам.

– Да вон школьный двор же асфальтирован. Там и будешь кататься, – предложил я.

– Действительно! – подхватил Валера. – Хоть в школу почаще ходить станешь.

Мы дружно посмеялись над ироническим замечанием Валеры, но стоит отметить, что оно не имело реального основания, поскольку Ваня всё-таки не слыл прогульщиком.

После нашей небольшой юмористической паузы последовала очередь вручать подарок родителей Миши и Даши, которые также пришли на праздник. Они подарили ему довольно модную бежевую кепку. Родители Кати вручили имениннику красочную книгу о военной технике двадцатого века, а последним поздравлял Ваню Федин отец, который подарил ему яркую красную футболку. Мои родители и родители Витьки не пришли, так как не были знакомы с семьёй Вани. По той же причине на празднике не было родителей Насти и Илюхи.

В разгар праздника на горизонте стали скапливаться облака, которые постепенно образовывали довольно увесистую

тучу. Мне показалось, что эта туча движется в нашу сторону, и я стал опасаться, что она принесёт с собой дождь. Тогда я решил сходить за велосипедом, чтобы принести его и поставить на веранду под крышу.

Я встал из-за стола и тихонько, не привлекая к себе внимания, направился к велосипеду. Однако, когда я вышел за калитку, железного друга я не обнаружил. Я пристально посмотрел в обе стороны улицы – его нигде не было видно. Тогда я подумал, что Ванькины родители могли убрать его под крышу ещё до начала застолья. Я направился к веранде, но и там велосипеда не было. Тогда я насторожился: куда мог исчезнуть мой ретивый конь?

Я пробежался по небольшому участку, заглянул в приоткрытый сарай, оббежал вокруг бани, но велосипеда нигде не было. Сердце моё забилося быстрыми решительными ударами от нахлынувшей тревоги. Я ринулся бежать назад ко всем, чтобы спросить у ребят, кто и когда видел мой велосипед последний раз.

– Где ты был, Ефим? – спросил меня Валерка, который весь праздник сидел рядом со мной, едва я успел вернуться к столу.

– Беда, Валера, – тихо шепнул я ему.

– Что такое? – с таким же шёпотом переспросил он.

– Давай отойдём, скажу чего, – ответил я и вновь встал из-за стола.

Я направился в сад, Валерка пошёл вслед за мной.

– Ну? Что стряслось-то? – снова спросил меня Валера уже обычным голосом, когда мы отошли подальше в безлюдный сад. – С родителями, что ли, чего случилось?

– Да неет, – протяжно проговорил я с брезгливо-удивлённым видом, так как совсем не понимал, почему Валера подумал о чём-то подобном.

– А что тогда? Ну же! Не тяни! – потребовал Валера.

– Да велосипед, по ходу, пропал. Там, где я оставил его около калитки, его нет. Я весь участок оббежал – нигде нет. Я думаю, может, украл кто.

– Да полно, – возразил Валера, – кто может в этой глуши что-то украсть? Здесь все всех знают, все свои. Может, Вань-

кины родители в дом поставили его?

– Думаешь? – недоверчиво переспросил я.

– А чего тут думать? Пойдём и спросим у них.

– Хорошо, пойдём. Я просто сначала с тобой решил посоветоваться.

Мы побежали назад к столу, за которым продолжал кипеть шумный праздник. Подойдя к отцу Вани, громко разговаривавшему с гостями и не замечавшему нас, мы одёрнули его за руку. Он уставился на нас ожидающим рассеянным взглядом, по лицу его было видно, что он уже немного пьян.

– Чего хотели, ребята? – обратился он к нам.

– Артём Никифорович, – начал я изъясняться, – вы мой велосипед нигде не видели? Что-то я его найти не могу.

– Велосипед?! – удивлённо воскликнул Ванин папа. – Нет, не видел. А где он?

– Мы у вас хотели узнать, – пояснил я.

– Ничего не видел, ребята. Скажите, если найдёте. Выпейте с нами, – добавил Артём Никифорович и замахал бутылкой коньяка.

– Артём! Ты чего? Какое выпейте? Они же дети. Давай лучше мы с тобой ещё по маленькой, – произнёс не менее пьяным голосом дед Вани, сидящий за столом напротив его отца, и тут же принялся разливать коньяк по стопкам, выхватив его у сына.

Было ясно, что, будучи в таком состоянии, взрослые едва ли смогут нам помочь. Но, несмотря на то что отец Вани был пьян, слова его звучали уверенно, было понятно, что мой велосипед действительно не попадался ему на глаза. Тогда мы с Валерой отошли в сторону, чтобы ещё раз посоветоваться.

– Что думаешь обо всём этом? – обратился я к нему, ожидая услышать в ответ какое-нибудь дельное предложение.

– Ума не приложу, куда он мог пропасть, – ответил Валера, передёрнув плечами. – Ну не могли же его и впрямь стащить?

– Да отчего же не могли? Могли! – воскликнул я и тут же снизил голос, чтобы не привлекать к нам внимание гостей. – Мы все за домом сидели, нас куча народу, все шумят. Мы бы не услышали, если бы кто-то подкрался к калитке и тихо увёз

велосипед. Чёрт, да что там! Даже если бы мимо проезжал грузовик или трактор, мы и то могли не услышать или не придать этому значения.

Дыхание моё участилось и стало тяжёлым, я смотрел на Валерку снизу вверх взглядом, полным сильной тревоги и ужаса, и наивно ждал от него какого-нибудь спасительного волшебного ответа.

Должен заметить, что я любил свой велосипед ничуть не меньше, чем Чертопханов любил своего Малек-Аделя, и поэтому волнение моё было оправданным, ведь я фактически потерял друга, которого, возможно, жестоко похитили у меня из-под носа.

– Да кто мог украсть-то? – с недоумением спрашивал меня Валерка. – Мы же тут всех знаем, и нас все знают.

– Всех, да не всех! Тут вон сколько в округе деревень разных. Там-то мы далеко не всех знаем. Мало ли, какая шпана нагрянула к нам оттуда.

Лицо Валеры из безучастно-недоумевающего сделалось серьёзно-задумчивым.

– Так, и что ты предлагаешь? – спросил он меня.

– Давай возьмём ребят – Мишку, Федю и Витьку, – предложил я, – оббежим соседние деревни и эту прочешем сперва. Может, кто-то что-то видел или слышал, кто-то что-то знает.

– А Ваньку брать не будем? – захотел уточнить Валера.

– Да у него праздник всё-таки. Не хочется как-то портить ему настроение. Скажем, что нам впятером надо сбегать к Витьке, помочь его отцу доски перетаскать. Они там как раз баню начали строить. Если всё будет удачно, то мы быстро обернёмся – гости ещё не успеют разойтись.

Валера согласился с моим планом, и мы тут же ринулись его исполнять. Сначала мы подбежали к Вите, а затем к Мишке с Федей, и все вместе отошли от праздничного стола. Мы с Валерой объяснили им ситуацию, и ребята тотчас согласились нам помочь. Мы решили, что лучше никому не говорить о пропаже велосипеда и о нашем намерении отправиться на его поиски. Это и впрямь могло поднять переполох и сорвать праздник.

Вернувшись к столу, мы уже не стали занимать своих мест. Я, Валера, Миша и Федя подождали в стороне, пока Витя пошёл разговаривать с виновником торжества.

– Ребята, что вы всё время куда-то бегаєте? – спросил Ваня, метко окинув всех любопытным взглядом. – Садитесь за стол, сейчас будут торт подавать!

– Вань, тут такое дело, – начал Витя. – Я сегодня бате обещал доски перетащить от верстака к бане. Один я там и до ночи не управлюсь. Я украду ребят помочь? Впятером мы быстро всю работу сделаем и через час-другой обернёмся.

– Так давайте и я помогу! – воскликнул Ваня. – Вшестером мы ещё быстрее управимся.

– Нет, – мягко возразил Витя, – ты сегодня именинник – тебе надо гостей развлекать.

– Тоже верно, – задумчиво ответил Ваня, потупив глубокий взгляд, словно случайно озвучил возникшую у него в голове мысль.

– Ребята, а можно я с вами пойду, – обратился вдруг к нам Илюха.

«Чёрт, мелюзга прыщавый! Ты-то куда? Только тебя нам не хватало», – подумал я.

– А что? – воодушевился тем временем Ваня. – Действительно! Берите его с собой. В двенадцать рук в два счёта управитесь.

– Да мы так тебя тут совсем одного оставим, всех гостей твоих украдём, – попытался я возразить имениннику.

– Да ладно, Ефим! – ответил Ваня. – Катя с Дашей тут и Настя твоя – есть с кем пообщаться.

Такому положению Вани и впрямь было бы крайне трудно не позавидовать: мы оставляли его в обществе трёх очаровательных дам.

– Тогда бежим с нами – обратился я к Илье, – да только не отставай.

Последние слова я произнёс, глядя на него каким-то недоверчиво-презрительным взглядом, его присутствие явно было лишним, поскольку теперь нам в любом случае необходимо было посвятить его в наш план.

Мы разделились на тройки и побежали в разные концы

деревни искать велосипед. Со мной были Валера и Илья, а в другую сторону отправились Миша, Федя и Витя. Мы условились, что встретимся в центре деревни около тополя. Этот тополь знали все. Услышав выражение «у тополя», каждый понимал, про какое место шла речь. Он рос прямо возле дороги, и проезжающие мимо машины постоянно задевали о ветки; иной раз на лобовом стекле могла и вовсе остаться царапина. Однако никто за многие годы так и не удосужился спилить это дерево или хотя бы обрезать выступающие на проезжую часть ветки.

Мы с Валерой и Илюхой бегло осмотрели отведённую нам часть посёлка, но так и не нашли велосипеда. Мы поспрашивали людей, работавших в огородах, – никто ничего не видел. Тогда мы поспешили к тополю, чтобы соединиться с остальными ребятами и решить, что делать дальше.

К назначенному месту мы пришли первыми, но вскоре заметили, как по центральной улице к нам бежали остальные ребята. Мы ринулись им навстречу.

– Ефим! – запыхаясь, кричал Витька. – Вёлика нигде нет, но один мужик сказал нам, что видел человека на велосипеде.

– Что за мужик? Что за человек? Куда он двигался? Это был мой велосипед? – не терпелось мне получить ответы на все эти вопросы.

Витька не отвечал, он согнулся, опёршись руками на колени, и пытался отдышаться. Федя с Мишей тоже задыхались от длительного быстрого бега.

Восстановив дыхание, Витька плюхнулся на землю, посмотрел на меня и, шурясь от солнца, начал говорить:

– Да мужик машину во дворе ремонтирует. Он толком даже не видел, кто проезжал, потому что под колымагой своей лежал. Сказал лишь, что слышал такой звук, будто на велосипеде кто-то проехал.

– А направление? Он сказал, куда ехали? – продолжал я допрашивать Витьку.

– Он не был уверен, но, судя по звуку, вон в ту сторону, – пояснил Витя и показал своим толстым пальцем туда, откуда они с ребятами прибежали.

– В той стороне у нас Пестриково, – ответил я, – дотуда

километра два с половиной пешком идти.

– Если бегом, то за двадцать минут точно успеем, – вдруг встрял в диалог Илюха.

– Других зацепок у нас так и так нет, – заключил Федя. – Побежали!

Федя был абсолютно прав, и нам ничего не оставалось, кроме как бежать в Пестриково в надежде уж если не найти там мой велосипед, то хотя бы что-нибудь разузнать о краже. Мы прошли пешком несколько минут, чтобы до конца отдышаться, после чего перешли на бег.

Лично я не очень хорошо знал село, в которое мы направлялись, как, вероятно, и все остальные ребята, кроме Мишки. Кроме Мишки, который жил там с рождения и мог знать, у кого лучше всего было расспросить о случившемся.

Через двадцать минут мы прибыли в деревню. На сей раз мы поделились следующим образом: Миша вместе с Федей пошёл опрашивать своих знакомых, Илюха с Витей побежали в противоположный конец деревни, чтобы начать поиск оттуда, а мы с Валерой стали тщательно обходить вокруг каждого участка, но пока безрезультатно.

Где-то через полчаса или чуть меньше к нам подбежали Илья и Витя. Лица их были взволнованны.

– Нашли! – воскликнул Витя.

– Где? – с ярим любопытством спросил я.

– Илюха постарался. Мы шли мимо какого-то странного участка. Он весь порос травой. Там был сарай, а вокруг него куча разобранных велосипедов – рамы, колёса, подседельные штыри, покрышки, звёзды раскиданы – словом, страшный беспорядок. Но твоего велосипеда вроде как нету. Ну я и говорю Илюхе, что, мол, нечего нам тут ловить. А он: «Что-то здесь не так». В дырку в заборе прошмыгнул и в сарай. Через минуту выскочил. Говорит, два велосипеда там стоит. Оба описал, один на твой похож: чёрного цвета с багажником, местами ржавчина, на руле Георгиевская ленточка.

– Это он! – воскликнул я, дрожа от волнения. – Надо его оттуда забрать! Бежим скорее!

Мы ринулись спасать мой велосипед. По пути мы встретили Мишку с Федей, и Витька рассказал им всё, что не-

сколько минут назад поведал нам с Валерой.

– Беда! – многозначительно качая головой, сказал Миша. – Я знаю этот дом. Это дом Кучиных. Там три подростка живут – три брата. Старшему на днях восемнадцать стукнуло, двум другим – по шестнадцать. У них отец на Севере работает – по полгода дома не бывает. Мать пьёт сильно, себя не помнит. Они постоянно какую-то технику воруют, то и дело таскают какие-то детали, запчасти – словом, железяки всякие. Всё это они на металлолом за гроши отвозят или соберут что-нибудь путное и продают, если повезёт. Вот, по ходу, и велосипеды по их части.

– Надо нам мой велосипед забрать! – настоял я.

– Ты его так лихо через дырку в заборе не вынешь, – возразил Мишка, – мы там будь здоров нашумим. Заметят – поколотят нас всех.

– Да брось! – вмешался Валера. – Нас шестеро, а их трое. Ещё кто кого поколотит!

– А может, лучше в милицию? – предложил Илюха.

– Эх, – усмехнулся Мишка и махнул рукой. – Какая тут милиция? Один участковый на всю округу, и тот алкаш пропитый. Да и сегодня воскресенье – он на рыбалке где-то со своими дружками.

– Вы как хотите, пацаны, а я велик не оставлю тут и без него не уйду, – обратился я ко всем. – Если не хотите с этими мародёрами дел иметь, я вас не держу – можете идти. Я не обижусь. Покажи только, Витька, где сарай этот, и возвращайтесь к Ваньке на праздник, а я вас догоню, если эти ублюдки ноги мне не переломают.

– Ну, Ефимка, я сейчас сам обижусь, – отрезал Валерка. – Ишь чего, не держит он никого! Видали? Ты за кого нас принимаешь? За подстилок каких-то? Мы все с тобой останемся и никуда не уйдём, пока ты свой велик назад не получишь. Так, парни?

– Так! Да! Верно! Само собой! – посыпались голоса ребят.

– Веди нас, – обратился Валерка к Витьке.

– Спасибо, ребята! – воскликнул я, восхищённый преданностью своих друзей.

Вскоре мы были возле той самой дырки в заборе. Участок

Кучиных представлял из себя пол-акра земли, огороженной гнилым деревянным забором. Внутри всё поросло высокой, насколько она могла вырасти до лета, травой. На заднем дворе, выходявшем к опушке леса, размещался ветхий сарай. Вокруг него были разбросаны ржавые трубы, велосипедные и автомобильные колёса и другие запчасти, а также непонятные грязные куски металла. Взгляд также привлекала старая, с выбитым стеклом дверь от «копейки», валявшаяся на какой-то каменной плите. Спереди участка, фасадом к деревне, стояла ветхая избушка, покрашенная когда-то в благородный оттенок голубого цвета, но краска уже давно выгорела. Над чёрной крышей дома возвышалась ржавая дымовая труба. На участке никого не было видно.

– Ребята, я полезу в дырку, а вы оставайтесь тут. Нечего нам лезть вшестером, – предложил я. – Хотя пусть со мной ещё один пролезет для подстраховки.

– Давай я полезу! – охотно вызвался Илья.

Я не стал отказывать пареньку, который теперь заслужил моё доверие и благодаря которому вообще был найден мой велосипед. Пока я лез в сарай за велосипедом, Илья аккуратно побежал к дому, чтобы посмотреть, есть ли там кто. Когда я вышел из сарая с моим велосипедом, который, к счастью, был цел и невредим, Илья сделал мне знак, что путь свободен и я могу выйти через калитку. Видимо, подлые сорванцы куда-то ушли, оставив сворованный велосипед без надлежащего надзора, что оказалась нам на руку. Мы прошли через калитку и, обогнув пол-участка вдоль забора, вернулись к ребятам.

– Ну, Ефимка, поздравляю! – торжественно заявил Мишка. – Ты вернул то, что по праву принадлежит тебе, не пролив своей крови. В случае с этими ублюдками это большая удача.

– Да, будем надеяться, что они снова его не сопрут как-нибудь, – сыронизировал Витька и усмехнулся.

Ребята тоже захихикали, да и у меня самого это заявление вызвало улыбку, но вдруг лицо моё сделалось грозным и хмурым – я понял, что в этой наивной шутке была лишь доля шутки.

– Что-то не так? – спросил меня Валера, заметив резкую

перемену моего настроения.

– Да они ведь и впрямь могут снова заявиться к нам в деревню. Я так не смогу спокойно спать по ночам. Надо этих гадов проучить, – решительно настоял я.

– Как ты предлагаешь это сделать? – заинтересовался Валера.

– Даже не знаю. Спички есть у кого?

– Что ты задумал? – с тревогой воскликнул Федя.

– Их чёртова избёнка на отшибе. Оглянитесь вокруг – тут рядом никого нет, – пояснил я. – Хозяев тоже дома нет. Мы тут совсем одни, и нас никто не видит. Спалим их чёртов сарай – будут знать.

– А не слишком ли жестоко? Не влетит нам потом? – засомневался Витька.

– Да в самый раз! Поделом им! – поддержал меня Валера. – Будут знать, как чужое брать. А нас никто не найдёт.

С этими словами Валера стал шарить по карманам и достал коробок спичек.

– Вот, – сказал он, – как раз ими дрова для шашлыка сегодня поджигали.

Мы все вшестером пролезли на участок и стали внимательно оглядывать землю в поисках чего-нибудь, из чего можно было бы разжечь огонь. К счастью, нам попало не что-нибудь, а полканистры бензина. Её нашёл Миша.

– Пацаны, смотрите! – крикнул он, когда поднял её с земли, и звонко затряс ею, пытаясь понять, насколько она была заполнена.

Мы с Валерой первыми подлетели к нему, осознав, как крупно нам повезло.

– Ты думаешь о том же, о чём и я? – обратился я к Валере, глядя на него нездорово радостными глазами.

– Сейчас мы устроим тут огонёк, – лукаво ответил Валера, выхватывая канистру из рук Мишки.

Валера ловко равномерно полил весь сарай из канистры так, что создалось впечатление, будто он делал подобное уже далеко не в первый раз. Затем он взял немного сухой травы с земли и, сделав из неё комок, плотно прижал его к сараю, после чего чиркнул спичкой о коробок и бросил её в это сено.

Вмиг пламя охватило сначала сухую траву, а затем поползло во все стороны по ветхому сараю. Я тотчас забежал внутрь.

– С ума сошёл? Ты что делаешь? – закричали ребята.

Через мгновение я выскочил со вторым велосипедом и с наивной улыбкой пояснил свои действия:

– Это, наверно, тоже краденый велосипед. Он не должен сгореть.

Я прокатил велосипед подальше от сарая так, чтобы его наверняка не обхватило пламя.

– Надо бежать! – воскликнул Илья.

– У нас ещё есть минута, – ответил я.

– Что ты задумал? – обратился ко мне Мишка.

– Надо, чтобы эти остолопы догадались, почему же сгорел их чудесный сарай, – ответил я. – Валера, у тебя же есть нож?

Валера молча протянул мне нож с ожидающим взглядом – ему, как и всем, не терпелось узнать, что я задумал.

Я схватил нож и насколько мог шустро нацарапал на старой двери от машины: «а нечего чужое воровать, сволочи безмозглые». После этого я вернул нож Валере, и мы со всех ног ринулись бежать в лес, откуда вышли на дорогу обратно в Сосновку, минуя Пестриково.

Мы часто оглядывались, потому что опасались погони. Но за нами никто не гнался, в то время как устроенные нами пламя и дым были отчётливо видны. День выдался жаркий, и огонь чувствовал себя всевластным, стремительно пожирая сухое дерево. Та туча, которой я опасался днём, ушла куда-то в сторону, и небо оставалось абсолютно чистым. Когда деревня скрылась из виду и мы порядком устали, мы перешли на шаг.

Ребята шли чуть впереди нас с Валерой, а мы оставались замыкающими и чаще других оглядывались назад, так как были основными виновниками пожара.

– Видишь, Ефим, – обратился ко мне Валера, – ты вот палатку однажды украл, а теперь и у тебя украли дорожную тебе вещь. Вот оно как в жизни бывает!

Я ухмыльнулся. Замечание Валеры не отдавало нравоучениями, а было весьма любопытным.

– Ну, теперь главное, чтобы мой сарай никто не сжёг, –

отшутился я.

Всю оставшуюся дорогу мы шли молча, время от времени оборачиваясь назад.

Слухи по деревне разносятся быстро. Через несколько дней я узнал от родителей, что у Кучиных сгорел весь участок вместе с домом. Видимо, ветер перенёс по сухой траве пламя прямо на избу. Когда это произошло, никого не было внутри. Милиция не стала проводить никакого расследования, они сочли, что всё сгорело по неосторожности пьяной хозяйки, которая забыла потушить сигарету и бросила её где-то на участке на сухую траву, а сама ушла. Звучала эта версия абсурдно или нет, но она осталась официальной. Вроде бы государство выделило этой семейке дом где-то на другом конце Московской области, но он был ещё хуже прежнего. Однако совесть меня практически не мучила – я испытывал сильную обиду на этих людей за то, что они украли столь дорогой для меня велосипед, который был для меня не просто куском металла, а верным товарищем. Кроме того, я испытывал глубокое презрение к людям, которые вели запойный образ жизни и получали доход за счёт воровства велосипедов и другой довольно дрянной техники.

Но наш праздник ещё не закончился, как и не закончился ещё последний день весны, поэтому вернёмся к нему.

Прежде чем мы вошли назад на участок Чубилиных, мы пообещали друг другу, что забудем про то, что сегодня сотворили, и никому ничего не расскажем. Все мы были уверены друг в друге, в том числе и в новом для нас человеке – Илюхе, поэтому мы не переживали из-за произошедшего.

Когда мы вернулись к столу, то увидели, как Ваня с Настей о чём-то энергично спорили и постоянно хихикали.

Даша же с Катей сидели в стороне и разговаривали о чём-то своём. Судя по всему, ребята без нас не скучали.

– Ребята! Наконец-то вы вернулись! – воскликнул Ваня, как только увидел нас. – Все доски перетаскали?

– Все! – ответил Витя. – Пацаны очень помогли. Без них бы никак не справиться.

До конца праздника у меня ещё было время поговорить с Ильёй наедине.

Тогда я сказал ему то, что считал нужным:

– Илья, спасибо ещё раз за твою пронырливость и смекалку. Если бы не ты, мы бы, может, и не смогли найти велосипед. Ты нам очень помог. Если честно, ты сначала показался мне каким-то странным, не своим каким-то, чужим. Понимаешь? Но теперь я вижу, что ты отличный парень. Ты для всех нас теперь надёжный друг. Если захочешь в футбол поиграть или на великах погонять, или пойти на пруд в лягушек камни покидать вместе с нами – милости просим.

– Рад был помочь! – таков был краткий, но искренний ответ Илья.

Вечером я провожал Настю до электрички. Мы шли, держась за руки, по необъятному полю, залитому пламенным светом вечерний зари, и молча наслаждались обществом друг друга. Этот последний весенний закат казался мне по-особенному прекрасным, ведь сегодня был замечательный день рождения моего друга, сегодня я сумел вернуть свой велосипед, сегодня я приобрёл нового друга Илью и, наконец, сейчас я наслаждался дивным вечером с любимой девочкой, с которой, как мне тогда казалось, я проведу всю оставшуюся жизнь.

Мы договорились с Настей, что завтра я приеду к ней в город и мы сходим в кинотеатр, а послезавтра она приедет ко мне в деревню, и мы пойдём купаться на пруд.

На этой возвышенной ноте догорал последний майский закат. Так кончилась замечательная весна девяносто восьмого года, и начиналось ещё более, как я был уверен, замечательное лето.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Большое путешествие,
или История о непоколебимой дружбе*

Глава двенадцатая

ПОБЕГ

Спросите у любого школьника: какой самый лучший месяц в году? Конечно же, это первый месяц долгожданных летних каникул. Это самое беззаботное время, когда ты гуляешь с друзьями дни напролёт, не думая ни о чём, а впереди ещё всё лето. Любые ненастья ты встречаешь с улыбкой на лице, потому что знаешь, что впереди будет ещё много тёплых солнечных дней. А июньские ночи настолько коротки, что, когда ты засыпаешь, небо на западе ещё не успевает стемнеть, и как бы рано ты ни проснулся, солнце уже будет ждять тебя высоко в небе.

В один такой прекрасный день, двенадцатого июня, мы сидели с Настей на берегу пруда и наслаждались лучами летнего солнца. Неожиданно позади нас проехал автомобиль, и я из праздного любопытства обернулся посмотреть на него. Это был наш сосед Алексей Семёнович на своих повидавших свет «жигулях». Вдруг я заметил, как со стороны поля к нам стремительно приближался человек. Скоро я распознал в расплывчатом силуэте Валерку. Он явно бежал в нашу сторону. Как только Валера убедился, что две фигуры, сидящие у воды, – это мы с Настей, он тотчас замахал нам руками.

– Настя, подожди меня здесь, – обратился я к девочке. – Кажется, что-то случилось.

Я побежал навстречу Валерке, и вскоре мы достигли друг друга.

– Ефим, беда! – с трудом выговорил Валерка.

– Что такое? – испуганно переспросил я.

Валера ничего не говорил в ответ; он тяжело дышал, язык его свисал изо рта, лицо истекало потом. Он рухнул на землю и опустил голову.

– Валера, что случилось? – снова спросил я и присел рядом с ним.

– Беда, Ефим! – повторил он и посмотрел на меня глазами, полными страха. – Батя только что умер. Я утром на железной дороге помогал вагоны разгрузить, домой прихожу, а он лежит недвижимый и взгляд у него застывший. Я прикоснулся – он холодный. Я с таксофона в скорую позвонил – через пятнадцать минут приехала машина. Врачи сказали, от сердечного приступа он скончался. Спросили, есть ли у меня ещё родные, а я им и отвечаю, что только дядя в Подольске, младший брат бати моего. Скорая отца моего увезла, а мне сказали, что милицию вызовут. Мол, милиция приедет и решит, что со мной делать – брату покойного отдать или в детдом. Я дяде совсем не сдался, они с отцом последнее время не общались почти. Ох, Ефим, не хочу я в детский дом – нет там мне жизни. Бежать надо, бежать!

Я смотрел Валере в глаза и поражался, насколько ровным голосом описывал он всё это. Если бы я не знал его, то сильно удивился бы, почему потеря отца не была для него таким сокрушительным ударом. Но я знал Валерку очень хорошо и понимал, что под его складным рассказом без запинок и всхлипываний скрываются глубочайшие душевные переживания.

– Куда ты собрался бежать? – спросил я его.

– Не знаю, – покачал головой Валера. – У меня в доме, наверно, уже побывала милиция, и меня ищут по всей деревне.

– Тебе совсем не к кому идти?

– Был у бати один приятель. Антоном звать. Это хороший армейский друг моего отца. Он приезжал к нам раз в год погостить, да и батю проведать. Мы с ним хорошо ладили, на

рыбалку вместе ходили, на охоту. У него есть автосервис в Смоленске. Думаю, он сможет помочь.

– Погнали в Сосновку, позвоним ему! – поспешил предложить я. – Номер знаешь?

– Нельзя нам в Сосновку, Ефим. Участковый схватит меня и тут же в детский дом повезёт, а этого я больше всего боюсь. Побегали в Шаликово, оттуда позвоним. Прикроешь меня?

– Конечно, дружище! Какие вопросы! Пойду только Настю предупрежу, вон она смотрит на нас.

Настя и впрямь с любопытством глазела на нас, вероятно пытаясь разобраться, о чём мы говорили.

Я подбежал к ней и, прежде чем что-либо говорить, крепко обнял её. В ответ она уставилась на меня удивлёнными глазами.

– Настя! – начал я. – У Валерки случилась беда! Я должен срочно пойти вместе с ним и помочь ему. Сейчас беги домой, я завтра к тебе приеду. Прости, что так получается, но я должен бежать прямо сейчас. Завтра всё расскажу.

Не дожидаясь ответа от Насти, я побежал обратно к Валерке, и мы изо всех сил помчали в Шаликово.

В посёлке было тихо, там Валерку никто не искал. Мы быстро нашли таксофон, и Валера принялся набирать номер отцовского друга.

– Алло! – воскликнул он, как только на другом конце провода подняли трубку. – Антон Алексеевич, это вы?

– Да, – последовал незамедлительный ответ. – А кто его спрашивает?

– Это Валера. Помните меня? Сын Григория Зубина.

– А, Валерка! Как дела?

– Плохи дела – батя сегодня умер от сердечного приступа.

– Соболезную, парень. Твой отец был для меня настоящим другом. Я могу в данной ситуации чем-то помочь?

– Да, на самом деле ваша помощь была бы очень кстати.

– Слушаю тебя, Валера.

– Можно я у вас на какое-то время останусь? Я мог бы помогать вам в автосервисе. Понимаете, мне никак нельзя в детский приют.

– Валера, я сейчас по делам уезжаю в Минск. Меня не будет четыре дня. Позвони мне шестнадцатого вечером, тогда и поговорим обо всём. К тому времени, думаю, похороны уже пройдут. Всё, прости, мне надо бежать. До связи.

– Но... – Валера хотел что-то спросить, но услышал в ответ короткие гудки.

– Какие четыре дня? – обратился он ко мне. – Где мне прятаться всё это время?

– А как быть с похоронами твоего отца? Ты ведь в любом случае придёшь туда. Какой тогда смысл скрываться? – задал я Валере ответный вопрос. – И почему ты так боишься попасть в детский дом?

– Ничего хорошего, Ефим, я в детском приюте не вижу. Там всё строго по расписанию, все под надзором воспитателей – и шагу в сторону не сделаешь. Я к свободе привык, в детский дом я всегда успею, а сейчас лучше с дядей Антоном посоветоваться. Может, он меня в Смоленске где-нибудь пристроит. Там и в школу начну ходить, подработку найду.

– Валера, а может, мои родители тебя согласятся усыновить? – предложил я.

– А у тебя есть для меня место в доме?

– Вообще, сейчас нет. Но мы что-нибудь придумаем!

– Мне как-то совсем неловко теснить тебя и твоих родителей.

– Да брось, – поспешил я утешить Валеру. – У тебя такое произошло! Как же мы можем оставаться безучастными к твоему горю? Родители обязательно согласятся тебе помочь, вот увидишь! В крайнем случае ты можешь остаться жить в своём доме. А к нам будешь в гости ходить, когда захочешь!

– Ефим, спасибо тебе, но я не могу тут остаться. В деревне и не прокормишься толком, да и тесно мне тут. Всё здесь будет о бате напоминать. Тяжело мне здесь, понимаешь? Я твёрдо решил, что хочу новую жизнь начать. Уеду в Смоленск, там меня дядя Антон к себе возьмёт. Я уверен, что он мне обязательно поможет. В школу пойду, по вечерам подрабатывать буду у него в сервисе – я люблю машины. А там, глядишь, всё и наладится, может быть, даже в университет поступлю.

Валерка описывал мне свои намерения таким глубоко задумчивым голосом, что, казалось, он не столько делился со мной своими планами, сколько пытался себя утешить. И всё же слова его звучали обдуманно и убедительно.

– А что с похоронами твоего отца? – снова задал я вопрос, на который Валера так и не дал ответа.

– Ефим, ты можешь кое-что сделать для меня?

– Всё что угодно! Только скажи, что мне сделать, – поспешил я выразить свою готовность помочь.

– Ты можешь попросить своих родителей устроить похороны моего бати? Скажи им, что я очень прошу их об этом и оплачу все расходы, как только смогу заработать денег.

– Да, конечно! Если хочешь, можем вместе попросить.

– И ещё одно, – продолжил Валера, слегка вздрогнув, словно не ожидал от меня ответа в этот момент. – Ты можешь подстраховать меня? Я хочу снова взять палатку из школы. Помнишь, как тогда в апреле мы сделали? Я поживу в ней где-нибудь в нескольких километрах отсюда до шестнадцатого числа. А затем уже позвоню дяде Антону и, если он даст добро, поеду к нему в Смоленск на попутке какой-нибудь.

– Как? Ты не собираешься идти на похороны своего папы? – удивился я.

– Сейчас я никак не могу так рисковать. Надо, чтобы никто меня не видел эти четыре дня. Я обязательно буду ходить на могилу к отцу, но сейчас надо скрыться. Поможешь?

– Ты можешь на меня рассчитывать, – ответил я. – Побежали за палаткой.

Этот злополучный в судьбе Валерки день являлся государственным праздником – Днём России. Школа была закрыта, летний лагерь не работал. Но нам с Валеркой крупно повело: спортзал решили перекрасить, а весь скудный инвентарь, включая палатку, перенесли из него в небольшой сарайчик на улице. Сарай этот запирался на ключ, но оттуда так часто что-нибудь доставали, что для удобства этот ключ решили хранить не у какого-нибудь сотрудника вроде дворника, а прямо под бревном, заменявшим ступеньку на входе.

В праздничный день школьный двор оказался абсолютно

пустым. Даже мальчишки из соседних деревень не пришли поиграть в мяч на футбольное поле, которое было лучшим, да и вообще единственным во всей округе. Пока Валерка полез в сарай за палаткой, я оставался возле него и следил за тем, чтобы рядом никого не оказалось. Когда он достал её, то поспешно запер сарай, и мы побежали подальше от школьного двора.

Мы добежали до опушки леса, чтобы передохнуть и подумать о наших дальнейших действиях.

– Ефим, ты можешь взять мой велосипед и прикатить его сюда? – обратился ко мне Валера. – Я специально пригнал его к твоему дому. Привези мне его сюда, а я тебя тут подожду с палаткой. Сам понимаешь, я не хочу лишний раз в деревне светиться. Передай родителям мою просьбу о похоронах, только не рассказывай им про палатку и про то, что я в Смоленск хочу уехать. Скажи просто, что не знаешь, где я.

– Валера, я сделаю всё как надо. Можешь не сомневаться, – поспешил я убедить моего друга и побежал в деревню.

Когда я прибежал домой, то увидел велосипед Валеры лежащим на земле возле калитки. Там же стоял и мой отец, любознательно оглядываясь по сторонам и потягивая сигарету.

– О, Ефимка! Привет! – обратился он ко мне. – А ты чего не с Настей? Не знаешь случайно, что это за велосипед у нас тут лежит?

Оба вопроса потребовали от меня солгать, чтобы не выдать Валерку, что я и сделал:

– Да Настя сегодня с родителями в гости идёт. Вот и ушла домой пораньше. А велосипед этот одного моего приятеля. Он оставил его тут, просил пару гаек подкрутить – у него просто нужного ключа нет. Я сейчас как раз этим займусь и отвезу ему велосипед.

Отец посмотрел на меня слегка удивлённым взглядом, словно ожидал услышать какой-то другой ответ, но потом принял более серьёзный вид и спросил:

– А ты знаешь, что у Валеры произошло?

– Нет, – ответил я, изобразив на лице глубокое изумление.

– Его отец утром скончался. Царство ему небесное. Не знаешь, где сам Валера? В деревню приезжал участковый,

искал его. По правилам его должны определить в детский дом.

– Нет, Валеру я сегодня не видел, – поспешил ответить я, отрицательно покачав головой для пущей убедительности.

– Если увидишь, скажи ему, чтобы вечером дома был. Участковый обещал заехать ещё раз к шести часам, – велел мне отец. – Он вообще знает, что его отец мёртв?

– Не знаю, я же его не видел сегодня, – ещё раз повторил свой ответ, чтобы отвести от себя всякое потенциальное подозрение.

– Ох, бедный мальчик, – сказал отец, глядя куда-то вниз и качая головой, – всё же дай ему знать, если встретишь его. Дело серьёзное. Мы с твоей мамой сейчас едем в город на рынок за продуктами, будем через час-полтора.

Сказав это, отец отправился в гараж заводить машину, а я пошёл в дом. Как ни странно, он не заметил палатку в моих руках и не стал ничего спрашивать на этот счёт. Вероятно, он так сильно был погружён в мысли о смерти Валеркиного отца, что мог бы с таким же успехом не заметить пачку сигарет или бутылку пива в моей руке.

Войдя в дом, я столкнулся с мамой – она как раз выходила на улицу, чтобы отправиться вместе с отцом на рынок. Как только они уехали, страшная мысль посетила меня: как теперь передать им просьбу Валерки? Ведь я только что сказал отцу, что вовсе не видел его сегодня. Я начал бранить себя за то, что так глупо и необдуманно солгал, из-за чего сильно подвёл своего товарища. Я продолжал ходить по комнате взад и вперёд и думал, как можно было исправить ситуацию.

«Чёрт, как же мне передать родителям просьбу Валерки? Заикнись я о похоронах – родители сразу поймут, что я лгал, всё вскроется, меня накажут, а Валеру отправят в детдом! Какой же я олух! Что я натворил! Думай же, дурья башка, как спасти своего друга!» – мысленно бранил я себя.

Вдруг мне пришла в голову мысль: а что, если оставить родителям записку с просьбой Валерки организовать похороны его отца, а самому уехать на четыре дня вместе с ним и пожить в палатке, пока он не созвонится с дядей Антоном и не отправится к нему в Смоленск?

«Бред! – тут же одумался я. – Ну какая записка? Ну как я уеду на четыре дня? Нас же будут искать! Нет, нужно найти другой выход».

Я продолжал суетливо ходить взад и вперед, иногда садился на стул, брал со стола солонку и крутил её в руках, затем резко вставал и снова начинал ходить по кухне. Так продолжалось около двадцати минут, и за это время я не смог найти более разумного выхода из сложившейся ситуации. Тогда я, сам того не замечая, стал утешать себя тем, что моя изначальная идея не так уж плоха.

«А что? – подумал я. – Оставлю родителям записку, где всё объясню. Они меня поймут и обязательно помогут Валере с похоронами его папы, тем более что они очень уважали его бату. А пока все дела утрясутся, побуду с Валерой – поддержу его морально, как смогу. Четыре ночи в палатке – не так уж страшно, мы же смогли пережить две в апреле, а тогда было намного холоднее. А днём будем потихоньку ехать в сторону Смоленска. Заодно и время в пути скоротаем, и не так скучно будет, и Валере всяко в дороге меньше будет о смерти бати вспоминаться, нежели когда на одном месте сидишь. Решено! Еду с ним!»

Убедив себя в правильности своих намерений, я метнулся наверх в свою комнату за письменный стол, где принялся писать записку для родителей карандашом на тетрадном листе.

У меня получилось письмо следующего содержания:

«Дорогие мама и папа, простите меня, но я солгал вам, чтобы спасти своего друга. Валера знает о смерти своего отца и не намерен оставаться в деревне, так же как и не намерен провести несколько лет в детском доме. Он поехал к своему другу в Нижний Новгород, чтобы начать там новую жизнь. Я буду сопровождать его первое время. Меня не будет четыре дня, и, возможно, мне понадобится ещё несколько дней, чтобы вернуться домой. Позаботьтесь, пожалуйста, о похоронах Валериного папы. Валера обещал возместить все расходы, как только сможет устроиться на работу.»

Мы будем очень аккуратны, я обещаю. Простите, что так вышло, что пришлось вам соврать. Не ищите нас, пожалуйста, и не заявляйте в милицию. Я скоро вернусь.

Ефим».

Я специально указал Нижний Новгород вместо Смоленска, потому что они находились в противоположных сторонах. Я надеялся, что, если нас всё же будет искать милиция, они пойдут в неверном направлении. Как ни парадоксально, но, извиняясь в письме за ложь, я вынужден был вновь солгать.

Я перечитал письмо, убрал карандаш в стол и встал со стула, чтобы спуститься на кухню и оставить моё послание на обеденном столе. Но я тут же остановился, точно остолбенел.

«Настя!» – подумал я и тут же вернулся за письменный стол.

Я обещал Насте встретиться завтрашним днём и не мог нарушить своего обещания, не оставив никакого оправдательного письма, поэтому принялся писать вторую записку для неё. Нежные чувства тотчас полились на бумагу синими чернилами. Строки получились следующими:

«Дорогая моя, любимая, обожаемая, прекрасная Настя! Прости меня, но я вынужден уехать на несколько дней, чтобы помочь Валере. Тому самому Валере, который однажды вместе со мной помог тебе спасти кота и дать отпор хулиганам. Тому самому Валере, которого ты видела сегодня в поле и из-за горя которого нам пришлось отложить нашу встречу. Надеюсь, ты на меня не сердишься! Я вернусь через несколько дней, а как вернусь, обязательно приеду к тебе. Не держи, пожалуйста, на меня зла. Ты умная, проникательная, добрая девочка. Я уверен, что ты всё поймёшь. До скорой встречи, моя ненаглядная Настя! Я тебя очень люблю!

Твой Ефимка».

Ниже я подписал следующее:

«Мама и папа, передайте, пожалуйста, эту записку Насе или продиктуйте её содержимое по телефону».

Я схватил обе записки и, бегло перечитав их, поспешил отнести их на кухню. Я открыл холодильник, чтобы взять оттуда как можно больше припасов в дорогу, но, увы, он оказался почти пустым. Недаром родители поехали на рынок закупать продукты. Всё, что мне в итоге удалось прихватить из дома, это термос с горячим чаем, шесть бутербродов с сыром, пачка гречки и пачка риса, две банки тушёной свинины и полбуханки хлеба. Таких запасов нам явно бы не хватило на четыре дня. Тогда я решился сделать то, что не сделал бы никогда, не попади мой друг в такую беду. Я зашёл в комнату родителей и достал из книжного шкафчика старую книгу «Три мушкетёра». В ней отец прятал небольшую заначку на чёрный день – две тысячи рублей. Я взял эти деньги и засунул поглубже в карман. Теперь почти всё было готово к нашему с Валерой побегу. Оставалась лишь одна, как мне казалось, небольшая проблема – нужно было пригнать к Валерке уже не один, а два велосипеда.

На деле везти два велосипеда по обе стороны от себя оказалось не так-то просто. Я старался держать их ровно, но, когда переднее колесо какого-нибудь из них попадало в ямку или натыкалось на кочку, велосипед тут же начинало вести в сторону и я терял равновесие. Мне приходилось сразу же останавливаться и изо всех сил выправлять одной рукой ход отклонившегося велосипеда, пока второй рукой я крепко прижимал другой велосипед к себе, чтобы он тоже не потерял равновесие. Такой неуклюжий способ передвижения сильно замедлял мой шаг, и, чтобы добраться назад до Валерки, у меня ушло значительно больше времени.

Когда я достиг опушки леса, то увидел Валерку сидящим под высокой берёзой и погружённым в какие-то мысли. Лицо его было красным, а глаза блестели на солнце, словно наполненные влагой. Вероятно, когда никого не было рядом, он дал волю эмоциям и выплакал все свои слёзы, накопившиеся у него после смерти родного отца. Тем не менее я постарался сделать вид, словно не заметил этого, и с открытой улыбкой

человека, выполнившего поручение, подошёл к нему.

– Ефим, а почему у тебя два велосипеда? – изумился Валерка.

– Я еду с тобой! – решительно ответил я.

Услышав мой ответ, Валерка пришёл в недоумение.

– Как со мной? С ума сошёл? – воскликнул он. – А что ты сказал родителям?

– Валера, ты попал в беду, и я не могу вот так тебя оставить, пока не буду уверен, что тебя будут готовы принять в Смоленске. А что касается моих родителей, то их не было дома, я оставил им записку с просьбой позаботиться о похоронах твоего отца.

– Но у нас совсем нет еды, – возразил Валера. – У меня с собой только пятьсот рублей и пачка пшённой крупы в рюкзаке. Мы не сможем протянуть на этом целых четыре дня.

В ответ я снял свой рюкзак и раскрыл его перед глазами Валеры.

– Вот! – пояснил я. – Это всё, что я смог вынести из дома. Ещё я взял две тысячи рублей. Нам должно этого хватить.

Валера смотрел то на меня, то на мой рюкзак изумлённым взглядом. Он то приоткрывал рот, то снова его закрывал, словно не мог найти подходящую фразу для ответа.

– Давай переложим часть продуктов тебе, – опередил я его со своим предложением. – А то мне тяжело всё это везти одному.

– Конечно! – торопливо согласился Валера и тотчас поставил мне свой рюкзак.

Тогда я переложил туда часть продуктов так, что каждый из нас вёз поровну.

– Поехали! – воодушевлённо скомандовал я.

Валера молча сел на велосипед, не отвечая ни слова и не сводя с меня глаз. Лицо его выражало недоумение, казалось, ему с трудом верилось, что я был готов покинуть дом и поехать с ним на несколько дней на неизвестное расстояние. Будучи человеком отзывчивым, но при этом не привыкшим просить помощи у других, Валерка явно смутился от моей готовности делить с ним пополам не только всю еду и деньги, но и любые невзгоды, которые могут повстречаться нам

на пути.

– Поехали быстрее! – повторил я, изобразив на лице нелепую улыбку, которой пытался подбодрить приятеля. – Родители сказали, что участковый уже был у тебя сегодня и скоро он придёт снова. Нам нужно скорее убираться подальше от деревни.

Валера был далеко не из тех, кого нужно было уговаривать, да и сложившаяся ситуация не терпела от нас колебаний. Мы стремительно закрутили педали в сторону шоссе и вскоре оказались на асфальтированной дороге среди шумящих автомобилей. Солнце уже клонилось к земле, жара начала отступать – близился тихий летний вечер. У нас оставалось не так много времени до того момента, когда придётся позаботиться о ночлеге.

Глава тринадцатая

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

К концу первого дня нам удалось одолеть чуть больше двадцати километров. На ночлег мы устроились в небольшой чаще между Можайском и Бородино. Ужин наш ограничивался бутербродами с сыром, которые было необходимо реализовать в первую очередь. Вечер выдался тёплым, и мы решили не разводить костёр. Только комары в отсутствии огня не давали нам покоя, из-за чего весь вечер нам пришлось провести в палатке.

Мы с Валерой практически не общались с того самого момента, как выехали из дома. Он был глубоко погружён в раздумья, и я не считал нужным его беспокоить. Ночью я слышал, как он плакал и что-то невнятно шептал про своего отца, но я продолжал делать вид, что сплю, и даже попытался захрапеть для пушей убедительности.

Наутро мы сварили пшённую кашу в небольшой железной миске, которую я всегда держал в своём рюкзаке на случай необходимости приготовить пищу в лесу. Так или иначе, такого завтрака было достаточно, чтобы перебить голод на ка-

кое-то время.

С самого утра стояла невыносимая жара. Знойное июньское солнце поднялось высоко в небо, так что от него невозможно было спрятаться. Ветра совсем не было, только проезжающие мимо машины обдавали нас потоком воздуха, но он был настолько горячий, что едва ли был способен принести облегчение. Мы ехали медленно, часто останавливались, чтобы передохнуть в тени на опушке леса, но как только мы приближались к деревьям, нас осаждали стаи комаров, и нам приходилось бежать назад к обочине дороги под палящее солнце, куда комары редко решались сунуть свой нос.

Ситуация усугубилась после того, как мы миновали Бородино. Можайское шоссе закончилось, и мы оказались на большой широкой дороге, на которую совсем не попадали спасительные тени деревьев. Очевидно, мы въехали на Минское шоссе, по которому то и дело неслись громадные грузовики, обдавая нас своим жаром. Но всё же выезд на большую автомобильную трассу имел свои плюсы: нам снова и снова попадались закусочные, в которых можно было бесплатно налить кипятка.

Весь день до самого вечера мы ехали тихо, сэкономили свои силы. А всё потому, что нам было вовсе некуда торопиться, мы просто тянули время до разговора с дядей Антоном. За день мы проехали около сорока километров, и наш следующий ночлег проходил возле живописной опушки берёзовой рощи где-то на границе Московской и Смоленской областей.

Днём четырнадцатого июня мы достигли Гагарина, где решили основательно пообедать. Не без гордости за себя и за своего товарища замечу, что до этого момента мы с Валеркой держались на собственных запасах и не потратили ни копейки. Однако теперь захваченная из дома еда заканчивалась, оставалась лишь до сих пор неоткрытая пачка рисовой крупы. Кроме того, ни одному из нас не пришлось в голову взять с собой в дорогу соль. Поначалу мы, конечно, терпели и обходились без неё, но вскоре вся еда стала нам казаться невыносимо пресной. Тогда нам пришлось прибегнуть к следующей хитрости. Мы заезжали в какое-нибудь придорожное кафе,

где я брал со стола солонку и незаметно засовывал её в карман, тряс и крутил её там какое-то время, после чего ставил назад. Так в кармане мне удавалось унести горсть соли, которой нам хватало на один или два приёма пищи. Но и такой способ питания нам быстро надоел, и мы решили потратиться на сытный обед в городской столовой.

– Валера, как ты считаешь, докуда мы сможем доехать за эти четыре дня? – решил я наконец завести диалог со своим другом за обеденным столом.

– Ну, при таком темпе завтра к вечеру до Вязьмы доберёмся, – предположил Валера, – а шестнадцатого к вечеру сможем ещё километров на сорок на запад продвинуться. Но я в этом, честно говоря, смысла не вижу. Из Вязьмы позвоним Антону Алексеевичу, а оттуда я уже на электричке в Смоленск поеду к нему, а ты можешь точно так же электричкой до Можайска добраться, а оттуда домой уже.

– Тоже верно! – подметил я. – Значит, спешить нам некуда. За два дня как раз потихоньку до Вязьмы и докатим.

Если вы видите себя несчастным человеком, то попробуйте посидеть на пресной крупе денёк-другой, после чего позвольте себе как следует покушать. Тогда вы вмиг почувствуете себя счастливым, ну или хотя бы ощутите сладкое чувство радости и удовлетворения. По крайней мере, наше с Валерой настроение не хило подскочило после сытного обеда в столовой.

Из Гагарина мы выехали около двух часов пополудни и совсем скоро почувствовали себя узниками очередного знойного дня. Только камеру в этой тюрьме нам заменяла бесконечная раскалённая дорога, а стражей – голодные стаи комаров, которые тут же нападали на нас, стоило нам отойти на несколько шагов от обочины. Смоленская область не была такой богатой на придорожные закусочные, как Подмосковье, и нам было негде залить воды в бутылку. Между тем оставшиеся запасы питья иссякали, и уже через семь километров от города мы допили всю воду, не оставив ни капли.

– Что будем делать? – обратился я к Валере.

– А что тут поделаешь? Будем надеяться, что вскоре нам встретится кафешка или хотя бы продуктовый магазин.

– А если не встретится?

– Кроме как двигаться дальше, другого выхода у нас всё равно нет. В крайнем случае будем тормозить машины, пока кто-нибудь не согласится любезно поделиться с нами водой, – предложил Валера.

– Может, лучше назад в Гагарин вернёмся и купим в магазине побольше воды, чтобы до конца дня хватило? – поделился я своим предложением.

Валера задумался. Его покрасневшее за эти дни от солнца лицо сделалось серьёзным, он щурил глаза от яркого дневного света и пыли, которую поднимали летящие мимо грузовики. Глядя на него, я видел перед собой не Валерку Зубина, моего деревенского друга, а сурового опытного путешественника, объездившего полсвета на своём старом, но надёжном велосипеде. Видимо, вторые сутки езды под палящим солнцем не на шутку разыграли моё воображение.

– Нет уж, – прервал Валера полёт моей фантазии, – поехали вперёд. Не к чему туда-сюда кататься. Должна же нам, в конце концов, забегаловка встретиться, пусть даже самая захолустная.

– Как скажешь, – покорно ответил я.

Валера, казалось, почувствовал какую-то вину за то, что настоял на своём мнении, невзирая на моё предложение, и, мягко улыбнувшись, добавил:

– Если ты хочешь, мы можем бросить монетку. Орёл – едем вперёд, решка – возвращаемся в Гагарин.

– А это мысль! – воскликнул я и полез в карман за монетой.

Я нащупал пятирублёвку и, вынув её из кармана, изо всех сил подкинул вверх. Мне почему-то казалось, что чем выше бросить монету, тем справедливее окажется результат. Мы машинально задрали головы вверх, наблюдая, как высоко подлетает монета, и нас тут же ослепило яркое солнце. Я зажмурил глаза, а когда открыл их, монеты уже не было видно.

– Чёрт! Куда делись мои пять рублей? Ты не видел, куда они упали? – обратился я к Валере.

– Нет, должно быть, они где-то тут, – пробормотал он в ответ, переступая с ноги на ногу и пристально осматривая

землю вокруг себя.

– Как же так! – изумлённо воскликнул я и принялся бубнить себе под нос всякие ругательства.

Мы стали внимательно осматривать песчаную обочину, рыхлили песок то руками, то ногами, но монетка так и не попала нам на глаза. На асфальтовом покрытии её тоже не было видно. Оставалось предположить только одно – монетка могла попасть в траву около обочины, где найти её было ещё труднее. Тем не менее это нас ничуть не смутило, и мы принялись шуршать четырьмя руками в зарослях осоки и щавеля.

Поиски пяти рублей продолжались минут двадцать, но так ни к чему и не привели.

– Ладно, наверно, это уже бесполезно, – вынес свой вердикт Валера. – Считай, только что мы лишились ещё одного пирожка с яйцом и луком.

– Или с капустой, – уныло подхватил я.

В тех закусочных, мимо которых мы проезжали, пирожки продавались по пять или шесть рублей, что и вызвало у нас такую ассоциацию, наглядно показывающую нашу утрату.

– Ладно, поехали вперёд, – добавил я. – Будем считать, твоя взяла.

Итак, нелепо потеряв пять рублей, или, если выражаться в более удобной валюте, один потенциальный пирожок, мы медленно поехали дальше по горячему асфальту, везя с собой тяжёлый груз в виде еды, инструментов для велосипеда, палатки, посуды и курток на случай дождя. В тот момент мы были словно не два провинциальных парня, пересекающих на велосипедах посреди дороги, а два заблудших и оставшихся без воды путника, пересекающих раскалённую пустыню на двух верблюдах. Хотя, скорее всего, это усиливающийся зной с новой силой давил на моё и без того чудное детское воображение.

Совсем скоро ехать стало почти невозможно, от жажды у меня пересохло во рту и в горле, начался кашель. Тогда нам пришлось остановиться и попытаться поймать какого-нибудь филантропа, готового помочь двум страждущим велосипедистам. Мы простояли у дороги с вытянутой рукой около соро-

ка минут, но всё было тщетно. За это время остановились только две машины, но ни у кого не оказалось при себе воды или же просто никто не захотел с нами поделиться. Но какую-то пользу от этого занятия мы всё же получили: один старичок на допотопной «Победе» сказал нам, что через шесть километров будет кафе.

– Валера, я сейчас помру, – стонущим голосом обратился я к своему приятелю.

– Давай так. Будем тормозить машины ещё десять минут. Уж если никто не остановится, тогда поедем вперёд до кафешки, про которую говорил нам дед.

Я лишь одобрительно кивнул ему, у меня не было сил, чтобы сказать что-то в ответ. Во рту моём ощущалась такая сухость, что куда легче было простоять ещё десять минут молча, чем тратить слова на споры.

Часов у нас не было, и вместо десяти минут я отсчитал ровно сто машин, ни одна из которых не остановилась, а после этого сделал Валере знак, что пора ехать.

Следующие шесть километров показались мне бесконечными. В голову лезли самые нелепые мысли: сначала я надеялся, что набегут тучи и начнётся дождь, потом сам себе нащёптывал, что отдам все оставшиеся деньги первому встречному за кружку воды, а затем стал уверять себя, что вскоре встретится чистая река, из которой можно будет попить. В конце концов я стал часто закрывать глаза и представлял, как я ныряю в холодное горное озеро, как вдоволь напиваюсь из водопада и начинаю ощущать свежесть и прилив сил. Но наяву я чувствовал лишь сильную усталость, боль в мышцах, сонливость и головокружение от обезвоживания.

И всё-таки какими бы жестокими ни были эти шесть километров, они закончились, и справа мы увидели одноэтажное деревянное здание, окрашенное в синий цвет. Над крыльцом висела спасительная табличка с надписью «Кафе». Мы тотчас поспешили туда, но мимолётная радость длилась недолго и в скором времени сменилась самым горьким разочарованием, которое возникает только тогда, когда человека безжалостно лишают его последней надежды. Вход оказался

закрытым, а к двери был приклеен листок, на котором чёрным фломастером кто-то вынес нам с Валерой приговор: «Закрыто на ремонтные работы до 19.06». Но никаких ремонтных работ не проводилось, рядом не было ни души.

– Да, Ефим! Ох и везёт нам с тобой сегодня, – произнёс Валера серьёзным охрипшим голосом и тут же усмехнулся.

Усмешка его выражала такую жестокую иронию и безысходность, что невольно внушала леденящий сердце ужас.

– Да ладно тебе, человек может без воды двое суток протянуть, а мы последний раз часа три назад пили, – попытался я подбодрить нас обоих, сам поражаясь тому, как быстро мы обессилили от жажды.

– Давай попробуем ещё раз машину поймать, – предложил Валера. – Ехать дальше неизвестно куда я смысла не вижу.

– Пожалуй, – согласился я и снова принялся голосовать.

Уже через несколько минут удача вспомнила о нас, и возле дороги остановился старенький «запорожец». Я тотчас подбежал к машине – внутри сидел невысокий мужичок в поношенной бежевой рубашке и серой жиганке, неуклюже свисающей на правый бок.

– Ребята, случилось чего? Чем помочь? – обратился ко мне мужчина с какой-то робкой натянутой улыбкой.

– Да нам попить бы. Устали мы очень, а водой разжиться негде. Боюсь, не дотянем мы до магазина. Не найдётся у Вас немного водички для нас или молочка, например?

Я не случайно упомянул про молоко, потому что рядом с водителем на переднем сидении лежала бутылка молока, бережно прикрытая от солнца газетой.

– Нет, ребята. К сожалению, молока или водички у меня не найдётся. Вы бы проехали ещё немного вперёд – там должен быть продуктовый магазин.

Наверно, если бы я не так сильно хотел пить и если бы это была только первая машина, водитель которой отказывался нам помочь, я бы махнул рукой и продолжил голосовать, но в этот самый момент отчаяние и чувство несправедливости словно поглотили меня. Я пришёл в ярость.

– Да как же так нет! – обиженно воскликнул я и хлопнул ладонью по машине. – Вот же, у Вас целая бутылка молока

лежит! Да разве Вам жалко пары глотков для нас? Ну хотите, мы Вам заплатим?

– Ребята, я это молоко в соседней деревне покупал по наказу жены. Что я ей скажу, если с пустой бутылкой домой вернусь? Не валяйте дурака, магазин прямо в нескольких километрах по дороге. Там и купите себе воды.

Сказав это, мужик повернулся лицом к дороге, и, издав характерное старческое фырканье, гордость украинского автопрома тронулась с места. Что-то в этот момент переклинило в моей голове, я не был готов вот так легко расстаться с заветной бутылкой освежающего молока, которая была почти в моих руках. Я просунул руку в открытое окно и схватил бутылку, а затем с силой бросил её стоявшему в нескольких метрах Валерке. Он, в свою очередь, ловко поймал её, после чего уставился на меня большими удивлёнными глазами.

Машина резко остановилась, и изнутри послышался разъярённый вопль:

– Ах вы малолетние ублюдки! Ну я вам сейчас устрою!

– Валим! – крикнул я Валере и запрыгнул на велосипед.

В этот самый момент мужик выскочил из машины с молотком в руке, а мы изо всех сил закрутили педали и помчали вдоль дороги. Когда я пытался разогнаться, разозлившийся дядька постарался ухватиться за багажник моего велосипеда, но чуть-чуть не успел. Тогда он принялся догонять нас, выкрикивая нам вслед всякие ругательства, но начал всё сильнее отставать. В конце концов он остановился и швырнул в меня молоток. К счастью, молоток не долетел до велосипеда и, ударившись о землю, раскололся пополам, а боек отлетел куда-то в сторону. Наш преследователь гневно топнул по земле ногой и побежал назад к машине. Всё это я мог наблюдать в зеркало, которое мне купил отец.

– Валера! Он сейчас на машине за нами погонится! – закричал я.

Валера услышал меня и резко повернул вправо. Я последовал за ним. С дребезгом и нечеловеческой тряской мы съехали в овраг, откуда сразу же попали в лес. Крутить педали стало невозможно, и мы побежали прочь с велосипедами наперевес.

Машина остановилась на том самом месте, где мы свернули с дороги. Обворованный нами дядька тотчас выскочил из неё и хотел пуститься за нами вслед, но, увидев, как далеко мы углубились в лес, махнул рукой и сел обратно в машину, после чего развернулся и поехал в обратном направлении, видимо, чтобы купить новую бутылку молока.

Не успев отдышаться, мы захохотали – до того забавной казалась нам вся эта ситуация с кражей молока. Но долго радоваться нам не удалось – жажда тотчас о себе напомнила, и мы принялись по очереди пить молоко. Уже через минуту пластмассовая бутылка опустела.

– Теперь уж должны дотянуть до ближайшего магазина, – сказал я, утирая молоко с губ.

– Должны, но, наверно, придётся тут переждать, пока этот мужик проедет, – заметил Валера. – Не стоит нам с ним на дороге встречаться.

Я охотно согласился с Валерой, его осторожность казалась мне вполне обоснованной. Я сел на землю и стал наблюдать за дорогой, вальяжно прислонившись к сосне. Жара была настолько сильной, что даже в лесу комары нас почти не тревожили. Зато высокие ветвистые деревья надёжно укрывали нас от безжалостного солнца. Наступило время заслуженного отдыха.

Уже где-то через полчаса знакомый нам белый «запорожец» промчался по шоссе и скрылся из виду. Теперь нам ничего не угрожало, и мы могли смело продолжить путь. Чувство жажды стало постепенно возвращаться, и мы поспешили назад к шоссе, чтобы скорее добраться до магазина. К счастью, только два километровых столба отделяли нас от заветного продуктового.

В магазине мы купили шесть литров минеральной воды – по три литра в каждый рюкзак. Помимо этого, нам приглянулась тушёнка из говядины, отлично подходившая на роль нашего ужина. Мы взяли несколько банок, чтобы осталось и на следующий день.

Продвинувшись ещё на несколько километров к западу, мы устроились на ночлег. Было ещё довольно рано. Даже когда мы разбили лагерь и приготовили ужин, солнце остава-

лось на небе. Но мы сильно утомились от жажды и зноя, поэтому решили как следует отдохнуть – спешить нам было некуда.

Следующее утро выдалось пасмурным. Тяжёлые тучи поглотили небо, на нём едва ли можно было разглядеть солнечное пятно. Ветра почти не было, что предвещало пасмурную погоду в течение всего дня. В воздухе чувствовались духота и апатия, бодрое настроение и прежний энтузиазм куда-то исчезли. Мне вдруг захотелось вернуться в деревню к маме под крышу тёплого дома, где меня ждал бы вкусный горячий обед из сытного борща, жареной картошки со свининой, запечённой в духовке, и свежий кисель с горячими, только что приготовленными сладкими пирожками. Но я был здесь, почти в сотне километров от дома, и вместо всех вышеописанных блюд мой рацион составляла кое-как сваренная на костре рисовая каша и магазинная тушёнка, по вкусу лишь отдалённо напоминающая натуральную говядину. И всё же после долгой изнурительной езды такая трапеза не раз казалась мне роскошью. Кроме того, я дал обещание сопроводить своего друга и был полон решимости его исполнить. Поэтому я прогнал прочь пока ещё не столь навязчивые мысли о возвращении домой, и мы отправились дальше.

Вскоре после нашего отправления стал накрапывать дождь, а к середине дня начался ливень. Нам пришлось свернуть в лес и разбить палатку между трёх сосен, внушавших доверие относительно защиты от дождя.

В течение всего дня дождь становился то сильнее, то стихал, но не прекращался ни на миг. До самого вечера мы просидели в палатке, лишь изредка вылезая на улицу вкушать дневного света. Казалось, что этот день, как и несмолкающий дождь, никогда не закончится. Несмотря на скуку и желание как-нибудь убить время, мы с Валерой не сказали друг другу ни слова до самого вечера. Каждый из нас был занят своими размышлениями о чём-то грустном. Днём я вышел из палатки, собрал кучу более или менее сухих веток и развёл из них костёр, сварил на нём рис и разогрел на углях тушёнку, после чего принёс в палатку наш с Валерой обед. Вечером он проделал абсолютно то же самое. Когда стало темнеть, мы легли

спать, так и не проронив ни одной фразы с того самого момента, как сделали остановку в лесу.

Должен заметить, что такое длительное молчание, напоминавшее со стороны ссору или скорее даже совместное проживание двух абсолютно незнакомых людей, не знавших одного общего языка, на котором они могли бы общаться, на деле не создавало между нами хоть сколько-нибудь неловкой обстановки. Напротив, мы с Валерой были теми друзьями, которые способны понимать друг друга без слов, которым не нужно постоянно о чём-то говорить, чтобы вербально продемонстрировать себе и собеседнику наличие каких-либо дружеских или хотя бы приятельских отношений.

Как ни казался мне этот день нескончаемым, он всё же прошёл, и наступила туманная ночь. Дождь превратился в лёгкую морось, а к рассвету тучи рассредоточились на востоке, и утреннее солнце окрасило серые облака оранжевым пламенем ранней зари. Нас снова ждал ясный знойный день.

Длительное безвылазное пребывание в палатке имело свои плюсы: наши ноги хорошо отдохнули, и мы крутили педали со свежими силами так быстро, как не крутили их в самые первые часы нашего путешествия. Кроме того, мы ощущали себя необычайно бодро и испытывали приятный трепет от ожидаемого нами события: сегодня мы должны были звонить дяде Антону с повторной просьбой пристроить Валерку у него дома.

Вечером мы достигли Вязьмы. Поужинав в столовой, размещавшейся прямо возле железнодорожной станции, мы пошли к зданию вокзала, чтобы оттуда сделать столь значимый звонок. Возможно, уже сегодня я мог сесть на обратную электричку до Можайска и оказаться дома.

Мы договорились, что я останусь у входа с велосипедами и вещами, а Валера пойдёт внутрь и позвонит дяде Антону. Я прождал его около десяти минут, а когда он вышел на улицу, лицо его отражало состояние крайней подавленности.

– Беда, Ефим, – чуть слышно, но выразительно произнёс Валера.

В этот самый момент сердце моё замерло от волнения и ожидания услышать что-то очень страшное.

Глава четырнадцатая

ЗВОНОК ИЗ ЯРЦЕВО

Я испытующе смотрел на моего друга и ждал, что он скажет, но Валерка замер и устремил на меня свой рассеянный взгляд.

– Что такое? Ты дозвонился до Антона? – не вытерпел я напряжённого молчания.

– Дозвонился, – вздохнув, ответил Валера. – Он сказал, что переезжает в Минск. Говорит, что переезд займёт неделю. Он дал мне свой минский номер и сказал, что можно будет через неделю позвонить.

– И что ты думаешь обо всём этом?

– Я не знаю. Я буду звонить ему в следующий вторник. Другого выхода я не вижу.

– Придётся нам затянуть пояса потуже, чтобы оставшихся денег хватило ещё на неделю, – решил я напомнить о нашем бедственном финансовом положении.

– Да сам знаю, – ответил Валера, поникнув головой.

Затем он посмотрел на небо, потом огляделся вокруг, в конце концов остановил свой тревожный взгляд на мне и добавил:

– Ефим, спасибо, что сопровождал меня всё это время, но я больше не могу злоупотреблять твоим дружелюбием и желанием помочь. Твои родители, наверно, сильно волнуются, и тебе пора возвращаться домой.

– Валера, я не могу тебя вот так просто тут оставить! – решительно отказался я.

– Слушай, нам с тобой вдвоём всё равно не протянуть, – продолжал Валера. – Ты можешь оставить мне наши запасы еды и деньги? Так ты мне намного больше поможешь. Я обещаю тебе всё вернуть, как только будет возможность.

Хоть дружеский долг и вызывал у меня отвращение от одной только мысли, чтобы бросить своего товарища в беде, я начинал понимать, что Валера говорил горькие, но правильные вещи. Действительно, я сказал родителям, что буду отсутствовать только четыре дня. Они, должно быть, и так

сильно переживают всё это время, но продолжают держать себя в руках только благодаря надежде на то, что я исполню своё обещание и вернусь вовремя. Кроме того, у нас с Валерой оставалось чуть больше полутора тысяч, и если мы хотели прожить на эти деньги вдвоём ещё неделю, нам бы пришлось полностью перейти на питание крупой и консервами, что нам изрядно надоело и за минувшие четыре дня. А в одиночку на эти деньги Валера мог позволить себе хоть сколько-нибудь достойное существование при нашем кочевом образе жизни.

– Валера, ты точно не обидишься, если я поеду в деревню? – решил удостовериться я, хотя и твёрдо понимал, какой ответ меня ждёт.

Вместо однословного ответа, какого я ожидал, Валера приблизился ко мне, положил свою тяжёлую руку мне на плечо и сказал следующие слова:

– Ефим, ты мой лучший друг. Ты был рядом со мной эти самые трудные четыре дня. Ты без колебаний согласился отправиться со мной чёрт знает куда. Никто бы из моих знакомых не отважился на такое! Я никогда не забуду твоей преданности и бескорыстного желания разделить со мной все трудности пополам, но, видит Бог, сейчас мы не можем продолжить путь вместе. Как только всё утрясётся, может быть к осени, я приеду к тебе в гости в Сосновку, отдам долг, да и просто буду рад тебя повидать.

Валера говорил это с такой непринуждённостью, впрочем всегда присущей его словам, что я не мог не послушаться моего мудрого товарища и не поверить, что всё будет именно так, как он обещает. Мне даже казалось, будто это я испытывал душевные страдания, а Валера меня утешал, обещая, что всё образуется.

– Мне нужно уточнить, когда будет электричка до Можайска, – ответил я. – Возможно, у нас с тобой ещё есть пара часов.

– Ефим, я уже проверил расписание, прежде чем вернуться к тебе, – сказал Валера с необычно учтивой улыбкой. – Электричка через пятнадцать минут. Тебе ещё надо успеть купить билет.

И здесь Валера был на шаг впереди меня, что заставляло меня всё больше восхищаться и даже слегка побаиваться его непоколебимого хладнокровия в такой ситуации.

– Что же, надо поспешить, – вяло и покорно ответил я, снимая с плеч рюкзак.

Я достал пачку риса, бутылку воды, железную миску и коробок спичек – всё, что оставалось в моём портфеле, и мы переложили это в рюкзак Валерки. Потом я отвязал палатку от багажника своего велосипеда и привязал к железному коню своего друга. Я ещё раз осмотрел мой велосипед, ощупал руками рюкзак и карманы, чтобы убедиться, что я не забыл отдать Валере ничего жизненно важного, ничего, что могло быть особенно ценным в дороге. Тут я вспомнил про деньги и, немного смущаясь, вытащил из кармана смятые полторы тысячи рублей и протянул их Валере. Он уверенно, но мягко схватил их и сунул себе в карман.

– Спасибо тебе огромное за всё, Ефим, – сказал он, крепко пожав мою руку. – Я обещаю, что это не последняя наша с тобой встреча.

– Береги себя, дружище. Я буду за тебя молиться. Надеюсь, этот твой дядя Антон и впрямь порядочный человек и поможет тебе, а не то пусть Бог его жестоко покарает!

– Он обещал помочь. Я ему верю, – ответил Валера куда более сдержанным тоном, чем отвечал ему я.

Мы крепко, но скоро обняли друг друга, и я вместе с велосипедом отправился в здание вокзала.

Вскоре я уже сидел на скамейке в ожидании электрички, погружённый в глубокую задумчивость. Поначалу я ощущал сильную тоску оттого, что расставался со своим другом. Чувство искреннего сострадания к тяжёлой участи Валеры намертво сплелось в моих мыслях с эгоистичной скорбью о том, что мне приходилось отпускать своего друга, с которым было приятно проводить время. Но незаметно для меня самого печальные мысли о разлуке с другом сменились тёплой безболезненной тоской по дому и родителям, которая обычно возникает в преддверии скорой желанной встречи. Я подумал, что буду рад увидеть отца и мать, по которым безумно соскучился. Вспомнив о родителях, я тут же стал воображать,

как на следующий день приятно удивлю своим неожиданным визитом любимую Настю, о которой тоже не раз вспоминал в дороге со светлой грустью, которую каждый раз мысленно обнимал и прижимал к себе, прежде чем уснуть на холодной и твёрдой земле в глуши тёмного леса. Настроение моё заметно поднялось, я подумал, что и Валерка скоро хорошо устроится в Минске, и всё у него наладится.

Между тем тишину моих размышлений стал прерывать постепенно нарастающий стон рельсов. Я поднял свой взгляд, до этого устремлённый в серый асфальт, и увидел приближающийся поезд, который, по-видимому, и должен был отвезти меня домой.

«Всё, – подумал я, – пора! Дай тебе Бог, Валера, вынести все невзгоды и обрести спокойную жизнь».

Я встал и приблизился к краю платформы. Уже замедливший движение поезд слегка обдал меня прохладой, и мимо меня замелькали первые вагоны состава. Вскоре двери передо мной открылись, но я не шевельнулся. Я уставился стеклянными глазами в открытые двери вагона и продолжал стоять неподвижно, точно меня парализовало.

– Эй! Что встал на проходе! – раздался голос сзади и одновременный грубый толчок в плечо.

Это какой-то мужик попытался меня оттолкнуть, чтобы зайти в вагон. Он пролез внутрь, задев меня плечом, а я, слегка пошатнувшись, остался стоять прикованным к земле.

Я вдруг почувствовал, что совершаю какую-то грубую ошибку, что если я сейчас сяду в этот поезд, то навсегда запомню этот вечер как время, когда я сделал какую-то невыносимую глупость.

Вдруг двери поезда захлопнулись перед моим носом, и через несколько секунд вагоны начали постепенно проползать мимо меня, всё чаще и чаще замелькали окна. Электричка уехала, а я остался один на платформе с видом подавленного душевными муками человека.

Как только гул от уехавшей электрички затих, я услышал знакомое каждому шуршание метлы об асфальт – на противоположной платформе дворник энергично наводил порядок.

– Как же ты так зазевался? То ведь последняя электричка

на сегодня была, – сказал он мне с искусственной улыбкой, которую взрослые часто любят изобразить на своём лице, когда начинают разговаривать с детьми.

И не дожидаясь от меня ответа, дворник снова принялся размахивать метлой, так что было видно поднимающийся у его ног вихрь пыли, отблёскивающей золотой окраской под лучами вечернего солнца.

«Нет уж, Ефим! Рано ты собрался своего друга покидать, – укоризненно заявил я сам себе. – Тоже мне выдумал! Взял и бросил одного! А кто знает, что через неделю ему этот дядя Антон скажет? Может, ещё неделю скажет ждать. А если случится что с Валеркой, а рядом никого не окажется? Нет уж, дал обещание – выполняй. Решил проводить до конца – значит, оставайся с ним до победного, нечего вот так к маме под бок убегать. Надоело, видите ли, ему в палатке спать да по жаре ездить! Ничего, чай не январь на дворе! Ещё недельку покочуем. Надо будет, и на рисе с гречкой посидим – здоровее будем».

Ещё пару минут я внушал себе, что необходимо остаться со своим другом, корил себя за то, что поддался соблазну и чуть не уехал вот так легко и непринуждённо, едва только появилась возможность.

Между тем далеко на северо-западе вечернее солнце уже проваливалось за зелёные просторы Смоленской области, и постепенно начинало темнеть. Я подумал, что Валерка уже мог двинуться дальше, и поспешил выйти со станции, чтобы отправиться ему вдогонку, пока он не успел свернуть с дороги куда-нибудь на ночлег, если уже этого не сделал.

Я прошёл через здание вокзала и вышел к тому самому месту, где мы с Валеркой расстались. Тут же я встал как вкопанный от приятного удивления: Валера никуда не уехал, а стоял возле вокзала и неторопливо покуривал сигарету, которую, скорее всего, выклянчил у прохожего.

Валера тоже заметил меня, тогда он улыбнулся и спросил:

– Что, Ефим, опоздал?

– Опоздал, – ответил я с застенчивой улыбкой.

– Я так и думал, что опоздаешь, – сказал Валера, не меняя выражения лица. – Ну что, поехали дальше?

Я молча кивнул, точно так же сохраняя свою прежнюю улыбку.

– Тогда бери палатку назад и переложи к себе в рюкзак часть вещей, – попросил Валера.

Я сделал, как он сказал, и мы не спеша закрутили педали дальше навстречу алой вечерней заре. Валерка прекрасно знал, что я совсем никуда не опаздывал, а просто решил не уезжать. Я это понял, как только увидел его лукавую улыбку. Однако любые объяснения были бы излишними, мы и так прекрасно поняли друг друга.

Когда мы отъехали от станции ещё совсем немного, я резко остановил свой велосипед и оглянулся назад на здание вокзала. Валера увидел это и тоже затормозил.

– Тебе надо вернуться туда? – спросил он.

– Да, – ответил я. – Я мигом.

– Не спеши, Ефим. Я подожду тебя здесь.

Сказав это, Валера слез с велосипеда, отошёл на лужайку и уселся под тополь. Я же поехал назад к вокзалу. Мой товарищ понял, каковы были мои намерения: я хотел позвонить родителям и предупредить их, что задержусь ещё на неделю. Но позвонить домой я не мог, так как у нас не было телефона, как и у каждого жителя нашей деревни. Тогда мне оставалось одно: позвонить Насте на городской номер и попросить её передать мои слова родителям. Так было даже лучше – мне было стыдно перед отцом и мамой за то, что я вот так взял и сбежал из дома, прихватив с собой две тысячи. Как не хотел я услышать голос своей мамы, я, наверно, не смог бы найти сил сообщить ей, что её пропавший сын вовсе не собирается ехать домой, а будет находиться ещё целую неделю неизвестно где и жить непонятно на что.

Я подошёл к автомату, набрал номер Насти, который помнил наизусть и, наверно, не забыл бы ни при каких обстоятельствах.

– Алло, – из трубки послышался знакомый мне нежный голос.

К телефону подошла сама Настя, а не кто-то из её родителей, как я предполагал изначально. Тем было лучше для меня.

– Настя, привет! – робко ответил я, не зная, какой реакции ожидать от девочки.

Голос Насти заметно ожил, и тотчас в трубку посыпались вопросы:

– Ефим, это ты? Боже мой! Ты где? Ты в порядке? Что с тобой?

– Настя, я нахожусь в городе Вязьме, это Смоленская область...

– Что ты там делаешь? – перебила меня взволнованная девочка.

– Мы тут с Валерой. У него умер отец...

– Я знаю, Ефим. Твои родители организовали похороны, мы тоже на них присутствовали. А что вы делаете в Вязьме?

– Мы едем в сторону Минска...

– Вы что, с ума сошли? Вы отправились в Минск на велосипедах? – снова перебила меня девочка, не дав досказать свою мысль.

– Нет, Настя! Не перебивай. Послушай же! В Минске живёт дядя Антон, армейский друг покойного Валеркиного отца. Он обещал взять к себе Валеру, но у него сейчас трудности с переездом, и он просил позвонить нас через неделю. Мы просто тянем время, нам надо переждать эту неделю, вот мы и движемся потихоньку в нужном направлении.

На сей раз я закончил свою речь и стал ждать ответа от Насти, но она молчала. Возможно, она просто не знала, что следует ответить, или не могла понять, какой из её бесчисленных вопросов, накопившихся в девичьем сознании, следует задать первым.

Тогда я продолжил:

– Валере никак нельзя в детский дом. Поэтому мы в бегах. Его ищут в деревне?

– Твои родители показали записку участковому, и Валеру формально объявили без вести пропавшим. Но так как все понимают, что сбежал он по собственной воле, никто его вроде бы не ищет. Они сказали, что он сам где-нибудь объявится.

– А меня ищут? – спросил я дрожащим голосом, словно прося: «Скажи, что нет».

– Твои родители прочли записку и не стали писать заявления в милицию. Но они очень за тебя волнуются и каждый день нам звонят...

– Настя! – воскликнул я, на этот раз сам перебив свою собеседницу. – Скажи им, что всё хорошо! Мы питаемся три-четыре раза в день, не мёрзнем. На улице тепло даже ночью. Мы будем в дороге ещё неделю, а затем позвоним дяде Антону, и Валера отправится к нему в Минск, а я поеду домой. Сегодня у нас шестнадцатое, значит, ждите меня после двадцать третьего.

– Ефим, – поспешила ответить Настя, – когда мы были на похоронах, твой отец передал мне трогательную записку от тебя. Всё, что ты там написал о своих чувствах ко мне, это действительно правда?

Я никак не ожидал, что Настя затронет эту тему. Я тотчас дословно вспомнил всё, что написал в том послании, отчего сильно смутился, как смущается человек говорить вслух о тех искренних глубоких чувствах, которые так легко ложатся на бумагу, когда рядом нет того человека, которому ты посвящаешь столь трогательные строчки.

– Да, Настя. Чистая правда. Прости, мне нужно бежать, у меня заканчиваются деньги на этот разговор, – поспешно пробормотал я. – Передай моим родителям то, о чём я тебя просил.

Сказав это, я положил трубку. Я не мог понять, почему я так засмутился, едва только разговор зашёл про мою записку, и сожалел, что так мало поговорил с моей любимой Настей, чей голос я так давно не слышал. Но перезванивать я не решился, а понадеялся, что Настя всё поймёт и выполнит мою просьбу.

Я простоял какое-то время возле телефонной будки, мысленно воспроизводя наш разговор, пока он ещё не успел ускользнуть из моей памяти и я мог насладиться голосом прекрасной девочки, так ярко играющим в моём воображении.

Когда я вышел на улицу, солнце уже почти скрылось за горизонтом. Мы с Валерой едва успели выехать за черту города и разбить лагерь, прежде чем окончательно стемнело.

Но спать мы не торопились, а уютно расположились возле костра. Я пребывал в приподнятом настроении, сытый разговором с моей возлюбленной Настей и готовый встретить новые приключения, которые должны нас ждать в течение предстоящей недели. Валера тоже не был грустным, казалось, такой кочевой образ жизни начинал ему нравиться. И он был абсолютно прав – есть что-то необычное, возвышенное и романтическое во всех этих переездах с места на место, ночёвках в лесу, треске хвороста и запахе угля от всей нашей пищи.

На следующий день перед нами встала новая задача: нужно было как-то помыться, потому что за четыре с лишним дня мы уже успели изрядно испачкаться и провонять запахом костра и собственного пота. Решение проблемы не заставило себя долго ждать. Мы проехали около восьми километров и свернули в деревню Относово, где и расположились на берегу небольшой реки Вязьма. Нам кое-как удалось помыться, постирать вещи и даже сполоснуть велосипеды, которые тоже изрядно запыхались за столь длительное пребывание на шоссе.

Когда мы ушли с речки и продолжили путь, было далеко за полдень, поэтому, не преодолев и двадцати километров, мы снова устроились на ночлег, немного не доезжая деревни Якушкино.

Все последующие дни мы ехали мало, сэкономили силы, так как при изнурительной езде нам требовалось есть в два-три раза больше, чем обычно, что значительно повышало бы наши затраты на пропитание. Кроме того, почти каждый день проходили кратковременные ливневые дожди, которые вынуждали нас делать остановку в лесу. Остановка эта могла затянуться на несколько часов, если после ливня дорога была залита водой, и нам приходилось ждать, пока она высохнет. Иначе бы многотонные грузовики окатывали нас брызгами с головы до ног, что лишало бы всякого смысла наши старания укрыться от ливня в лесу. А если остановка затягивалась до вечера, мы просто-напросто оставались в лесу на ночлег, потому что не видели никакого смысла покидать насиженное место и искать новое ради каких-нибудь дополнительных

десяти километров по направлению к Минску, до которого мы даже не пытались добраться своим ходом.

Утром двадцать третьего июня мы достигли города Ярцево, где планировали остаться до конца дня, чтобы вечером сделать новый звонок армейскому товарищу Валеркиного отца. Мы не удержались от того, чтобы не отведать нормальной еды в одной из столовых маленького города, и потратились на внушительный сытный обед, как сделали это в Вязьме и Гагарине. К вечеру у нас оставалось уже около двухсот рублей, преимущественно мелочью, которая копилась в наших карманах и рюкзаках в течение всей поездки в качестве сдачи.

Около восьми вечера мы отправились на городской вокзал, откуда было возможно позвонить в столицу Белоруссии. Валерке пришлось запомнить номер наизусть, потому что ни бумаги, ни карандаша у нас с собой не было. На сей раз я попросился стоять рядом и слушать весь разговор – мне было крайне любопытно узнать все подробности будущей жизни Валеры. Помимо этого, дядя Антон должен был сообщить свой точный адрес, на который Валера должен был прибыть в Минск. В отсутствии возможности что-либо записать мы посчитали необходимым прослушать адрес вдвоём, чтобы каждый из нас его запомнил.

Когда часы на вокзале показали ровно полдевятого, мы с Валерой уже стояли в телефонной будке, он набирал номер. Я успел отсчитать пять гудков, когда услышал из трубки хриплое «Алло».

– Алло, Антон Алексеевич? – встрепенувшись, ответил Валерка. – Это я, Валера. Помните меня? Вы сказали, что я могу позвонить Вам сегодня.

– А, Валера! – раздался воодушевлённый ответ. – Конечно помню! Как твои дела? Ты где сейчас?

– Мы с другом находимся в Ярцево. Вы говорили, что переезжаете в Минск, сказали, что я смогу у Вас остаться на какое-то время.

– Да-да! Я помню. Валера, ты знаешь, мы с женой с радостью примем тебя, но буквально вчера моё начальство сообщило, что отправляют меня в отпуск с завтрашнего дня. Я

должен был идти с первого августа, но у них что-то там стряслось и в августе им будет нужен работник. Поэтому пришлось брать отпуск прямо сейчас.

– Вы уезжаете? – с ужасом в глазах спросил Валера, понимая, к чему вёл разговор его собеседник.

– Да, мы вылетаем к родственникам в Сочи ночным рейсом, через десять минут за нами приедет такси. Хорошо, что ты успел позвонить, а то бы вовсе нас не застал!

Валера ничего не отвечал, он был сражён наповал тем, что и в этот раз ему не удастся остановиться в городе и прекратить бродяжничать.

– Валера, ты здесь? – продолжал дядя Антон. – Побудь пока дома это время. Справишься? Позвони мне через месяц, я сам за тобой приеду. Заодно зайду на могилу к твоему отцу. Алло, слышишь?

– Слышу, – подавленным и полным безразличия голосом ответил Валера.

– Вот и славно. До скорого! Удачи тебе!

И собеседник повесил трубку, не дожидаясь ответа.

Я отчётливо слышал весь разговор и видел, насколько мой друг был раздавлен его результатами. Трубка выпала из его руки и болталась в воздухе на длинном проводе, он безучастно смотрел в пол, не шевелился и не моргал, точно был парализован страшным ядом и лишился всяких чувств.

Потом он всё же быстро опомнился, и мы вышли на улицу на свежий воздух в надежде, что там будем в состоянии трезво оценить ситуацию. Но как только мы подошли к велосипедам, которые оставили на лужайке неподалёку от вокзала, Валера рухнул на землю и испустил резкий мучительный стон, после чего слёзы хлынули из его глаз рекой, словно копилась там все одиннадцать дней, прошедшие с момента смерти его отца. Он рыдал, сжимал руками траву и отрывал её от земли, хватался за голову, бил по земле, потом снова принимался рвать траву – он был в истерике. Я даже не пытался его успокоить, это было бессмысленно; видимо, для него настало время дать волю своим чувствам, которые не могли копиться вечно даже в таком сильном и могучем сердце, как сердце Валеры.

Когда измученный душевными терзаниями парень успокоился, он сел на землю и облокотился на ствол старого вяза. Я не решался заглянуть ему в глаза, потому что боялся увидеть в них мрачное отражение всех тех страданий, которые сломили бодрый дух моего друга. Я лишь сидел возле него и прочно упёрся взглядом в землю, как бы стараясь показать Валере, что я рядом и в любую минуту готов заговорить, но совсем не тороплю его и не испытываю невежественного любопытства от вида его мук.

Так я ждал, пока Валера заговорит первым. Только это могло означать, что он успокоился и готов обсудить наши дальнейшие планы.

– Сколько у нас осталось денег, Ефим? – такой была первая фраза, произнесённая Валерой.

– Сейчас скажу точно! – поспешил ответить я и постарался проявить особую учтивость, желая показать, что не безучастен и готов помогать.

Я достал всю мелочь из карманов, после чего вынул несколько монет из рюкзака, потряс его и подобрал ещё две выпавшие из него пятирублёвые монетки.

– У меня сто двадцать четыре рубля, – гордо произнёс я, когда посчитал и сложил в одну кучку все деньги.

Валера выгреб из кармана горсть монет и, небрежно и даже как-то брезгливо окинув её взглядом, сунул назад.

– У меня около семидесяти, – сухо прокомментировал он.

– Итого сто девяносто четыре. Это как минимум два хороших обеда! – живо ответил я, стараясь придать какую-то добрую иронию своим словам, чтобы ободрить друга, но сам прекрасно понимал, насколько бедственным становилось наше положение.

– На эти деньги ты можешь купить билет на электричку и поехать домой или поймать машину и заплатить, чтобы тебя подбросили, – сказал мне Валера ровным холодным тоном, совершенно не выдававшим никаких человеческих чувств.

– Равно как и ты, – ответил я, желая намекнуть, что и для Валеры единственным выходом было отправиться назад в нашу деревню.

Валера замолчал. Лицо его сделалось сдавленным и по-

никшим, будто мой ответ вызвал у него приток новых горьких переживаний, которые на этот раз он попытался проглотить, а не выплёскивать наружу.

Немного помолчав, Валера всё же ответил уже твёрдым решительным голосом:

– Ефим, мне в деревню никак нельзя. Мне там жизни нет! Я лучше помру где-нибудь в лесу от голода, и мучения мои закончатся!

Когда раздавленный страшными мучениями человек говорит, что он устал и больше не может, у каждого, кто это слышит, невольно возникает опасение, что его собеседник помышляет о том, чтобы свести счёты с жизнью. Но я бы никогда не поверил, что за подобными словами, произнесёнными устами столь сильного духом Валеры, может скрываться такая крайняя степень отчаяния. Однако Валера даже не сказал, что слишком устал и не может дальше страдать, а прямо заявил, что готов умереть; это показалось мне ещё более страшным, чем косвенные намёки на желание расстаться с жизнью.

От такого поворота и мои нервы лопнули. Я стал бессознательно и невнятно отговаривать Валеру от таких радикальных мер.

– Валера! – воскликнул я дрожащим голосом. – Ну что ты такое говоришь? Даже не думай о таком! Никогда так не говори! Давай вернёмся в деревню, будешь жить у нас! Мы тебе поможем всем, чем сможем, и никогда не оставим! Ну хочешь, ты будешь жить в моей комнате? Я могу и на кухне спать! Да что там, хоть в гараже! Мне не трудно. Всё образуется, вот увидишь. Мы должны бороться! Нельзя сдаваться!

– Тебе, Ефим, легко говорить! – воскликнул обиженным голосом Валера. – У тебя родные есть, девчонка, которая тебя любит, тебе в Сосновке не жизнь, а рай. А у меня кто там? Ни-ко-го! Только горькие воспоминания о погибших родных!

– Валера, мои родные и о тебе позаботятся! Вот увидишь! А Настя... Если она тебе нравится, можешь начать с ней встречаться.

Я, конечно, не был готов делить свою Настю с кем-либо и понял, что сказал нечто нелепое. Но в этот момент мне важ-

нее было утешить Валеру, а не обещать ему что-то хоть сколько-нибудь объективное.

– Ефим, да пойми ты. Нет мне места в Сосновке, – ответил уже более рассудительным тоном Валера. – Я хочу забыть её раз и навсегда. Мне нужно искать другое место для жизни.

То, что Валерка стал мне доказывать необходимость найти новое место проживания, было хорошим знаком. По крайней мере, он уже не настаивал на том, чтобы покончить с собой, как единственно возможном выходе.

В душе я с облегчением вздохнул, но пока ещё не сообразил, как дальше построить диалог с Валеркой, чтобы совсем успокоить его.

– Мне надо найти работу. На оставшиеся деньги мы больше двух дней не продержимся, – начал озвучивать более светлые мысли мой друг.

– Но где нам её тут найти? Ты знаешь что-нибудь об этом городе? – поинтересовался я.

– Думаю, в городе нет смысла искать. Даже если возьмут какие-нибудь коробки разгружать или на шиномонтажке помогать, жильё не дадут. Да и высок риск на ментов где-нибудь нарваться. Надо нам в деревню податься. Там и милиции нет, и работа летом найдётся, и в бане или сарае разрешат пожить первое время. И питаться есть чем без денег.

Такая цепочка доводов явно свидетельствовала о том, что к Валерке вернулся рассудок и в море его бесчисленных страданий утихла буря печали, едва не потопившая его желание жить.

– А ты дело говоришь! – охотно подметил я, стараясь явно выразить своё хвалебное отношение к предложению Валерки. – Давай тогда выедем из города и разобьём лагерь, пока не стемнело.

Валера дал согласие, и через час мы уже встречали очередную ночь под жёлтым тентом старой учебной палатки.

У нас было не более двух дней, чтобы найти деревню, в которой мы могли заработать хотя бы на первое время. В противном случае нас ждал голод и необходимость начать попрошайничать, что довольно скоро привело бы нас к конфликту с милицией, которого нельзя было допускать. Поэтому

му, не теряя времени, мы отправились с утра в путь, планируя заезжать во все деревни подряд, пока не найдём работу. Так начался двенадцатый день нашего затянувшегося путешествия.

Глава пятнадцатая

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Всё утро мы действовали по одной и той же схеме: как только видели поворот на какую-нибудь деревню, сразу сворачивали; когда достигали самого селения, спрашивали в сельпо или у встречных о любой имеющейся в деревне работе. Но такой подход совсем не приносил результатов. Частенько нам попадались дачники или постоянные жители, которым просто-напросто не требовалась помощь на участке. Иные искали строителей, но наши с Валерой кандидатуры скорее вызывали у них ироничную насмешку. Так продолжалось до тех пор, пока конструктивные недостатки отечественного авто, а может быть и неграмотность самого водителя не сыграли нам на руку.

Когда мы ехали по Минскому шоссе в ожидании нового поворота в очередную деревню, нам представилась следующая картина: на обочине стояла бежевая «шестёрка» с включённой аварийной сигнализацией, а около неё высокий худой мужчина в очках пытался что-то разглядеть под открытым капотом. Решением Валерки было остановиться и узнать, что случилось. Я, конечно же, не стал этому противиться. Мы проехали немного вперёд и оставили велосипеды в нескольких метрах от машины. Мужик, пристально разглядывавший мотор, не обратил на нас внимания.

– Что случилось? Вам чем-нибудь помочь? – спросил Валера, когда мы подошли ближе.

Мужчина обернулся и сильно удивился, когда увидел за спиной двух совсем молодых парней.

– А вы разбираетесь? – спросил он нас мягким голосом с заметным оттенком пренебрежительного недоверия.

– Смотри в чём проблема. Что у Вас случилось? – твёрдо и свободно без какого-либо смущения задал вопрос Валера.

Я же стоял в стороне и просто наблюдал за происходящим. Все эти автомобильные вопросы были явно не моего ума дело – я совершенно ничего не понимал в машинах, в отличие от Валеры.

– Да вот, завести не могу. Есть тут место одно грибное, я машину оставил, а сам в лес. Возвращаюсь – машина на месте, цела, невредима, а вот завести не могу.

Валера подошёл ближе к машине и стал вглядываться в двигатель. Мы же с незнакомцем продолжали молча стоять и ждать его вердикта. Валерка с серьёзным видом осматривал то одну часть мотора, то другую, что-то едва слышно нашёптывал себе под нос, просовывал руки к разным деталям, но не решался их трогать.

Неожиданно лицо его смягчилось, он улыбнулся и шутливым голосом заключил:

– Так у Вас клемма с аккумулятора слетела. Видите? Отсюда и контакта нет.

Валера показал пальцем в какое-то место; я не мог видеть, куда именно. Затем он ловко стал орудовать руками, принялся что-то закручивать. Парень работал так шустро, что хозяин машины едва успевал следить за его движениями и, перешагивая с ноги на ногу и крутя головой, пытался запомнить ловкие отточенные действия Валерки. Судя по всему, этот зрелый мужчина был полным дилетантом, когда дело касалось ремонта автомобиля.

– Готово! – заявил Валера и парой звонких хлопков отряхнул руки. – Если дадите ключ, затяну потуже.

Около машины стоял небольшой железный чемоданчик с инструментами. Горе-незнакомец спешно и суетливо вынул оттуда несколько ключей, видимо желая поскорее угодить Валерке. Он подал их всех, так как, судя по всему, не знал, какой из них должен подойти. Валерка беглым взглядом окинул охапку ключей и тут же выхватил один из них.

Он проворно сделал им несколько оборотов и повторил:

– Готово! Можете заводить!

Мужик сел в машину, провернул ключ, и мы тут же

услышали рёв мотора.

Затем он вышел, судорожно пожал Валере руку и, заикаясь от волнения, произнёс:

– Ребята! Спа... Спасибо!

– Спасибо! – повторил он, подойдя ко мне и, как и Валеру, наградил меня рукопожатием.

– Спасибо Валере! – ответил я. – Он Вам помог, а я тут ни при чём.

Тогда хозяин авто повернулся к моему другу и снова выразил ему слова благодарности.

– Рад был помочь, – ответил Валера. – Странно, что у Вас клемма слетела. Видимо, плохо закреплена была, вот и оторвалась на каком-нибудь ухабе. Но это пустяки. Мне удалось поставить её на место.

– Ребята, спасибо вам! – широко улыбаясь, повторил дядька, при этом попеременно окидывая взглядом то меня, то моего друга. – Я должен вас отблагодарить. Я таких маслят собрал, просто объеденье! Сейчас моя жена приготовит из них жаркое! Хотите попробовать?

Мы с Валерой переглянулись, как бы желая прочитать в глазах друг друга одинаковый ответ.

– Да тут работа-то пустяковая. Неудобно как-то Ваши грибы поесть, – первым отреагировал на предложение Валера.

– Пустяки, ребята! Я буду только рад видеть вас за нашим столом. И жена моя будет очень рада, если вы разделите с нами обед. Екатерина Ивановна замечательная женщина! Вот увидите! Поедьте за мной, тут недалеко. Через два километра поворот на нашу деревню.

Сказав это, незнакомец устоял на нас с выжидающей улыбкой, очки его заблестели на солнце.

– Ну, раз такое дело... – уклончиво ответил Валера, всё же постеснявшись принять такое лестное предложение более твёрдым ответом.

– Конечно, ребята! Поехали. Вы, наверно, очень голодные с дороги, – ещё радостнее воскликнул мужчина и захлопнул капот.

Он отнёс ящик с инструментами и сел за руль, затем вы-

сунулся из окна и добавил:

– Я буду ехать впереди помедленнее. Двигайтесь следом за мной. Тут минут десять езды до поворота.

Мы были совсем не в том положении, чтобы отказываться от бесплатного, если не считать затраченного Валеркой труда, обеда. Поэтому нашим решением стало не противиться судьбе, а отправиться вслед за незнакомцем. Да и не настолько же невежественными мы были, чтобы отказать человеку в желании выразить свою искреннюю благодарность.

Незнакомец оказался прав, и по шоссе нам пришлось проследовать за ним не больше двух с половиной километров. Мы частенько отставали, тогда наш новый приятель останавливался на обочине и дожидался нас. Зато, когда мы свернули на просёлок, дорога сделалась ухабистой и извилистой, и тогда уже машина не имела перед нами никаких преимуществ, мы без труда могли следовать за «жигулями» и не отставать.

Мы повернули в деревню Зайцево, которая была где-то в тридцати километрах от покинутого нами вчера города Ярцево. По просёлочной дороге пришлось ехать тоже недолго, довольно скоро мы въехали в самую деревню.

Участок, возле которого мы остановились, представлял собой довольно ухоженное местечко на окраине деревни. Старый деревянный забор уже давно выгорел на солнце, и едва ли было можно заметить, что когда-то давно он был покрашен в жёлтый цвет. Зато стоял он крепко, ни одно прясло не сгнило и не покосилось. По всему периметру трава была тщательно скошена, возле забора с внутренней стороны уютно расположились кусты шиповника и смородины. На одном краю участка теснилось несколько строений: одноэтажный дом, выкрашенный в рыжий цвет, с искусно сделанными наличниками на окнах, небольшой сарайчик и бревенчатая баня. Основную же площадь занимали многочисленные грядки и зелёные дорожки, по обе стороны окутанные красивыми цветами. Рядом с домом, почти соприкасаясь с ним, располагался железный гараж, возле которого мы и остановились, как только въехали через ворота, которые, кажется, никто не запирает.

Все троём мы отправились в дом, оставив машину и велосипеды на улице. По двум крупным ступенькам мы поднялись на крыльцо, а когда зашли внутрь, нас встретила женщина, тёплая улыбка которой подчёркивала маленькие морщины на её приветливом лице.

– Ребята, знакомьтесь: Екатерина Ивановна. Моя дорогая супруга, – представил нам свою жену наш новый знакомый.

– Здравствуйте, ребята! – мягким бархатным голосом ответила женщина.

– Меня Ефим зовут, а это мой друг Валера, – решил я представить нас.

– Очень приятно! – тут же воскликнула хозяйка.

– Ребята, я же забыл вам представиться! Простите меня. Пётр Сергеевич, – сказал наш приятель и повторно пожал нам руки.

– Катя, – обратился он к своей жене, – ребята мне очень помогли на дороге. Машина заглохла, когда они проезжали мимо. Они остановились и тут же её починили, представляешь! Не знаю, что бы я делал без их помощи. Я пригласил их к нам на обед. Ты не возражаешь?

– Милости простим, – не меняя своей ласковой улыбки, ответила супруга.

Пока готовился обед, мы с Валерой и Петром Сергеевичем вышли на веранду и завели дружескую беседу. Сначала хозяин дома принялся рассказывать нам о себе и своей работе. Мы узнали, что они с женой приезжают в эту деревню на лето, а в остальное время года живут в Москве. Пётр Сергеевич преподавал математику в одной из столичных школ, а его жена вела там уроки биологии. Любимая дача была для них желанным райским уголком, где можно было отдохнуть душой после утомительного учебного года. Но вскоре наш диалог перешёл в другое русло – Пётр Сергеевич стал расспрашивать нас с Валерой о нашем путешествии. Это потребовало от нас немедленного решения. Мы могли бы сказать правду, что сбежали из деревни и уже почти две недели бродяжничаем. Тогда было возможно два исхода: либо наш новый товарищ согласится оказать нам помощь в сложившейся ситуации, либо он заявит в милицию, и нас отправят обратно

в Сосновку, или же, что ещё хуже, моим родителям придётся приехать за нами. Но, как и всегда, была альтернатива: мы могли что-нибудь солгать и тем самым оградить себя от лишних вопросов, но тогда у нас точно не оставалось бы надежды на то, что наше положение как-то изменится благодаря нашему знакомству с Петром Сергеевичем.

Пока я размышлял о недостатках и преимуществах правды и лжи, Валера, кажется, выбрал первый путь и на вопрос нашего друга о том, как давно мы едем, ответил, что мы в пути с двенадцатого июня.

– С двенадцатого июня! – воскликнул с изумлением школьный учитель. – Это так долго! Откуда же вы, ребята, держите свой путь?

– Можете считать, что от Можайска, – ответил Валера.

– И вы путешествуете одни? Неужто родители отпустили вас так далеко? – тотчас возникли естественные вопросы у нашего собеседника.

Тогда Валера рассказал нашему товарищу о том, как умер его папа и как мы вдвоём сбежали из деревни, вовсе не подозревая, что наше путешествие затянется так надолго. Валера упомянул и про переехавшего в Минск дядю Антона, покровительство которого являлось для него последним шансом провести остаток уже омрачённого детства в нормальных условиях.

– Нууу, дела, – протяжно ответил учитель и, сняв свои очки, начал тщательно протирать их тряпочкой.

Линзы и без того были абсолютно прозрачные, но Пётр Сергеевич принялся тереть их с таким упорством, словно хотел себя от чего-то отвлечь. Казалось, история Валеры поразила его, задела за что-то живое, и он тянул время, чтобы обдумать свой ответ.

Вдруг лицо нашего собеседника выдало недоумение, и он спросил нас робким голосом, будто стеснялся своего вопроса:

– И вы, ребята, хотите добраться до самого Минска на велосипедах?

– Нет, что Вы! – поспешил разубедить его Валера. – Об этом и речи быть не может. Антон Алексеевич попросил по-

звонить ему через месяц, а до тех пор мне нужно переждать это время.

– И чем ты планируешь заняться? – продолжил расспрашивать моего друга школьный учитель.

– Мне нужно найти работу. У меня закончились деньги, а запасов еды хватит разве что до завтра, – отвечал Валера, описывая всё в единственном числе, словно меня эти проблемы не касались вовсе.

Я так и не понял, зачем он это делал; скорее всего, он просто стыдился того, что втянул меня во все эти неприятности, но я, разумеется, не считал его виновным, потому что сам вызвался ехать вместе с ним.

– Нужно найти работу, нужно найти работу, – принялся тихо повторять Валера, вцепившись руками в свои волосы.

– А ты, что же получается, тоже сирота? – обратился ко мне Пётр Сергеевич, оставив Валеру в своих раздумьях.

– Нет, у меня родители остались в Сосновке, – ответил я.

– Как же они тебя отпустили? – спросил учитель и нацелился на меня испытующим взглядом.

Я невольно вздрогнул от нарастающей пытливости нашего собеседника, но всё же ответил ему как есть:

– Родителей не было дома, когда мы уезжали, и я оставил им записку.

– Мы думали, что уезжаем только на четыре дня, никто и не предполагал, что эта поездка так затянется, – поспешил я добавить в своё оправдание.

Мой ответ породил всеобщее молчание, и какое-то время мы продолжали сидеть на веранде, обременённые глубокими раздумьями.

От безмолвия нас отвлек характерный скрип – это открылась входная дверь, за ней показалась голова Екатерины Ивановны.

– К столу. Обед готов! – торжественно и кратко объявила хозяйка.

Не знаю, как для остальных, но для меня её слова стали настоящим спасением, так как моё воображение уже давно было занято жарким с грибами.

Обед, приготовленный супругой Петра Сергеевича, пока-

зался мне на редкость изысканным, и при помощи довольно-го взгляда и хвалебных реплик нам с Валерой два раза удалось получить добавки. Когда мы закончили есть, Пётр Сергеевич попросил нас вернуться на веранду и подождать его там. Мы сделали, как он велел.

День выдался знойным, и веранда была в тот момент для нас райским уголком, где можно было спрятаться от солнечных лучей и, уютно расположившись в кресле, наслаждаться лёгким дуновением ласкающего ветерка.

– Да уж, Валера. Небось, последний раз мы с тобой так плотно покушали, – пошутил я и тут же ощутил досадную горечь в горле от того, насколько большой в моей шутке была доля правды.

Валера ничего мне не ответил, а лишь искривил на лице ту улыбку, которой обычно подтверждал, что мои слова отражали горькую правду.

Скоро к нам вышел Пётр Сергеевич и сел рядом с нами.

Затем он окинул нас добродушным взглядом и спросил:

– Стало быть, ребята, вы работу ищете?

– Да, – ответил Валера и тут же оживился, видимо полагая, что школьный учитель не просто так задавал нам этот вопрос.

– Мне бы как раз в помощники надо пару хороших ребят, таких как вы, – ответил наш новый товарищ.

– А что за работа? – с ещё большим любопытством спросил Валерка. – Мы на всё согласны!

– Да баня у нас уже старенькая, крыша поизносилась. Надо бы новую стелить. Забор покрасить нужно, выгорел уже весь, да и гараж тоже покрасить не помешает – облезлый он какой-то стал, весь вид портит. Мастерскую хорошую отстроить требуется, а то устал я в сарае ютиться за старым верстаком. Дрова у нас заканчиваются, новых бы наколоть не мешало. Да и в доме по мелочи всякая работа требуется. Катька просит на кухне две новые полки прибить, лестница на чердак совсем расшаталась, было бы здорово новую смастерить. В общем, работа есть, не переживайте. Только заплатить я вам, конечно, не смогу, но вы можете жить вместе с нами – места хватит на всех. Кушать будете сколько захо-

тите. Можете оставаться тут на месяц или хоть до конца лета, пока у Валеры вопрос с жильём не решится.

– Мы согласны! – в один голос ответили мы, не веря в свою удачу.

– Спасибо Вам, Пётр Сергеевич. Я Вам очень признателен, я Вас не подведу, вот увидите! – добавил Валера.

– Не беда, ребята, – ответил Пётр Сергеевич и махнул рукой. – Вы меня на дороге выручили, теперь и я вам помогу. Да и опять же, это взаимовыгодное сотрудничество у нас с вами получается. Одному мне со всеми этими делами и к концу следующего лета не управиться, а втроём мы за месяц очень многое успеем, сами увидите! Но для тебя, Ефим, если решишь остаться, одно условие – позвони родителям и спроси у них разрешения. Но если они скажут тебе ехать домой, я тебя отвезу.

– Хорошо, – послушался я.

– Таксофон на центральной улице, – пояснил Пётр Сергеевич и вручил мне несколько монет, чтобы заплатить за звонок. – Беги туда и позвони им прямо сейчас. А потом возвращайся, и мы затопим для вас с Валерой баню. Навряд ли у вас была возможность нормально помыться во время вашего путешествия.

От такого замечания я тотчас смутился. Мы с Валерой и впрямь давно не мылись, и от нас, должно быть, уже сильно воняло. Я ощутил себя особенно неловко, как только представил, насколько неприятно было Петру Сергеевичу и его жене находиться рядом с нами во время обеда. Я скорее побежал к телефону в надежде оторваться от этих противных мыслей.

Немного пробежав, я перешёл на шаг – всё же не так легко было бегать с животом, полным жаркого. Тогда была среда, и я подумал, что ещё успеваю позвонить отцу на работу и сообщить о своих намерениях. Я бы мог позвонить и маме на её рабочий номер, я очень по ней соскучился и страшно хотел услышать её родной голос, но подумал, что не выдержу и заплачу прямо во время нашего разговора. Кроме того, я даже не мог вообразить, насколько ей было бы больно слышать, что она не увидит своего сына ещё месяц. Поэтому я

всё-таки решил поговорить с отцом – так было лучше для всех. Но в одном я был твёрдо уверен: несмотря на желание скорее вернуться в Сосновку, чтобы увидеть родителей и мою очаровательную Настю, я всё же буду просить разрешения остаться с Валерой. Помимо этого, грядущий месяц в Зайцево обещал быть интересным, я был очень вдохновлён перечнем работ, которые нам предстояло выполнить.

Когда я дошёл до телефонного автомата, я не сразу принялся набирать номер отца, а ходил какое-то время взад и вперёд, не решаясь сделать звонок. Я мысленно воспроизводил наш разговор, представляя то как отец кричит на меня и обещает всыпать ремня за всё, что я сделал, то как он отвечает, что безумно рад меня слышать, рассказывает, что нового у нас в деревне, и разрешает остаться мне ещё на месяц с тем условием, чтобы я не забывал звонить им иногда.

В конце концов я собрался с духом, сделал глубокий вдох и принялся набирать номер отца. С каждым гудком, доносившимся из трубки, моё сердце начинало колотиться всё сильнее и сильнее.

– Алло, – раздался серьёзный голос на другом конце провода.

Отец всегда отвечал таким тоном, когда был на работе.

– Папа, – едва слышно ответил я и чуть не заплакал, потому что в этот миг осознал, как сильно истосковался по своей семье.

– Ефим, это ты? – голос отца заметно переменялся.

– Да, папа, – ответил я и замолчал, так как не знал, с чего начать разговор, который уже несколько раз прокручивал в голове – все мысли мои словно смыло волной нахлынувших чувств.

– Как у вас с мамой дела? – бессознательно пробубнил я рядовой вопрос.

– У нас всё хорошо, только за тебя сильно переживаем, особенно мама. Где ты сейчас?

– Настя сообщила вам новости от меня неделю назад?

– Она говорила, что вы с Валерой укатили в Смоленскую область. Что вы там делаете?

Я насколько мог кратко, но ёмко описал отцу всё, что с

нами происходило, начиная с того момента, как ровно двенадцать дней назад я оставил им на кухонном столе записку. Потом я спросил, могу ли остаться в Зайцево ещё на месяц, чтобы поддержать Валеру и помочь Петру Сергеевичу выполнить работы на участке.

Отец внимательно выслушал меня, не перебивая, после чего сделал паузу, которая показалась мне вечной, и ответил:

– Ефим, ты уже взрослый и сам способен принимать решения. Но никогда не забывай о матери, которая за тебя очень волнуется. Не давай ей ни малейшего повода проливать горькие слёзы – звони нам почаще. Я передам ей наш сегодняшний разговор, позвони ей завтра – она будет рада тебя слышать. Кроме того, не забывай, что с сентября у тебя начинаются уроки. Это означает, что в конце августа ты должен быть дома как штык при любых обстоятельствах.

Очевидно, что ответ отца и был разрешением остаться. Такая степень доверия и уважения с его стороны превзошла все мои ожидания, и я ещё не раз с улыбкой вспоминал наш разговор. Я пообещал ему завтра же позвонить маме и, самым ласковым образом поблагодарив его, попрощался. Я был беспредельно рад тому, с каким пониманием он относился ко всем моим беспечным действиям.

На участок к Петру Сергеевичу я вернулся только через час, позволив себе побродить по деревне в приподнятом настроении. В тот же вечер мы с Валерой как следует вымылись, а засыпали уже на чистых кроватях таким сладким сном, какой уже давно позабыли, проводя ночь за ночью в палатке на жёсткой холодной земле.

Следующее утро началось с приятного разговора с моей мамой, которая была невероятно рада меня слышать и задавала так много вопросов о моём путешествии, что меня спасло только обещание подробно рассказать обо всём, как только я вернусь в Сосновку через месяц. Ближе к обеду мы втроём с Валерой и Петром Сергеевичем съездили в Ярцево за краской для забора. Он даже позволил нам самим выбрать оттенок. Мы остановились на синем цвете, и уже к вечеру несколько метров забора были покрашены. Так прошёл наш первый рабочий день на участке Петра Сергеевича.

Глава шестнадцатая

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

В средней полосе декабрь и январь похожи друг на друга как две капли воды: короткие дни уступают длинным ночам, бледное солнце даже в полдень поднимается так низко, что самая маленькая постройка закрывает его, а сравнительно тёплые снежные дни в любой момент могут смениться тридцатиградусными морозами.

Подобно тому, как первые два месяца зимы схожи друг с другом, первые два месяца лета одинаково балуют солнечной жаркой погодой, лишь иногда преподнося ливневые дожди, от которых становится только свежее. Такими же оказались июнь и июль девяносто восьмого года, которые не переставали радовать нас погожими днями.

Почти все знойные июльские дни мы посвятили работе на участке Петра Сергеевича, и это время обернулось для меня одним из самых увлекательных периодов моей жизни.

Чередка приключений началась в первый же июльский день. Пётр Сергеевич дал нам с Валерой пятьсот рублей и наказал съездить в магазин, чтобы закупить продуктов: разнообразных круп, макарон, печенья к чаю, хлеба и свинины для шашлыка и мясного супа. Сам он поехать в магазин не мог, потому что за день до этого одолжил машину приятелю, чтобы тот отправился на ней в Гродно по каким-то срочным делам. Для нас же с Валерой не представляло труда одолеть пару вёрст на велосипедах, поэтому мы охотно согласились исполнить поручение. Кроме того, Пётр Сергеевич разрешил нам взять по мороженому на сдачу – трудно было отказаться от таких привилегий. Не теряя времени, мы отправились в путь.

Дорога до магазина проходила через всю деревню и продолжалась за её пределами. На велосипеде весь путь занимал около четверти часа. Все дни до этого мы работали исключительно на участке, а также несколько раз ездили купаться на пруд, поэтому можно сказать, что поездка в магазин была нашим первым знакомством с самой деревней и окрестно-

стями. И началось это знакомство не самым приятным образом.

По пути в продуктовый нам встретились несколько местных подростков. Их было человек пять или шесть, один мальчишка был довольно низкого роста, судя по всему, он был младше нас с Валерой; самый высокий парень походил на старшеклассника, а остальные, вероятно, были нам ровесниками. Всех этих ребят объединяла одна общая черта: увидев нас с Валерой, они все окинули нас любопытным и при том каким-то недружелюбным взглядом.

Когда мы проезжали мимо, самый высокий веснушчатый парень крикнул в нашу сторону:

– Эй, кто такие? А ну стоять!

Мне стало не по себе, но я сделал вид, что не услышал его. Валера украдкой взглянул на меня и, кажется, распознал в моём лице тревогу.

– Да это шпана местная. Не обращай внимания, вот и всё. Не будем ни во что ввязываться, – обратился он ко мне.

Я едва заметно кивнул в ответ и закрутил педали сильнее, чтобы как можно скорее уехать от этих ребят, походивших на хулиганов.

– Э, оглохли там, что ли? – снова раздался тот же голос, что и в первый раз.

– Ну, пеняйте на себя! – добавил нам вслед кто-то из подростков, но я уже не мог видеть кто, так как все они остались позади нас, а оборачиваться я не стал, чтобы не привлекать к себе внимания.

– Как считаешь, что им от нас нужно? – спросил я Валеру, как только мы отъехали подальше.

– А то ты не знаешь? Детвора местная, как и мы с тобой. Развлекаются они так, пугают встречных. Самоутверждаются. Не бери в голову, – ответил Валера с такой невозмутимостью, точно вовсе не придавал значения этой встрече.

Я попытался себя убедить в правоте моего друга и понадеялся, что эта шайка не встретится нам на обратном пути.

Вскоре мы достигли продуктового, который, как оказалось, пользовался большой популярностью у местного населения, вероятно, из-за того, что был единственным магази-

ном во всей округе. Отстояв небольшую очередь, мы купили нужные продукты, не забыв про мороженое. Наш выбор пал на розовое плодово-ягодное в картонном стаканчике за два рубля.

– А вы, ребята, чьи будете? Что-то я раньше вас тут не видела, – спросила нас продавщица, когда мы сложили все продукты в рюкзаки и были готовы уходить.

– Простите? – переспросил я, слегка удивившись от такого вопроса.

– Я говорю, впервые вас здесь вижу, – повторила женщина и добродушно улынулась. – Вы дети Прониных? Уж больно похожи на них.

– Нет, мы у Петра Сергеевича живём, – пояснил я, полагая, что Пронины – это какие-то другие, не знакомые нам люди.

– У Петра Сергеевича! – повторила продавщица, очевидно догадавшись, о ком идёт речь. – Так у них с Катей вроде не было детей. Кем же вы ему приходитесь, если не секрет?

– Секрет! – воскликнул я и тут же выбежал из магазина.

Валера выбежал вслед за мной.

– Ефим, ты чего удрал-то? – спросил он меня.

– А чего она прикопалась? Что я ей скажу? Что мы тут бродяги, что он нас на дороге подобрал и мы теперь у него за еду работаем?

– Тоже верно, – согласился Валера. – Ладно, поехали назад. Думаю, она просто так спрашивала, диалог поддерживать. А вообще, ты прав. Если все тут друг друга знают, то на нас косо будут смотреть, чужие мы здесь. Надо бы с Петром Сергеевичем посоветоваться, что нам людям отвечать.

– Вот-вот! – подхватил я и запрыгнул на велосипед.

Мои ожидания не оправдались, и на обратном пути мы встретили наших новых знакомых. Увидев нас издалека, шесть человек встали в ряд и перегородили нам дорогу. Сердце моё почуяло что-то неладное.

– Что будем делать? – спросил я Валеру дрожащим голосом.

– Остановимся. Придётся узнать, что они хотят, – ответил Валера, не изменяя своему прежнему спокойствию.

Как только мы остановились, все шестеро окружили нас, что сообщало нам об их крайне недружелюбных намерениях.

– Кто такие? Почему не остановились, когда мы вас просили? – обратился к нам один из парней довольно плотного телосложения, на вид самый сильный из всей шайки.

– Не слышали, – ответил Валера.

– Ты за дураков нас держишь? – вступил в разговор самый младший из мальчишек.

Валера никак не отреагировал на вопрос, я тоже оставался безмолвным, но моё молчание было вызвано испугом, чего нельзя было сказать о Валерке.

Тогда парень, начавший весь этот разговор, снова обратился к нам:

– Кто вы такие, сопляки? Мы вас раньше тут не видели. Чьи будете?

Речь его отдавала презрением.

– А ты кто такой? Я тебя вот тоже впервые вижу, – всё так же спокойно и невозмутимо отвечал Валера.

– Ты тут самый умный, что ли? – глаза парня загорелись яростью. – Что везёте в рюкзаках?

– То, что тебе не достанется, – надменно отрезал Валерка.

Лицо его собеседника смягчилось, что сильно удивило меня.

– Как вас зовут? – спросил он нас.

– Валера.

– Ефим.

– А меня Иваном звать, – ответил парень и скорчил гримасу, видимо пытаясь улыбнуться.

Я попытался улыбнуться в ответ в знак дружелюбия, но улыбка моя была такой неискренней, что мне самому сделалось противно. Вдруг лицо Ивана сделалось суровым так резко и неожиданно, что я будто бы почувствовал удар молнии.

– Снять с них рюкзаки! – скомандовал он своим ребятам.

Четверо парней, все, кроме самого малого, ранее недвижимые и не произнёсшие ни звука, тотчас разделились по двое, подошли к нам и молниеносно сдёрнули рюкзаки с меня и Валеры.

– Посмотрите, что у них там, – приказал своим приятелям Иван.

Хулиганы открыли наши рюкзаки, перевернули их, и все продукты посыпались на землю. Тогда главарь шайки подошёл к куче еды, присел и стал пристально разглядывать всё, что выпало из сумок.

– Так, что тут у нас? – говорил он себе под нос, перебирая пакеты с крупой. – Гречка, рис, макароны. О! Вот и мясо есть! Что, продуктами закупились?

– Как видишь, – безучастно ответил Валера.

Внешне я, как и мой друг, старался казаться холодным и непоколебимым, пытался не выдавать своих эмоций, но внутри меня всё горело. Желание задушить наших обидчиков, всех до единого, намертво сплеталось с досадой от нашей беспомощности – их было шестеро, а нас – всего двое.

– Значит, так, оболтусы, – надменно произнёс Иван, – продукты ваши мы заберём вместе с рюкзаками. Можете считать, что это наказание за то, что вы не остановились по нашему требованию. А сейчас проваливайтесь отсюда и на глаза мне больше не попадайтесь. Увижу вас ещё раз – останетесь без велосипедов и без рёбер.

Когда он закончил речь, из толпы раздалось несколько усмешек. Видимо, всей шайке пришлось по нраву, как их предводитель показывал свою твёрдую власть.

– А ты здесь главный? – обратился Валера к оратору, так и не утратив ни капли самообладания в своём ровном голосе.

– А ты что-то имеешь против? – ответил главарь банды, после чего вплотную приблизился к Валере и пристально посмотрел ему в глаза.

Валера же продолжал ровно дышать, не выказывая никакой тревоги, и сдержанно рассматривал своего собеседника. Неожиданно в глазах Ивана вспыхнула искра гнева, он резко и грубо толкнул велосипед ногой так, что тот завалился вместе с Валерой.

– Вставай же! Иди сюда! – яростно прокричал он упавшему Валерке.

Валера молча и неторопливо встал с земли, отряхнулся, поднял велосипед и поставил его на подножку. Уверенными,

но неспешными шагами он начал приближаться к Ивану. Того, в свою очередь, сильно насторожила такая невозмутимость и холодность Валеры, он занервничал и невольно попятился, но потом одумался и остановился, молниеносно достал из кармана перочинный нож и, крепко сжав его в руке, выставил лезвием вперёд.

– Ну, давай! Иди сюда, сучонок! – стал дразнить он Валерку и принялся тыкать ножом в воздух.

Чем сильнее приближался к нему Валера, тем сильнее разгневанный подросток размахивал ножиком. Однако, когда Валера подошёл к нему совсем близко, движения Ивана притупились, а взор его застыл и наполнился тревогой. Такая реакция противника разбудила в моём друге уверенность, и правой ногой он ловко выбил нож из рук противника, после чего нанёс удар кулаком по его лбу с такой силой, что парень тут же повалился спиной на землю. Он тотчас постарался приподняться, но сразу пошатнулся, встал на четвереньки и смиренно посмотрел Валере в лицо. Тогда один из парней, тот, что был самым высоким, засучил рукава и приготовился вступить в драку, но, увидев это, Валерка сразу схватил лежащий на земле нож и грозно посмотрел рослому парню в глаза. Тогда в подростковом что-то переломилось, и он сделал несколько шагов назад.

– Эй, друг, ты чего? Мы же просто пошутили, – ласковым голосом обратился парень к Валере.

– Проваливайте отсюда, мрази! – просочился сквозь сжатые зубы Валерки незамедлительный ответ.

– Нож только верни, – неожиданно потребовал тот, кого Валера минуту назад повалил на землю.

Казалось, вся прежняя сдержанность моего друга растаяла в его внезапном огненном порыве гнева. Он подбежал к попрежнему стоявшему на четвереньках парню и изо всех сил пнул его под дых так, что тот колобком прокатился по земле, поднимая столб пыли, и, упав на живот, сильно закашлял.

– Пошли отсюда вон! – закричал Валерка таким язвительным голосом, какой мне никогда не доводилось слышать из его уст.

Тотчас двое парней подняли упавшего товарища, который

уже едва не задыхался, и, придерживая его, повели прочь. За ними пошли и трое остальных, чуть ли не ежесекундно оглядываясь на Валерку, как бы опасаясь, что он нападёт на них или швырнёт кому-нибудь нож в спину. Когда они отделились и нам уже ничего не угрожало, Валера выбросил ножик в болото возле дороги. Мы принялись собирать раскиданные по земле продукты.

– Даже не думал, что они так скоро отступят, – обратился я к Валере и произнёс эти слова так робко и тихо, как только можно было обратиться к человеку, минуту назад пребывавшему в небывалой ярости.

На устах моего друга промелькнула лукавая улыбка и сразу же соскользнула.

– Это же известный закон, – ответил он и метнул свой взгляд в небо, словно хотел узреть там какую-то поддержку своим словам. – У любой шайки есть главарь, который задаёт всем настроение. Если ты показываешь своё превосходство над ним, если ты побеждаешь его, остальные сразу испугаются и отступят. Бывают, конечно, редкие исключения, но к нашему случаю они не имеют никакого отношения. Это были обыкновенные деревенские хулиганы, которые способны припугнуть разве что какую-нибудь мелюзгу, и то только все вместе. Для настоящей драки у них кишка тонка. Это кажется, что их много и поэтому они опасны. На деле же они друг другу вовсе не товарищи, и каждый из них думает только о себе, и, когда видит, как кому-нибудь из них досталось, тотчас начинает бояться, что его постигнет та же участь, поэтому и не решается вступить в драку. А тот парень, у кого был нож, судя по всему, вообще им пользоваться не умеет. Только дилетант станет так судорожно размахивать холодным оружием, чтобы запугать противника. Тот же, кто знает цену такому оружию, обращается с ним совсем по-другому.

Такой беспристрастный психоанализ, проведённый Валеркой, избавил меня от всякой необходимости задавать другие вопросы.

Собрав продукты, мы поехали домой к Петру Сергеевичу, который, вероятно, уже нас заждался. Ни ему, ни кому-либо другому мы не рассказывали про то столкновение, которое

сегодня с нами произошло. Сами мы тоже больше не говорили об этом, но я ещё не раз вспоминал первый июльский день и не раз восхищался твёрдостью духа и рассудительностью Валеры, которые в сочетании с его солидной физической силой позволили прогнать шайку из шести хулиганов.

За время нашего пребывания в Зайцево нам довелось ещё раз встретить этих ребят на пруду. Они пришли первыми и заняли хорошее место возле удобного захода в воду; остальные места на берегу были не такими излюбленными среди местного населения и к началу июля успели изрядно зарастить травой. По настоянию Валеры мы расположились рядом с ними и не стали искать другой приемлемый клочок земли возле воды. Узнав нас, ребята стали о чём-то шептаться, после чего собрали вещи и отошли на несколько десятков метров, где принялись усердно топтать траву, чтобы подготовить себе новое место для посиделок. Не знаю, страх перед Валерой или уважение к нему заставили их так поступить, но я уверен, что, будь я один, они поступили бы иначе.

Иная история приключилась с нами примерно через пару недель после стычки с местными хулиганами. Шестнадцатого июля мы с Валерой отпросились пойти в лес, чтобы собрать черники, которая к тому времени уже поспела. Пётр Сергеевич вовсе не был против, а наоборот, сказал, что очень одобряет и поддерживает эту идею, тем более что нам с Валерой прилично наскучило строгать доски для новой мастерской за последние четыре дня и он это видел.

Пётр Сергеевич выделил нам по два бидона для черники, а наши рюкзаки набил вкусной стряпнёй Екатерины Ивановны. С таким багажом мы выдвинулись в лес около двух часов дня, рассчитывая вернуться назад если не к ужину, то уж точно до темноты.

В лес мы потопали той дорогой, по которой нам уже приходилось несколько раз ходить во время нашего пребывания в Зайцево. Я знал, что до мест, богатых черникой, нам предстояло идти минут сорок. К счастью, путь наш проходил под тенистыми соснами и мы не ощущали на себе всей силы знойного июльского солнца, которое бывает особенно горячим в самый разгар лета.

Как только нам стали попадаться первые кустики черники, мы принялись наполнять ею бидоны, но, когда мы немного продвинулись вперёд, черники стало так много, что от вида предстоящей работы на меня нахлынуло чувство лени и желание отдохнуть.

– Подожди, Валера. Давай передохнём, – сказал я и, не дожидаясь ответа, уселся на мягкий мох.

– Вот тебе и на! – удивился Валера. – Только же начали собирать, а ты уже отдыхать вздумал.

– Да её вон как много, этой черники. Целое море! Давай перекусим, а потом уж приступим к работе засучив рукава.

– Ладно, чёрт с тобой, – неохотно согласился и махнул рукой Валерка, – дай и мне, что ли, пирожок, раз сам есть собрался.

Я открыл рюкзак и достал оттуда два вкуснейших земляничных пирожка, с душою приготовленных Екатериной Ивановной. Один я протянул Валере, а на другой жадно набросился, словно хищный зверь на свою добычу. Один сладкий пирожок скорее разыграл мой аппетит, чем утолил его, и, покончив с ним, я сразу принялся за второй, а потом и за третий.

– Смотри, не увлекайся! А то у нас с тобой к вечеру ничего не останется – голодать будем, – предостерёг меня Валера и улыбнулся, словно в подтверждение того, что предостережение его было шуточным.

– Тебе жалко, что ли? – возмутился я. – Пирожки закончатся – будем чернику уплетать.

– Не жалко, конечно, но всё же оставь нам хотя бы пару штук, чтобы перекусить, как ягоды закончим собирать. Да и ещё парочку не помешает про запас сберечь на случай непредвиденных обстоятельств, – посоветовал Валера.

– Каких ещё непредвиденных обстоятельств? – удивился я.

– Да сам понимаешь, в лесу всякое бывает.

– Нет, не понимаю! Какое такое всякое? У нас с тобой тут работы на пару часов, перекусим и назад пойдём. К ужину домой вернёмся.

В моём голосе можно было уловить оттенок возмущения,

которое я испытывал оттого, что Валерка так уклончиво изъяснялся.

– Ефим, лес есть лес. Если ты его плохо знаешь, всегда полезно иметь с собой небольшой запас пропитания на случай, если заблудишься, – сдержанно ответил Валера, сделав вид, что совсем не заметил моей вспыльчивости.

– Ну, раз запас еды решил приберечь, так открой хоть свой рюкзак, и давай посмотрим, что у нас там есть. Что там тебе Пётр Сергеевич положил? – полюбопытствовал я.

– Да я уж проверял. Бутылку молока из холодильника да бутылку воды. Молоко, кстати, холодное ещё.

– Так чего же ты молчал? Давай скорей сюда молоко! – потребовал я. – Пить хочу, не могу, после пирогов этих сладких.

Валера безропотно протянул мне бутылку молока, и я тотчас присосался к ней губами. Я даже не почувствовал, как выпил половину всей бутылки.

– Оставь хоть на потом! Пить же захочется, – своим очередным наставлением помешал мне Валерка насладиться неповторимым вкусом освежающего молока.

– Какой же ты зануда! – ответил я и, завинтив крышку, протянул бутылку назад Валерке.

За последнее время Валера действительно изменился и стал каким-то чересчур ответственным и излишне предусмотрительным. Такие качества совсем не делали чести тринадцатилетнему мальчишке, а лишь превращали общение с ним в какой-то деловой скучный диалог. Это не раз проявлялось во время нашей совместной работы на участке Петра Сергеевича. Когда я принимался болтать во время того, как мы красили, шлифовали, пилили или кололи дрова, он рекомендовал мне поменьше разговаривать и сосредоточиться на работе, что задевало меня, хотя я этого и никак не показывал. Когда я ему предлагал копнуть земли, достать оттуда червяка, взять дрель и попробовать рассверлить его пополам, он велел мне оставить столь глупые детские забавы. Словом, я старался воспринимать наше пребывание в этой деревне как некое развлечение, а он, напротив, с полной серьёзностью и самоотдачей относился ко всей работе, которую просил нас

выполнять Пётр Сергеевич. Нередко за день Валера выполнял в полтора, а то и в два раза больше работы, чем от него требовалось, чего нельзя было сказать обо мне – я часто отдыхал, а если задание мне надоедало, я просил дать другое, не такое скучное. Я чаще обращался за помощью к Петру Сергеевичу, в отличие от Валеры, который понимал всё с первого раза и умел работать самостоятельно.

Таким Валеру сделала смерть отца, именно после неё он становился всё более серьёзным и строгим – всё более взрослым, каким не был прежний Валерка, стрелявший из рогатки шишками по окнам.

Но вернёмся в лес, поросший черникой, к нашему разговору.

– Я не зануда, – холодно и слегка надменно ответил Валера. – Небольшая осторожность никогда не помешает.

– Ладно, пойдём уже чернику собирать! – произнёс я игривым тоном, желая подчеркнуть, что слова Валерки скорее забавляли меня, чем заставляли поверить в то, что мы можем натолкнуться на неприятности во время похода за ягодами.

Мы разошлись по обе стороны от тропинки, по которой пришли, и принялись наполнять бидоны черникой. Я набирал в ладонь горсть с нескольких кустиков и высыпал её в бидон, когда она достигала значительных размеров, так что уже не могла не рассыпаться, если я слегка наклонял руку. Но прежде чем горсточка тёмно-синих ягод достигала солидного объёма, у меня возникал соблазн закинуть её себе целиком в рот, что и я делал. Иногда я оборачивался на Валерку и видел, что он поступал точно так же. Такой подход к делу, конечно, существенно замедлял наполнение бидонов, но это нас совсем не тревожило. Ну нельзя же, в самом деле, прийти в лес за черникой и не попробовать райских ягод прямо с куста.

Когда мы обобрали, как мне казалось, все кусты вокруг, у нас оставался ещё один пустой бидон.

– Ну что? – сказал Валера. – Пойдём назад? Хоть три бидона набрали, и то ладно.

– Давай подальше пройдем и поищем ещё ягод, чтобы последний бидон тоже заполнить, – предложил я. – Мне кажется, тут кругом полно черники, да и куда нам с тобой торо-

питься?

Валера устремил взор на мерцавшее между деревьев солнце – оно сияло ещё достаточно высоко, и лучи его без труда прорывались между высоких сосен и падали на землю.

– Ладно, – едва слышно ответил он и перевёл свой взгляд с небесного светила на моё лицо. – Вроде ещё не поздно, должно быть, успеем до темноты, если скоро новые заросли найдём.

– Конечно не поздно! – подхватил я. – Ещё совсем день!

Валера снова поднял глаза к небу; на этот раз взгляд его был более задумчивым.

– На самом деле уже часов шесть вечера, так что давай-ка поторопимся, – настоял он.

Я не стал противиться, и мы пошли дальше по едва заметной лесной тропке, пока не упёрлись в болото, которое пришлось обходить. Обогнув его, мы совсем сбились с тропы, или же, что более вероятно, она просто закончилась. Три бидона с черникой становились для нас непосильным грузом: нам постоянно приходилось останавливаться и делать передышки, что сильно замедляло наше продвижение вперёд. Мы решили оставить их возле довольно приметной лиственницы, положившись на то, что на обратном пути будем обходить болото в том же самом месте и заберём наш багаж.

Мы продолжали идти примерно в том направлении, куда раньше вела дорожка, то есть солнце оставалось справа от нас. Валера всё время оглядывался по сторонам, словно пытался запечатлеть в памяти всё, что видел.

– Да что ты всё оглядываешься? Пойдём уже! Сам же говорил, что поспешить надо! – злился я.

– Надо запомнить дорогу, – тихо и отвлечённо ответил Валера, будто моя злоба не столько задевала его за живое, сколько отвлекала от дела.

Я что-то пробурчал себе под нос, скорее всего, Валера этого даже не слышал. Минут через пятнадцать мы наконец наткнулись на новые заросли черники, впрочем, на этот раз довольно бедные. Но и этому мы были рады и принялись набивать ягодами последний бидон. Когда он был полон, солнце спустилось значительно ниже, и в лесу стало заметно

темнее.

– Теперь уж точно нам нужно стремглав бежать домой, – заметил Валерка. – Видишь, как вечер незаметно подкрался (тут на лице его промелькнула улыбка). Мы должны успеть вернуться из леса до темноты.

– Успеем! – энергично уверил я своего друга. – У нас ещё есть час-полтора. Думаю, этого времени нам хватит.

– Надеюсь, – прошептал Валера и, едва заметно покачав головой, недвусмысленно вздохнул.

Мы пошли назад и постарались ускорить шаг, но за день от ходьбы наши ноги устали и быстро идти не получалось. Валера шёл первым, а я следовал за ним. Я шёл ещё медленнее, чем он; мне ужасно мешал этот бидон, который сильно раскачивался при быстрой ходьбе и натирал ладонь.

– Что-то долго идём, – крикнул я вслед впереди идущему Валере. – Должны были вроде уже на то болото выйти.

– Сам знаю, – рявкнул в ответ он, пробираясь между веток молодых берёз.

– И сосны этой я что-то не помню, – добавил я и показал пальцем на большой и голый ствол дерева, некогда поражённого ударом молнии.

Валера лишь бросил мимолётный взгляд на погибшее дерево и продолжил искать глазами что-то впереди. Вдруг он резко остановился и стал оглядываться по сторонам, при этом щурился глаза, да так сильно, что лицо его исказилось в гримасу. Я тут же догнал его и остановился рядом.

– Заблудились, что ли? – решил я озвучить мучавший меня вопрос.

– Судя по всему, так.

– Так ты же вроде запомнил дорогу?

– Запомнил.

Валера прошептал это слово так тихо и неохотно, словно швырнул мне его под ноги, лишь бы я отстал от него со своими вопросами.

Я немного удивился его раздражительности, которую счёл беспочвенной, но сделал вид, что не придал этому значения, и снова обратился к нему:

– Где же мы могли сбиться с пути?

– Да что ты пристал? Откуда я знаю? Ошиблись где-то!

Такой ответ дал мне понять, что раздражение моего друга было отнюдь не притворным.

– Может, назад пойдём, туда, где последнюю чернику собирали, и попробуем заново нужную дорогу найти, – предложил я.

Ответа я не дождался; Валера продолжал пристально разглядывать всё вокруг с недовольным видом.

– Всё же ума не приложу, как мы умудрились потерять дорогу, по которой шли. Надо, наверно, вернуться назад и попробовать пройти не так быстро, – снова озвучил я свою идею, но на этот раз сделал вид, будто просто рассуждаю вслух.

– Нет, назад нам смысла нет шагать. Можем ещё сильнее сбиться с пути, – возразил Валера.

– И что нам тогда делать?

– Мне кажется, мы ушли немного влево. Давай попробуем пройти ещё вперёд и отныне будем держаться правее.

– Что же, тогда веди, – заключил я, и мы побрели дальше в надежде выйти к тому месту, где оставили три бидона с ягодами, или к болоту.

В течение целого часа мы то продвигались вперёд, то разворачивались и шли в обратном направлении. По настоянию Валерки мы часто поворачивали направо и двигались, судя по всему, на юго-восток, так как оранжевое солнце оставалось позади нас, а летом, как известно, оно садится на северо-западе.

Иногда Валере казалось, что мы слишком далеко ушли вправо, и тогда мы почти бегом возвращались туда, откуда повернули, словно он боялся забыть дорогу, если мы промедлим. Валера часто нервничал, ругался и злился, а я старался молча следовать за ним, не задавая глупых вопросов, которые окончательно могли вывести его из себя.

Через час солнце полностью скрылось за стеной густых деревьев, и вечерние сумерки окутали безмолвный лес. В нарастающем мраке вся земля, поросшая травой и мхом, а также усыпанная шишками, иголками, ветками деревьев и сухими листьями, сливалась в однообразное тёмное полотно.

Всё вокруг стремительно меркло, и только небо пока ещё оставалось прозрачным и светлым. Идти становилось всё труднее.

Тогда Валера повалился на землю и, тяжело дыша, сказал то, что мы давно осознали, но до последнего не решались признать:

– Ефим, мы заблудились.

– Да я уже понял.

– Вот зараза, есть ещё хочется, как назло. У тебя ещё остались пирожки?

Я достал из рюкзака два сладких пирожка и протянул их Валере.

– Держи, – сказал я. – Ты за сегодня съел всего один, а я все три уже слопал. Стало быть, оба твои.

Валера молча взял из моих рук пирог и жадно набросился на него.

– Ты хочешь оставить второй на потом? – с недоумением спросил я.

– Ефим, не валяй дурака. Ешь второй пирог, – ответил Валера, не переставая чавкать и стремительно глотать один кусок за другим. – Мы должны подкрепиться, потому что нам придётся провести здесь ночь и до утра никакой другой пищи, кроме этих ягод (тут он взглядом указал на бидон, который я поставил на землю), не будет. Да и когда утро настанет, ещё неизвестно, как скоро мы сможем выбраться отсюда.

Мне откровенно льстило благородство моего друга, который поделился со мной своим пирогом и простил мне мою беспечность, из-за которой я растратил все наши запасы еды ещё днём.

Лес медленно, но верно продолжал погружаться во мрак, а комариные стаи уже почувствовали свою власть и принялись окучивать нас со всех сторон.

– Ефим, нужно костёр развести, а то эти твари за ночь нас сожрут и никакая длинная одежда нас с тобой не спасёт, – сказал Валера, как только проглотил последний кусок пирога.

– Давай хворост начнём собирать, – предложил я и тотчас встал с земли, чтобы осуществить свою затею.

Уже менее чем через час большой костёр давал нам всё

самое необходимое: свет, тепло и защиту от кровососущих. Тем временем ночь окончательно завладела лесом, но мы знали, что она скоро отступит и через три-четыре часа начнёт светать. Я был уверен, что поутру мы без труда выберемся из леса, и сожалел только о том, что мы так опрометчиво потеряли три бидона с ягодами, за которые Пётр Сергеевич, скорее всего, будет нас ругать.

Через некоторое время огонь начал затухать, и комары снова ощутили свою былую силу. Тогда я вызвался пойти собрать ещё хвороста, а Валера остался сидеть у костра с нашими вещами. Я старался брать ветки потолще, чтобы их хватило надолго, но в условиях почти непроглядной тьмы, не считая скупого лунного света, это было крайне трудно.

Незаметно для себя самого, увлечшись сбором веток, я ушёл от костра на приличное расстояние. Тогда я в испуге обернулся назад и тут же выдохнул с облегчением: костёр по-прежнему было отчётливо видно. Вдруг я услышал какой-то шорох, доносившийся из травы. Я испугался, что это была змея, и тут же пробежал вперёд несколько шагов, но споткнулся обо что-то металлическое и упал. Сразу же раздался резкий звон и с эхом разлетелся во все стороны. Я поднялся и посмотрел на землю: там лежал опрокинутый бидон с черникой, из которого уже посыпались ягоды, а рядом стояло два таких же, целых и невредимых.

– Ефим, это ты? Что случилось?

Судя по всему, звон железа достиг слуха Валеры.

– Да, это я! Я нашёл нашу чернику! – громко закричал я в ответ. – Иди сюда, помоги донести мне бидоны.

Валера, руководствуясь моим голосом, быстро нашёл меня, и, взяв ягоды и хворост, мы скорее побежали назад к костру, который уже стремительно тускнел.

Оказалось, что по моей неосторожности из бидона выпало около трети всех ягод, но это нисколько не расстроило меня: главное, что мы нашли нашу чернику, а значит, выбрались на ту дорогу, по которой шли днём, и как только рассветёт, сможем двинуться назад в Зайцево.

Когда мы с Валерой устроились поудобнее у огня, чтобы немного вздремнуть, где-то в лесу послышался шорох. Я сра-

зу встал и начал всматриваться в темноту: меж деревьев промелькнул робкий свет ручного фонарика.

– Кто там? – попытался я спросить грозным тоном, хотя меня охватил испуг.

– Ефим, это ты? – раздался знакомый голос в ответ.

– Пётр Сергеевич?

Человек из темноты ничего не ответил, а вместо этого во мраке стал вырисовываться чернеющий силуэт. Через мгновение мы с Валерой уже смогли без труда различить в нём Петра Сергеевича. Он подошёл к нам и окинул нас жадным довольным взглядом, словно наткнулся не на двух парней в тёмном лесу, а на оазис в пустыне или на клад в горах.

– Я вас уже два часа ищу, ребята. Заблудились, что ли? – обратился он к нам.

– Видимо, так, – ответил я, не удержав виноватую улыбку, скользнувшую по моим губам.

– Тушите костёр, ребята. Пойдёмте домой! – скомандовал наш спаситель.

Мы мигом забросали пламя землёй и затоптали ногами. Пётр Сергеевич взял два бидона с ягодами, а мы с Валерой прихватили по одному, и все троём пошли по тихому ночному лесу, полагаясь на тусклый свет маленького фонарика. Пётр Сергеевич хорошо знал лесную дорогу и без труда ориентировался на местности даже ночью, поэтому мы без труда выбрались из чащи.

К началу утренних сумерек мы вернулись домой, а прежде чем деревню озарил первый луч солнца, уснули крепким сладким сном людей, утомлённых долгой ходьбой. Мы проспали до обеда, и следующий день пролетел очень быстро.

Пожалуй, встреча с местными хулиганами и наш затянувшийся поход в лес – это те две истории, которые будут всплывать в моей памяти, как только у меня голове промелькнёт мысль о нашей жизни в Зайцево. Хотя наше пребывание там включало и много других интересных дней, в течение которых мы ходили на рыбалку, жарили шашлыки, ходили купаться и загорать на пруд, а однажды даже поохотились с Петром Сергеевичем на птицу. Вот такими были июльские дни.

Глава семнадцатая

ПОПУТЧИК

Говорят, что существует пять стадий принятия неизбежного: отрицание, гнев, торг, депрессия и собственно само принятие. Если считать наступление осени каждый год неизбежным событием, то я, должно быть, ежегодно прохожу через все эти пять этапов. Первый этап – отрицание – начинается, как правило, в конце июля, когда на деревьях уже появляются редкие жёлтые листья, но длинные знойные дни не дают поверить в то, что лето вскоре закончится. В такие дни мне кажется, что всегда будет тепло, ведь солнце встаёт так рано, садится так поздно, а днём поднимается настолько высоко, что приходится задирать голову вверх, чтобы его увидеть.

В течение июля мы с Валерой продолжали работать на участке Петра Сергеевича. Двадцать третьего числа Валера должен был совершить звонок дяде Антону, потому что в этот день у него заканчивался месячный отпуск. Он позвонил с уличного таксофона, но никто не ответил. Мы подумали, что дядя Антон мог просто ещё не вернуться домой, в конце концов, его отпуск мог затянуться на несколько дней, а слово «месяц» мы с Валерой восприняли слишком буквально.

На следующий день нам снова не удалось дозвониться. Затем Валера стал ходить один к таксофону каждый вечер, а когда он возвращался, я слышал от него один и тот же ответ: «Не берут трубку». В конце концов я даже перестал спрашивать его и на какое-то время позабыл об этом.

В начале августа выдался холодный ненастный день, и мы с Валерой занялись работой по дому: нужно было повесить несколько полок, которые смастерил Пётр Сергеевич для своей жены. За однообразной механической работой у меня было много времени подумать о событиях, произошедших с нами за последнее время. Я стал вспоминать, как мы попали сюда, в Зайцево, как почти две недели до этого мы провели в дороге и как уже больше месяца живём и работаем в этой деревне. Тут же мне вспомнился и армейский приятель Ва-

леркиного отца, которого я никогда не видел, а лишь слышал однажды его голос по телефону.

– Валера, ты сегодня ещё не звонил дяде Антону? – решил поинтересоваться я.

Валера никак не отреагировал, а продолжал упорно вкручивать саморез в дерево, словно и вовсе не слышал меня.

Спустя минуту, когда полка была окончательно закреплена, он многострадально вздохнул и ответил мне глухим голосом:

– Нет, не звонил. И вчера не звонил.

– А когда ты последний раз звонил?

– Четыре дня назад, первого августа. Как и каждый день до этого, никто не подошёл к телефону. Ефим, я больше туда не стану звонить. Я сомневаюсь, что мне когда-нибудь ответят, а если и ответят, то наверняка появятся какие-нибудь новые обстоятельства и меня попросят перезвонить через месяц-другой. Меня там не ждут.

– И что же теперь делать? – новым вопросом озадачил я Валеру, хотя он и сам, наверно, уже давно начал размышлять над этим.

– Сегодня вечером я буду просить Петра Сергеевича забрать меня с собой в Москву и усыновить. Они с Екатериной Ивановной хорошие люди, думаю, согласятся мне помочь.

– Очень хорошие! – моментально подхватил я, чтобы подбодрить Валерку, и этой фразой окончил нашу беседу.

Всю оставшуюся на день работу мы доделывали молча.

Вечером после ужина Валера обратился к Петру Сергеевичу и Екатерине Ивановне и пригласил их на веранду, чтобы поговорить о чём-то важном. Я сразу же догадался, чему будет посвящена беседа, и счёл своё присутствие лишним. Я остался на кухне мыть посуду, когда все трое пошли на свежий воздух.

Разговор продолжался около полутора часов; за это время уже стемнело, и если бы на небе не было чёрных туч, то повсюду зажглись бы бесчисленные звёзды, как это обычно бывает в августе. Я уже хотел выйти на улицу и сообщить, что собираюсь ложиться спать, но вдруг до моего слуха донёсся скрип досок и послышались уверенные шаги: это Валера,

Пётр Сергеевич и его жена возвращались в дом. Уже через мгновение дверь в кухню распахнулась; первым зашёл Пётр Сергеевич.

Он ловко окинул взглядом всю кухню, на миг задержал своё внимание на аккуратно сложенной чистой посуде, затем посмотрел на меня и сказал:

– О, Ефим, ты посуду помыл! Какой молодец! Спасибо тебе!

– Ой, да что вы. Не за что! Спасибо Екатерине Ивановне за очередной прекрасный ужин, – ответил я, слегка смутившись.

Улыбка, скользнувшая по губам супруги Петра Сергеевича, также выдала её смущение.

– Ефим, – продолжил школьный учитель, так как явно затеял разговор далеко не ради посуды, – мы посоветовались и решили, что до конца лета Валера поживёт у нас, а осенью поедет с нами в Москву и попробует начать новую жизнь там. Когда ты хочешь вернуться к своим родным?

Я ничего не ответил, а только растерянно покачал головой. Лавина противоречивых чувств накрыла меня с головой. С одной стороны, я был рад, что Валера наконец-то встретил тех самых людей, которые были готовы о нём позаботиться. Я искренне поверил в то, что у него начнётся новая нормальная жизнь, которой он заслуживал. Тотчас я вообразил, как скоро увижу своих родных, которых не видел уже почти два месяца, и на душе у меня стало ещё теплее. Но всё это также означало, что наше путешествие подошло к концу и мы с Валерой, быть может, больше никогда не увидимся.

На глазах моих проступили слёзы. Я не мог понять, были это слёзы радости или верх надо мной взяла тоска от грядущего прощания с другом, но слёз своих сдержать я не смог – капли беззвучно побежали по моим щекам. Валера увидел это и ответил мне ласковой улыбкой. Казалось, он прочитал все мои мысли до единой.

– Останешься со мной ещё на пару дней? – спросил он меня, не исказив своей наивной добродушной улыбки.

Я едва слышно прошептал то короткое утвердительное слово, которое любой бы прошептал на моём месте, и тотчас

бросился обнять своего дорогого сердцу друга.

– Валера, как же я за тебя рад! – воскликнул я.

Затем я бросился обнять сначала хозяина дома, а потом и его супругу.

– Пётр Сергеевич! Екатерина Ивановна! Спасибо вам огромное! Как же сильно вы помогли моему другу! Какие же вы замечательные, добрые и отзывчивые люди! – посыпались из моих уст слова благодарности.

– Решено! Ефим остаётся у нас ещё на два дня! А восьмого утром я отвезу его в Сосновку, – заключил Пётр Сергеевич.

– Давайте пить чай! – предложила Екатерина Ивановна.

Мы все дружно поддержали её и, прежде чем лечь спать, ещё около двух часов провели на кухне за занимательной беседой, рассказывая друг другу самые интересные случаи из своей жизни. Когда мы с Валерой уже лежали в своих кроватях, я не удержался и любопытствовал у него, о чём они так долго беседовали на веранде. В ту ночь Валера рассказал мне об Арсеньевых (именно эту фамилию вместе с обручальным кольцом от Петра Сергеевича приняла Екатерина Ивановна) такие вещи, о которых я и не догадывался.

Замечу, что с самого первого дня нашего знакомства с семьёй Арсеньевых они показались мне на редкость добродушными людьми. Пётр Сергеевич часто шутил, иногда даже подкалывал меня или Валерку, что делало общение с ним настолько лёгким и непринуждённым, будто мы имели дело со своим старым приятелем. Жена его, Екатерина Ивановна, приняла нас так радушно и тепло, как не встречали нас ни одни родители наших друзей, к которым мы заходили в гости. Она очень вкусно готовила, всегда с охотой бралась показать нам, что и где лежит в доме, если мы что-то искали, за столом часто общалась с нами и с участием слушала разговоры о наших детских забавах. Перед любыми работами она проверяла, надели ли мы перчатки и плотную одежду, чтобы защититься от пыли и стружки. Когда однажды я поранился пилой, Екатерина Ивановна так бережно обработала мою рану йодом, что я едва ли почувствовал жжение, после чего она приласкала и поцеловала меня в лоб. Словом, она была с

нами такой ласковой и обходительной, какой не бывают матери со своими детьми в некоторых семьях.

Валера поведал мне, что участок в Смоленской области был построен ещё прадедом Петра Сергеевича в период времени где-то между Русско-японской войной и Февральской революцией. Сам Пётр Сергеевич родился в Смоленске, а в шестьдесят первом году поступил в Московский государственный университет, где и познакомился с Екатериной Ивановной, тогда ещё студенткой Катькой Ерёминой, которая жила в Москве. Они полюбили друг друга и поженились в шестьдесят седьмом году, а после свадьбы остались жить в столице. Пётр Сергеевич любил деревню, в которой провёл не одно лето во время своего детства, поэтому покупать участок поближе к Москве они не стали, а ездили и продолжают каждый год ездить сюда, в Зайцево, за три сотни вёрст от Москвы.

Судьба распорядилась так, что из всех родственников у Екатерины Ивановны осталась мама, которая жила в Москве, а у Петра Сергеевича был брат, который занимался сельским хозяйством в Приморском крае. Но настоящая горе постигло молодых Арсеньевых в начале семидесятых, когда врачи сообщили, что ввиду врождённой патологии Екатерина Ивановна никогда не сможет иметь детей. У молодой пары ушёл не один год, прежде чем они смогли смириться с этой мыслью. Несколько раз их отношения заходили в тупик, и дело едва не заканчивалось разводом. В семьдесят четвёртом они усыновили мальчика из приюта, но он оказался таким проблемным, что через полгода ушёл от них и снова оказался в детском доме.

С тех пор угасающая материнская любовь копилась в измученном сердце Екатерины Ивановны точно таким же образом, как и глухие отцовские чувства, которым нельзя было дать волю, переполняли сердце Петра Сергеевича. И вот сейчас, летом девяносто восьмого года, когда обоим супругам уже давно перевалило за пятьдесят лет, им встретился Валерка, который, кажется, полюбился им ещё в первый день нашего пребывания в Зайцево.

Валера почти всегда выражал куда большее трудолюбие,

чем я. Он был более учтивым, часто вызывался помочь не только Петру Сергеевичу, но и Екатерине Ивановне. Он быстро завоевал их симпатию, которая зародилась ещё на простом человеческом сострадании к тяжёлой участи подростка, потерявшего последнего близкого человека. Таким образом, Валерка нуждался в доброте и заботе Петра Сергеевича и Екатерины Ивановны точно так же, как они нуждались в таком хорошем любящем сыне, которого у них никогда не было, но которого Валера сумел им заменить.

Я поражался тому, как горе разных людей, живущих друг от друга за несколько сотен километров, на моих глазах становилось фундаментом их общего счастья. В ту ночь я ещё долго не мог уснуть, а когда усталость всё же взяла верх над желанием размышлять, я заснул сном человека довольного и благодарного Богу за то, что этот мир не лишён торжества справедливости.

Следующие два дня мы провели с Валерой вдвоём и за это время общались так много, как ещё не приходилось нам с момента отъезда из Сосновки. Мы часто вспоминали уходящее лето и предыдущие года нашего детства. Валера рассказывал истории из его жизни, которые мне ещё не доводилось слышать. Я также был с ним откровенен и делился теми переживаниями, о которых едва ли стал бы говорить с кем-нибудь другим. Словом, мы с Валерой выливали наружу всё то, что впитала в себя за долгие годы наша молчаливая дружба, так сильно окрепшая за последние два месяца.

За катанием на велосипеде, купанием в пруду и прогулками по окрестностям деревни время пролетело незаметно, и настал вечер седьмого августа. Этим вечером мы все вместе с Петром Сергеевичем и Екатериной Ивановной устроили нечто вроде прощального ужина, для которого нам удалось приготовить невероятно вкусный шашлык. В этот вечер Пётр Сергеевич позволил нам с Валерой выпить по кружке холодного пива.

– Ефим, ты уже позвонил родителям и обрадовал их тем, что завтра приедешь? – обратился ко мне школьный учитель.

– Позвонил, но сказал им, чтобы они ждали меня пятнадцатого числа.

Валера поперхнулся, Пётр Сергеевич и Екатерина Ивановна выражением своих лиц явили недоумение.

Я тут же разъяснил свои слова:

– Пётр Сергеевич, не нужно меня завтра отвозить на машине. Я, конечно же, очень соскучился по маме и папе, но мне всё-таки необязательно спешить и я могу доехать на велосипеде.

– Ефим, если ты стесняешься, то ты это брось! Мне совсем нетрудно тебя подвезти, – постарался уверить меня Пётр Сергеевич.

– Я не стесняюсь, нет, – поспешил оправдаться я. – Спасибо вам, что готовы помочь, но я хотел бы проехаться на велосипеде и поразмыслить в дороге. Мне будет это полезно. В крайнем случае, я смогу добраться на электричке с одной пересадкой, а может, и вовсе без них.

Мои слова убедили Петра Сергеевича, и он не стал спорить с моим решением, но всё же спросил, разрешили ли мои родители преодолеть обратный путь на велосипеде. Я же признался, что просто не стал об этом упоминать, а сказал, что пробуду в Зайцево до пятнадцатого и вернусь домой по железной дороге.

Следующим утром настал неизбежный момент прощания. Я выразил искренние слова благодарности Петру Сергеевичу и Екатерине Ивановне, после чего пришло время проститься с моим другом. Взрослые оставили нас одних.

– Ну что, Валера? Теперь уж точно с тобой расстаёмся. А помнишь, как тогда в июне в Вязме расставались? Я тогда ещё электричку отпустил и назад прибежал, – сказал я и горько улыбнулся.

Мне хотелось поведать Валере совершенно другие слова. Я хотел признаться, что он стал для меня лучшим другом, что мне будет его не хватать и что я был искренне рад провести с ним это лето. Ещё утром я помнил ту трогательную речь, которую задумал произнести в момент нашего расставания, но едва мы с Валерой остались вдвоём, как все слова куда-то растерялись.

– Ефим, ты самый настоящий и самый преданный друг. Спасибо тебе за то, что был рядом в такое непростое для ме-

ня время, – ответил мне Валера с прижившейся на его лице улыбкой закалённого горем человека, под которую он научился прятать любые эмоции.

– Значит, прощаемся? – робко спросил я и протянул ему свою руку.

– Прощаемся! – твёрдо ответил Валера и одарил меня крепким рукопожатием.

Мы обнялись, и я хотел ещё что-то сказать ему, но в глотке намертво засел ком переполнявшей меня в тот момент тоски.

– Да брось, Ефим! – сказал Валера и хлопнул меня по плечу. – Можно подумать, последний раз видимся! Мы заедем в Сосновку в конце августа забрать кое-какие документы для усыновления. Да и если я в Москве буду жить, то смогу приезжать к тебе в гости на выходных на электричке. Так что это далеко не последняя наша встреча!

Слова Валеры здорово подбодрили меня. Я понял, что наше прощание действительно не такое горькое и окончательное, как мне казалось, и что мы ещё не раз увидимся и сохраним нашу дружбу.

Я вскочил на своего гнедого коня и помчал прочь, гружённый питьевой водой, запасами еды, приготовленной Екатериной Ивановной, и всё повидавшей на своём веку школьной туристической палаткой.

Странное дело, чем дальше я уезжал от Зайцево, тем легче становилось у меня на душе. Я уже предвкушал, как скоро приеду в Сосновку и увижусь с моими родителями, с Настей, с Ванькой, который, наверно, даже не представляет, что нам с Валерой довелось пережить за последние два месяца. Я представил, как соберу родных и друзей и буду во всех красках описывать наши приключения. Затем я вообразил, как последние две недели лета мы проведём с Настей, а прежде чем я пойду в восьмой класс, мы снова увидимся с Валерой.

За каждую неделю работы Пётр Сергеевич платил нам по сто пятьдесят рублей, как он сам выражался, на карманные расходы. Итого за шесть недель работы у меня скопилось девятьсот рублей, которые я так и не успел потратить. Именно эти деньги я взял с собой в дорогу. По моим расчётам, их

как раз должно было хватить на неделю.

Весь первый день я ехал быстро, будучи полным свежих сил и желанием вновь мчаться по огромному длинному шоссе. Но августовские ночи наступают раньше, и мне пришлось устроиться на ночлег заранее. Я не доехал около трёх километров до Ярцево.

Следующие два дня моего путешествия проходили довольно скучно, без каких-либо происшествий. За время нашей двенадцатидневной поездки с Валерой я накопил достаточно опыта, чтобы уметь грамотно рассчитывать свои силы, деньги, еду и воду. По солнцу я без труда определял время с точностью до сорока минут. Кроме того, я двигался по уже знакомой мне дороге и безошибочно предполагал, какое расстояние смогу проехать за час, за два или за день. К концу третьего дня моего одиночного путешествия я миновал Вязьму и заночевал в пяти километрах восточнее неё.

На четвёртый день я всё же решил добраться до ближайшей железнодорожной станции и сесть на электричку, чтобы поскорее одолеть остаток пути – езда на велосипеде по однообразному серому шоссе мне наскучила, помимо этого мне не терпелось увидеть отца и мать.

Я выехал на дорогу с места моего ночлега и успел продвинуться не более чем на один километр, когда меня нагнал другой велосипедист – подтянутый парень лет двадцати на современном шоссейном велосипеде. Он поравнялся со мной и бегло окинул меня взглядом, позволив себе отвлечься от дороги на несколько секунд.

– Привет! Куда путь держишь? – обратился ко мне незнакомец.

– В Сосновку! Домой вот еду, – охотно ответил я, так как в дни моей поездки мне сильно не доставало общения с живыми людьми.

– А где это?

– Да близ Можайска. Сто километров от Москвы.

– Ого! А долго едешь уже? Я смотрю, ты с палаткой.

– От Зайцево. Это где-то тридцать километров, не доезжая Смоленска. Четвёртый день уже еду. А ты откуда?

– А я из Бреста. Вот в Казань еду. Путешествую я так.

– Ого! – воскликнул я от удивления. – Это немалое расстояние!

– Да, конь у меня ретивый, – ответил незнакомец и игриво хлопнул по своему велосипеду. – Я на нём по сто километров каждый день проезжаю.

Сто километров... Для меня такое расстояние было немыслимым. Если бы моя подготовка и велосипед позволяли мне одолевать такую дистанцию ежедневно, то не позднее, чем вчера, я был бы уже дома.

– Как тебя зовут? – оторвал меня от завистливого восхищения мой временный собеседник.

– Ефим!

– А меня – Никитой!

Опытному велосипедисту, который был старше меня и ехал на большом современном велосипеде, было куда проще крутить педали. Я едва мог за ним поспевать. Никита это заметил и постарался сбавить ход, насколько это было возможно. Кажется, он тоже был рад случайной встрече, поэтому не спешил меня обогнать, а старался ехать наравне со мной, чтобы мы могли пообщаться.

Мы приближались к крутому спуску, который во время нашей поездки с Валерой оказался одним из самых сложных подъёмов. В этом месте обочина сужалась, а местами становилась и вовсе непригодной для езды, и приходилось выезжать на край проезжей части, которую было совсем нелегко поделить с многотонными грузовиками.

Никита поехал вперёд, а я ехал замыкающим – двигаться в один ряд было невозможно. Велосипед Никиты развил страшную скорость и умчал далеко вперёд, а я начал потихоньку отставать, хотя из-за нечеловеческой тряски почувствовал, как и сам всё сильнее разгонялся.

Мой велосипед нёсся с неведомой силой, и скорость продолжала расти, а обочина становилась всё хуже и хуже. Я попытался притормозить, но заднее колесо тотчас повело в сторону и меня едва не вынесло на середину проезжей части. Останавливаться было опасно, и мне пришлось удерживать велосипед на огромной скорости. Из-за неровностей на обочине я рисковал погнуть колёса и взял левее на край проез-

жей части, но вдруг позади раздался пронзительный гудок и я рефлексивно сдал вправо. В нескольких сантиметрах от меня промчался огромный трейлер, и потоком воздуха меня снесло ещё правее. На огромной скорости я налетел одним колесом на яму в самом конце спуска, а через сто метров мне удалось остановиться. Никита уехал уже далеко вперёд и почти скрылся из виду. Я слез с велосипеда, чтобы успокоиться, так как испытывал сильный шок от такого опасного спуска. Я стал осматривать велосипед – переднее колесо сдулось. Очевидно, от удара о землю лопнула камера. Не одно матерное слово сорвалось с моих губ, прежде чем я сел на землю и принялся рассуждать, что делать дальше. Ехать с такой поломкой было невозможно, а запасной камеры у меня не было. Оставалось одно: пойти пешком до ближайшей железнодорожной станции, а там сесть на электричку до дома. Я перекусил и отправился в путь.

Когда закончился спуск, начался подъём, и я с усилием делал шаги, волоча за собой своего раненого коня. Солнце было уже высоко, близился знойный августовский полдень. За жаркое лето воздух сделался очень сухим. Грузовики поднимали колючую пыль, обжигавшую ноги. В глотке у меня пересохло, я часто потел и много пил. Идти пешком по раскалённой дороге оказалось куда сложнее, чем ехать верхом.

Вдруг впереди я заметил что-то ярко-красного цвета. Через мгновение я распознал велосипед, и не чей-нибудь, а моего нового знакомого – Никиты. Вскоре он настиг меня.

– Что такое, Ефим? Колесо пробил? – обратился он ко мне, как только остановился и слез с велосипеда.

– Да на яму налетел. А ты чего в обратную сторону едешь?

– Как чего? Тебя вот хватился. На подъём забрался, оглянулся – а тебя и след простыл. Я подождал немного и решил назад повернуть, проверить, не случилось ли чего. Как видишь, не подвело меня моё чутьё.

– Надо бы камеру осмотреть, – перешёл я к сути проблемы. – Да только инструментов у меня нет, чтобы дырку заклеить. У тебя есть?

– Найдём! – ответил Никита. – Давай только свернём с до-

роги на лужайку. Там впереди есть одно удобное место для ремонта.

Мы прошли пешком минут пять и свернули на какой-то заброшенный просёлок, возле которого и расположились. Когда мы извлекли камеру, то довольно быстро нашли узкую продолговатую пробойну – то самое место, где лопнула резина. К счастью, у Никиты оказалась заплатка нужного размера, специальный клей и небольшой ручной насос. Уже через час мой велосипед был отремонтирован. Зной усилился; мы решили пообедать и отдохнуть перед тем, как поехать дальше. Никита возил с собой примус – на нём мы подогрели тушёнку, которая вместе со свежими огурцами составила наш обед. Покушав, мы уютно расположились в тени одинокого ясеня и скрасили наш послеобеденный отдых беседой о дорогах и велосипедах.

Оказалось, что Никита уже несколько лет подряд каждое лето путешествует по Европе и, поднабравшись опыта, решил проехаться по России. К утру он должен был достигнуть границы с Московской областью, где планировал соединиться с какой-то группой.

Мы переждали часы самого сильного зноя и стали собираться в путь. Я сердечно поблагодарил случайного попутчика за оказанную мне помощь, и он помчал вперёд. Я поехал вслед за ним, но расстояние между нами становилось всё больше и больше; через пару дорожных знаков велосипедист уже скрылся из виду.

Случайная встреча с путешественником придала мне новых сил и даже некоего азарта. Я решил не садиться на электричку, а одолеть весь путь своим ходом.

Глава восемнадцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СОСНОВКУ

Вторая стадия принятия неизбежного – гнев – дала о себе знать к середине августа. Днём нещадное солнце жгло утомлённую землю, и от него нельзя было спрятаться. Я ехал по

раскалённой пыльной дороге, проклиная жару, и ждал, когда наконец наступит спасительный вечер. Когда же светило соприкасалось с землёй и воздух становился прозрачнее, горячая дорога мгновенно остывала, и на большой скорости начинали мёрзнуть руки, а с окончательным приходом сумерек в короткой одежде ехать было совсем невозможно.

Ночи стали заметно длиннее и холоднее. В одну из них я так сильно замёрз в палатке, что пришлось разводить костёр, и до рассвета я грелся у огня, а положенные часы доспал только днём, когда из-за жары совсем не хотелось никуда ехать. Вечером я развёл костёр побольше и, когда он догорел, раскидал по земле угли, постелил на них еловые ветки и на всём этом установил палатку. Так спать было гораздо теплее. Именно в такие холодные ночи меня и одолевали раздражение и гнев: мне казалось, что раз на дворе ещё лето, то не должно быть так холодно. И именно в те же знойные дни я злился на жару, которая, как мне казалось, уже должна была начать отступать, ведь до осени оставалось немногим более двух недель.

К вечеру тринадцатого августа я практически достиг Можайска. До дома мне оставалось около двадцати километров, но стало стремительно темнеть, и я решил остаться на ночлег – спешить я не хотел, да и порядком устал за день. Ночевать я остановился в том самом месте, где почти четыре месяца назад в той же самой палатке свой первый дорожный лагерь разбили три прогулявших уроки школьника – я, Ваня и Валера. Я задремал лишь к рассвету, а до этого сидел у костра, тепло которого согревало меня не меньше тепла воспоминаний, нахлынувших на меня в эту последнюю ночь моего путешествия.

Утро выдалось холодным и ветреным. За пару часов ясное небо затянулось серыми облаками, и, когда я миновал Можайск, начался дождь. В моей жизни ещё не было такого дня, когда дождь был не в силах испортить моего настроения. А теперь этот день настал – до того я был рад, что вот-вот увижу своих родных и сделаю им приятный сюрприз, вернувшись на день раньше, чем обещал.

Прежде чем повернуть с шоссе на Сосновку, я остановил-

ся и почти целый час любовался дорогой, невзирая на сильный дождь. Я понимал, что это было совсем необычное путешествие и совсем необычное лето. Как только я окажусь в Сосновке, вся эта история, уходящая корнями ещё в далёкие апрельские дни, закончится, и я вновь вернусь к обычному укладу жизни, которой жил тринадцать лет. Со светлой грустью я вспомнил и о том, как первый раз поехал по шоссе и попал под град, и о том, как мы украли палатку, и как солнечным апрельским утром отправились в путешествие, в котором я познакомился с моей прекрасной Анастасией. Я мысленно вернулся в то время, когда ждал новой встречи с ней в городском сквере дни напролёт, вспомнил, как мы пролазили через окно в её квартиру, как однажды попали под град и едва не поссорились и как на следующий день я познакомился с её родителями. Я представил, как в День России мы сидели у пруда и к нам подбежал Валерка, сообщил о смерти отца, и в тот же день мы с ним сбежали, чтобы он не попал в детский дом. Я вспомнил, как мы несколько раз звонили дяде Антону, полагая, что этот звонок положит конец страданиям Валеры, и как каждый раз наши надежды разбивались о пустые обещания. Я вновь поразился тому, что мы едва не доехали до Смоленска, когда у нас оставалась горсть мелочи в кармане на пропитание, и как нам необычайно повезло встретить на дороге Петра Сергеевича, который нас приютил, и вместе со своей женой они стали такими же незаменимыми для Валеры, как и он для них.

– Настя! – воскликнул я, словно не удержав свои мысли.

Тут же я от ностальгических воспоминаний вернулся к реальности, которая сулила мне только хорошее: скорую встречу с родными, друзьями и любимой девочкой. Ловким движением я запрыгнул на велосипед и свернул с шоссе на просёлочную дорогу, ту самую, по которой два месяца назад покидал свой дом.

Когда я приехал домой и поднялся на крыльцо, то обнаружил, что входная дверь была заперта. Я постучался.

– Кто там? – послышался голос моей мамы, и тут же последовали мягкие шаги.

Я решил не отвечать ей, чтобы сохранить интригу, и оно

того стоило: как только она открыла дверь и увидела меня, лицо её изобразило такую радость, какой я ещё никогда не наделял самого дорогого для меня человека.

Мама на миг замерла, словно лишилась сознания, но едва её мозг снова заработал, как она воскликнула:

– Ефим! Сынок!

Тут же мать бросилась обнять своего сына, а на крик прибежал и отец, в глазах которого сверкнула не меньшая радость, чем та, что отразилась на лице истосковавшейся по сыну женщины.

В тот вечер мама показалась мне особенно красивой, отец – необычайно любящим, дом – невероятно уютным, а ужин – несказанно вкусным. Я уснул самым счастливым ребёнком на свете.

Через день, в воскресенье, я устроил праздник по случаю своего возвращения в родные края и собрал у себя дома всех друзей, не забыв позвать и Настю. Я очень сильно по ней соскучился и, как только увидел её, крепко обнял и прижал к себе.

– Настя! Родная! Как же я скучал! Как же долго мы с тобой не виделись! Я так рад нашей встрече! – воскликнул я, не выпуская милую сердцу девочку из своих рук.

– Я тоже очень рада тебя видеть! – ответила Настя.

На миг мне показалось, что её слова отдавали каким-то холодом, но я не придавал этому значения, а поцеловал мою возлюбленную в щёку.

Мои родители накрыли замечательный праздничный стол, за которым я с необычайным участием рассказывал друзьям о нашем с Валерой путешествии. Всем было интересно, и это сильно подбадривало меня. Только Настя с Ваней иногда о чём-то перешёптывались, что несколько меня обижало, потому что среди всех собравшихся они были для меня самыми дорогими людьми и больше всего мне хотелось поделиться своими впечатлениями именно с ними.

Вечером я вызвался проводить Настю до станции, мне хотелось пообщаться с ней наедине. Поначалу мы шли молча. Настя казалась мне встревоженной и задумчивой. Я не решался лезть к ней с расспросами. На какой-то миг мне даже

почудилось, что два месяца разлуки породили между нами какую-то отречённость.

– Настя, как твои дела? Расскажи, чем занималась, пока меня не было, – всё же решил я начать разговор.

Девочка продолжала молчать, и по её молчанию я сразу догадался, что что-то не так.

Затем она заговорила, но не стала отвечать на вопрос:

– Ефим, тебя долго не было. Ты совсем пропал. Тогда у пруда ты взял и убежал, а позвонил только через несколько дней. Я сильно волновалась. Ты обещал вернуться через неделю, а сам исчез на два месяца. Сейчас ты приезжаешь и хочешь продолжить общение с того места, где мы остановились. Я не могу так просто взять и принять это, словно ничего не произошло.

– Настя! – поспешил оправдаться я. – Ты знаешь, что у Валеры случилась беда. Я должен был ему помочь, он нуждался в моей поддержке. Я звонил тебе насколько мог часто и вернулся сразу же, как у Валеры всё утряслось.

– Ефим, я тебя ни в чём не виню. Нет, ни в коем случае! Ты действовал согласно тому, что тебе диктовала совесть. Но и ты пойми: мне нужно время подумать, чтобы всё осознать.

– Я заметил, что вы с Ваней сегодня довольно тесно общались. Вы с ним подружились? – сменил я тему нашей беседы и задал по-настоящему тревоживший меня вопрос.

– Мы подружились ещё тогда, в мае, у него на дне рождения. Мы виделись пару раз, пока тебя не было.

Я хотел ещё что-то спросить, но мы подошли к платформе, и в тот же момент подъехала электричка.

– Ладно, Ефим. Мне пора на поезд, а то опоздаю! – сказала Настя и побежала прочь, не поцеловав и не обняв меня на прощание.

Так не заканчивалась ещё ни одна наша встреча.

– Я тебе завтра перезвоню! – крикнул я вслед убегающей девочке.

Настя же ответила, что будет занята какое-то время подготовкой к новому учебному году, и сказала, что сама даст знать, когда у неё появится свободное время. Такой ответ не мог меня порадовать, и я решил поговорить об этом с Ваней

– человеком, который наверняка знал, что происходит с ней.

В тот же день я нашёл его сидящим под ивой возле пруда. Ваня бросал камни в воду и думал, судя по его лицу, о чём-то приятном. Я присел рядом с ним.

– Не помешаю? – спросил я его.

– Конечно нет! – дружелюбно ответил мой товарищ.

Я какое-то время молчал, смотря, как он бросает камни в воду, затем снова обратился к нему:

– Ваня, я могу просить тебя быть откровенным?

– Разумеется! Ты же мой друг. Я всегда с тобой откровенен, – ответил Ваня, слегка содрогнувшись от такого неожиданного вопроса.

– Я хочу поговорить с тобой о Насте.

Тут же Ваня нахмурился.

– Что ж, давай. Буду откровенен, – сухо ответил он, кажется, поняв, что диалог будет серьёзным.

– Она сама не своя, – начал я. – Мне кажется, что она будто охладела ко мне. Ты вроде общаешься с ней. Не знаешь, у неё всё хорошо?

– Ефим, я через два дня уезжаю, – ответил Ваня, но совсем не на мой вопрос.

– Куда? – удивился я. – Надолго?

– В Можайск. Насовсем. Мы уезжаем из деревни. Отец получил неплохую работу в городе, мы будем там снимать квартиру.

– Надо же, – сказал я и обречённо вздохнул, прежде чем смог продолжить. – Валера уехал, ты уезжаешь, а я тут один остаюсь. Вы мои самые близкие друзья. Как же я без вас?

Ваня снова вздрогнул, словно попытался подавить в себе чувство сострадания.

– Ефим, я должен тебе ещё кое-что сказать. Настя... Настя, она не виновата. Ты на неё не сердись. Обиделась она на тебя за то, что так надолго пропал. Она же девочка. Сам понимаешь, у них там своё на уме. А что касается нашей с ней дружбы... Тогда, у меня на дне рождения, мы разговорились, а потом я в Можайск к приятелю ездил и там её случайно встретил. Мы взяли по мороженому. Она говорила, что по тебе сильно скучает, жаловалась, что одиноко ей без тебя.

Я стал её утешать, обнял, пообещал, что буду её навещать, чтобы ей не было так скучно. Мы стали общаться, а несколько дней назад, буквально за день до твоего приезда, впервые в губы поцеловались. Не знаю, рассказывала она тебе это или нет. Ефим, в общем, я влюбился в неё. И я ей, как мне кажется, тоже не безразличен. В Можайске я, кстати, пойду в ту же школу, где и она учится. Только я в восьмом классе буду, а она в седьмом. Ефим, ты не держи на нас зла. Разве мы виноваты, что всё так получилось? Разве виноваты два человека, что между ними возникают чувства?

Начав говорить о Насте, Ваня всадил нож в моё сердце, а с каждой следующей фразой всё сильнее крутил его в моей груди.

– Не виноваты, – едва слышно выдавил я из себя эту фразу после непродолжительного молчания.

Сказав это, я побрёл прочь, как только пришёл домой, рухнул на кровать и залился самыми едкими в моей жизни слезами. К счастью, родителей не было дома и меня никто не слышал.

Через три дня Ваня уехал. Я не стал с ним прощаться. От Насти вестей не было. Я впал в депрессию и находился в подавленном состоянии. Солнце больше не согревало меня, а чистое небо не радовало моих глаз – разом я потерял любимую девчонку и двух лучших друзей – Валеру и Ваню. И если я считал, что потерял Ваню как друга навсегда, то Валера продолжал для меня оставаться близким сердцу человеком, и я очень надеялся на ту встречу, которую он мне пообещал.

К моей радости, надежды оправдались: двадцать седьмого августа вместе с Петром Сергеевичем и Екатериной Ивановной приехал Валера. Я много рассказывал о добродушных супругах своим родителям, и они были рады принять гостей. Их визит действительно развеселил меня и позволил отвлечься от душевных мук. Но я не мог не посвятить Валеру в свои переживания и, когда взрослые разговорились между собой, позвал его пройтись по деревне. За время нашей прогулки я рассказал ему всё, что накопилось в моём истерзанном сердце, и ожидал от Валеры помощи как от человека, не понаслышке знающего о горе и страданиях. Я изливал душу

Валере около часа, а его ответ занял не больше минуты, но был таким мудрым, что после его слов я навсегда изменил своё отношение ко всему произошедшему.

– Ефим, – сказал он мне, – разлука с Настей стала испытанием для ваших чувств, которое вы не прошли. Не надо об этом жалеть. Если бы это не произошло сейчас, то обязательно случилось бы позже, поверь мне. И тогда вам обоим было бы ещё больнее.

Ты жалеешь, что тебя предал твой друг. Но Ваня уже едва не предал нас однажды в апреле. Помнишь? Это лишь подтверждает то, что он никогда не был нам настоящим другом, а лишь выдавал себя за такого. А значит, у тебя не стало меньше друзей. Напротив, вокруг тебя теперь меньше подлых людей, и это хорошо. Но никогда не вини и не проклинай Настю и Ваню. Если их счастье действительно будет построено на твоём горе, оно само рухнет, ибо никогда чужое горе не будет прочным фундаментом человеческого счастья. А самое главное, запомни следующее: смерть отобрала у меня самых близких, но я продолжаю жить и верить в счастье. Твои же родные живы и здоровы. Береги их и помни, какое несказанное счастье – каждый день видеть их лица и слышать их голоса.

Если тоска – это вирус, то слова поддержки от верного друга – самый эффективный в мире антибиотик, ибо, усвоив их, я никогда больше не испытывал таких сильных страданий, какие терзали моё сердце десять дней от разговора с Ваней до разговора с Валерой.

Прежде чем уехать, Пётр Сергеевич оставил мне свой московский адрес, и мы с Валерой часто обменивались письмами, иногда даже звонили друг другу. Порой мне снова становилось грустно, но тогда я вспоминал слова Валеры и снова понимал, насколько же я был счастливым человеком: у меня есть здоровые мама и папа, возле меня больше нет фальшивого друга, способного предать меня в любой момент, и мне больше не нужно было тратить своей любви на девчонку, чьи чувства разбились о первую же разлуку.

Поначалу я злился на Настю и Ваню, и злоба моя перемешивалась с нежными чувствами к красивой девчонке, кото-

рые я ещё не успел утратить. Иногда гнев охватывал меня, и я начинал ненавидеть себя, не сумевшего удержать свою любовь, ненавидеть Ваню, укравшего у меня эту любовь, и ненавидеть самую любимую, которая не смогла сбереечь ко мне своих чувств. Гнев запросто переходил в досаду, и я начинал сожалеть о том, что потерял любимую девочку. Я мысленно ласкал её и целовал, брался просить прощения у Господа за то, что ещё пять минут назад ненавидел её. Затем досада и отчаяние могли снова перейти в гнев, и так продолжалось несколько часов.

После разговора с Валерой я впадал в такое состояние значительно реже, настроение моё стало ровнее, я не так часто вспоминал о Насте и Ване. И если Ване мне было нечего сказать, то с Настей я захотел проститься по-человечески, чтобы суметь её окончательно отпустить.

В первую субботу сентября я позвонил Насте домой. Знакомый голос послышался на другом конце провода – к телефону подошла сама девочка.

– Настя, привет. Это Ефим. Ваня мне всё рассказал о ваших отношениях. Хочу, чтобы ты знала, что я не держу на тебя зла и желаю тебе счастья. Какое-то время я ещё буду любить тебя, пока мои чувства к тебе совсем не угаснут, но я постараюсь тебя забыть, чтобы начать новую жизнь. Больше моего голоса ты не услышишь. Будь счастлива.

Сказав это, я повесил трубку. Ответ Насти мне было совсем необязательно слышать. После этого звонка мне стало значительно легче, и если я и вспоминал потом об утраченной любви, то в такие моменты на моих глазах больше не было слёз.

С началом учебного года приходит и третий этап принятия осени – торг. Уже становятся короткими дни, стремительно желтеют деревья и всё чаще начинает шуршать сухими листьями холодный ветер. Но когда из-за туч выглядывает солнце, становится значительно теплее; ты смотришь вокруг и видишь, что осталось ещё много зелёных деревьев. А может, лето ещё не совсем ушло? Может, уходя, оно подарит нам ещё немного тепла? Быть может, доброе солнышко ещё пригреет нас, прежде чем на долгие месяцы небо затянется

серыми тучами? Сам того не замечая, ты начинаешь клянуть у природы погожие деньки, с которыми ещё не готов расстаться.

Когда Валера и Ваня уехали, у меня стало заметно больше свободного времени, потому что с остальными ребятами я общался значительно реже. Это время я стал посвящать учёбе, и мои оценки существенно улучшились. Я даже начал брать книги в библиотеке и заниматься дополнительно. Валера тоже делал успехи в учёбе – ему было стыдно приносить домой двойки и показывать их Петру Сергеевичу и Екатерине Ивановне. Кроме того, он учился в той же школе, где они вели уроки. И если Петру Сергеевичу не удалось привить ему интерес к математике, то на уроках биологии Валера вслушивался в каждое слово Екатерины Ивановны. К тому же в восьмом классе началась химия, которой Валерка тоже заинтересовался. Ему удалось окончить школу с отличием, а за четыре года его интерес к химии только возрос. Валера поступил в Первый МГМУ имени И. М. Сеченова, где продолжил успешно учиться.

Что касается меня, то мне в старших классах больше понравилась физика. Я много занимался самостоятельно, и мне удалось поступить на механико-математический факультет МГУ. В университетские годы мы стали чаще видеться с Валерой, и наша дружба только крепчала.

К концу нулевых годов, когда во всю силу заработали программы международного обмена студентов, Валере выпала возможность пройти ординатуру в Техасе, что дало ему серьёзный карьерный толчок.

Сейчас две тысячи семнадцатый год. Валера работает хирургом в одной из московских больниц. У него своя квартира в Москве, замечательная любящая жена Вика и двое подрастающих сыновей: Павел и Борис. Я тоже осел в столице и сейчас работаю инженером в крупной компании, которая конструирует самолёты и другие летательные аппараты. Как и мой друг, я удачно женился на хорошей девушке с прекрасным именем Алёна. Четыре года назад у нас родилась красивая девочка, которую мы назвали Леной. Она оказалась очень способной, и в детском саду её определили в группу к

самым смышлёным ребятам.

С Валерой мы дружим семьями и видимся чуть ли не каждые выходные. У нас есть одна неизменная традиция. В семье Валеры больше мужчин, поэтому в День защитника Отечества мы с Алёной и Леной приходим к ним домой с поздравлениями. Он же с Викой и сыновьями приходят к нам спустя две недели поздравить моих дорогих женщин с Восьмым марта.

Что касается Вани с Настей, то они расстались в десятом классе. Ваня остался жить в Можайске; высшего образования он не получил. А Настя, насколько я знаю, уехала в Санкт-Петербург, где вполне удачно вышла замуж за программиста. Больше о её судьбе мне ничего не известно.

Годы покрыли лица моих родителей многочисленными морщинами и окрасили их волосы в серый цвет, но в душе они остаются ещё довольно молодыми и продолжают вести подвижный образ жизни. Они остались жить в Сосновке, свежий воздух им нравится больше шумных проспектов столицы. Но они часто приезжают к нам в гости, да и мы с женой и дочкой охотно их навещаем. Моя мама и Алёна очень поладили и довольно тесно общаются. Нередко на мой день рождения они готовят мне совместный подарок.

Пётр Сергеевич и Екатерина Ивановна уже состарились и ушли из школы, но чувствуют себя вполне хорошо. Валера продолжает заботиться о них как о своих родных. Я тоже их иногда навещаю. В прошлом году мы были на их золотой свадьбе.

Я часто вспоминаю весну девяносто восьмого, когда одним апрельским днём, быть может, вся моя жизнь изменилась. То были необычная весна и необычное лето, которые навсегда запомнятся мне как самые яркие воспоминания моего занесённого пургой времени детства. В то лето я понял, что друзья бывают только настоящими, а всех других мы именуем друзьями ошибочно. Я осознал, что только те чувства, которые мы проносим через тяжёлые испытания, являются искренними. И конечно же, в то лето у меня не осталось сомнений в том, что мы должны ценить и беречь своих родных, ведь их присутствие рядом с нами – самый ценный из

всех подарков судьбы.

Я напоминаю тебе, дорогой читатель, что меня зовут Ефим Скворцов. Я герой вымышленной истории о невымышленном поколении детей, которые не носили сотовых телефонов в карманах брюк и не имели компьютера на своём письменном столе. Я прощаюсь с тобой и желаю тебе всего доброго.

Кстати, вы бы хотели узнать про все пять этапов принятия осени как неизбежного? Тогда слушайте!

Четвёртый этап – депрессия – начинается в конце сентября, когда бабье лето отступает и приходит похолодание. Дни становятся короткими, серыми и дождливыми. Впереди ещё много холодных ливней и длинная снежная зима. Ну как же тут не впасть в депрессию? Однако совсем скоро на деревьях становится ещё меньше листьев, удлиняются ночи, появляются заморозки, а солнце выглядывает всё реже и уже совсем не греет. И ты понимаешь, что ещё неделю назад было не так плохо: светало раньше, темнело позже, солнышко баловало нас мягким теплом между холодными дождями, а клён под окном ещё не сбросил последние листья. Ты осознаёшь, что сейчас каждый день на вес золота, ведь следующий будет ещё холоднее, короче и тусклее. Именно в этот момент наступает последняя стадия – ты принимаешь осень такой, какая она есть, и перестаёшь грустить. Да и зачем вообще грустить? Ведь обязательно наступит весна! Да только одна беда: как известно, весна в Центральной России – явление своеобразное и крайне капризное.

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	3
Часть вторая	64
Часть третья.....	136

Литературно-художественное издание

Румянцев Даниил

ДЕТИ

в авторской редакции

Отпечатано в ООО «Эдитус»
129515, г. Москва, ул. Академика Королева, 13
8 (800) 775-30-87
www.editus.ru

Подписано в печать 24.04.17
Формат 130x200. Печ. л. 28
Печать цифровая. Бумага офсетная
Тираж 76 экз. Заказ № 201704206

ISBN 978-5-00058-578-8

ISBN 978-5-00058-578-8

www.cultura.ru

785000 585788 >